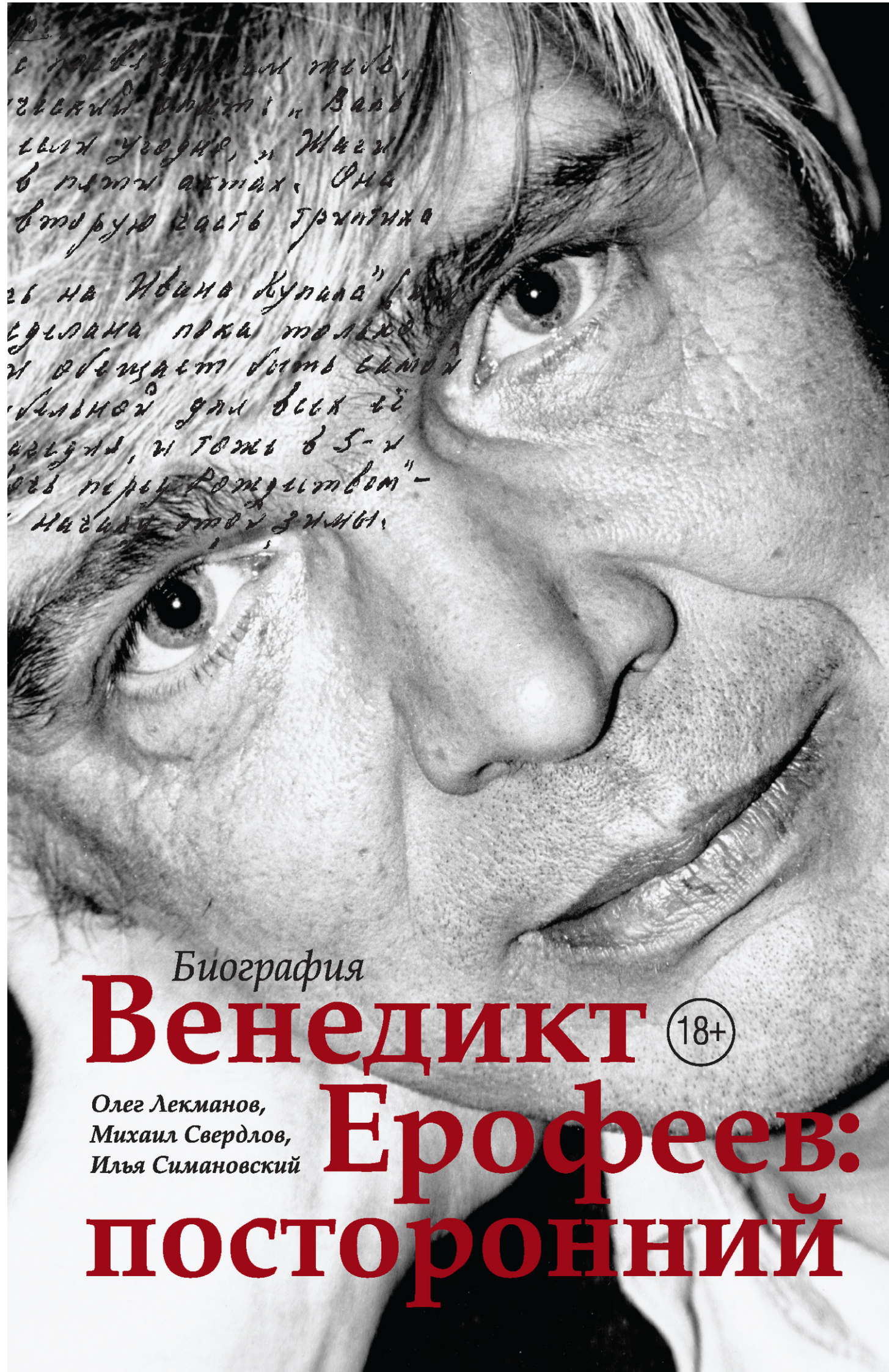

с полупрозрачной кожей,
глубокий овал лица. Вави-
льски угодны, и Миши
в пачках ахтах. Она
вторую часть триптиха

на Ивана Купала" (и
сделана пока только
и обещают быть такой
важной для всех её
друзей, и тоже в 5-м
году перу "рождеством"-
найдя этот зима).

Биография

Венедикт (18+)

Олег Лекманов,
Михаил Свердлов,
Илья Симановский

**Ерофеев:
посторонний**

Литературные биографии

Олег Лекманов

Венедикт Ерофеев: посторонний

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-09 Ерофеев В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Ерофеев В.

Лекманов О. А.

Венедикт Ерофеев: посторонний / О. А. Лекманов —
«Издательство АСТ», 2018 — (Литературные биографии)

ISBN 978-5-17-111163-2

Персонаж Веничка близко знаком читателю – и русскому, и зарубежному, – чего нельзя сказать про самого создателя поэмы «Москва – Петушки». Олег Лекманов, Михаил Свердлов и Илья Симановский – авторы первой биографии Венедикта Ерофеева (1938–1990), опираясь на множество собранных ими свидетельств современников, документы и воспоминания, пытаются отделить правду от мифов, нарисовать портрет человека, стремившегося к абсолютной свободе и в прозе, и в жизни. Параллельно истории жизни Венедикта в книге разворачивается «биография» Венички – подробный анализ его путешествия из Москвы в Петушки, запечатленного в поэме. В книге представлены ранее не публиковавшиеся фотографии и материалы из личных архивов семьи и друзей Венедикта Ерофеева. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-09 Ерофеев В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Ерофеев В.

ISBN 978-5-17-111163-2

© Лекманов О. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	14
Веничка:	27
Глава вторая	31
Веничка:	45
Глава третья	49
Веничка:	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Олег Лекманов, Михаил Свердлов, Илья Симановский Венедикт Ерофеев: посторонний

Серия «Литературные биографии»

В книгу вошли фотографии из архивов А. Авдиевой, Н. Архиповой, Н. Беляевой, А. Брусиловского, Ж. Герасимовой, М. Гринберга, Л. Кобякова, А. Кривомазова, А. Кроника, Б. Мессерера, А. Неймана, А. Петяевой, М. Фрейдкиной, Н. Фроловой, Н. Черкес, В. Черных, С. Шарова-Делоне, Н. Шмельковой, семьи Муравьевых, общества «Мемориал», Хибинского литературного музея Венедикта Ерофеева центральной городской библиотеки им. А. М. Горького, Музея неконформистского искусства.

А также из семейного архива В. Ерофеева, переданные Г. А. Ерофеевой.

Авторы и издательство благодарят всех перечисленных за предоставленные фотоматериалы.

© Лекманов О., Свердлов М., Симановский И., текст

© Брусиловский А., фото

© Кривомазов А., фото

© Кроник А., фото

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Я долгом своим (не легким) считаю – исключить из рассказа лицемерие мысли и боязнь слова. Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому «возвышающему обману» хочется противопоставить нас возвышающую правду: надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания.

Владислав Ходасевич. «Андрей Белый»

*Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода.*

Всеволод Некрасов

Предисловие

Венедикт Васильевич Ерофеев очень рано, в восемнадцатилетнем возрасте, раз и навсегда сошел с пути, обязательного для почти любого заботящегося о собственном благополучии интеллигента. «Он был “отвлечен” от множества обстоятельств, которые для обычного человека представляются первостепенно важными, – рассказывает Ольга Седакова. – Когда мы познакомились (в это время он писал “Петушки”), он был совершенно нищий, бездомный, жил у знакомых, кочевал, терял документы, без которых у нас человек не выживет. “Все ступеньки общественной лестницы” были ему на самом деле безразличны. Этот его взгляд издалека, глазами “Неутешного горя” или чего-то в этом роде, и был тем, что его больше всего отличало от других. Есть нечто совсем другое, вот оно и важно, – а то, что вы считаете важным, это все ерунда “и томление духа”. Приблизительно с этим он приходил и уходил»¹.

Сходно вспоминал об отношении Ерофеева к привычным социальным ценностям его самый близкий друг Владимир Муравьев: «У Венечки было ощущение, что благополучная, обыденная жизнь – это подмена настоящей жизни, он разрушал ее»². О «неприкрепленности Ерофеева к земным вещам» говорит и сын Владимира Муравьева, Алексей. Отчасти похожее наблюдение, переведенное в плоскость человеческих отношений, находим в дневнике Натальи Шмельковой 1988 года: «Все спокойное, устоявшееся в один прекрасный момент начинает его раздражать. И тогда – не избежать провокаций с его стороны на ссору и даже на разрыв»³. Как «отвязанный, безнадежный и целомудренный» определила ерофеевский мир Нина Брагинская.

Но что Ерофеев считал по-настоящему важным, ради чего он отказался от «благополучной, обыденной жизни»? Ясный ответ на этот вопрос дать очень трудно – как минимум, по двум причинам.

Первая причина: такой ответ предполагает использование «“хороших слов” и “мыслей”», по едкой из-за кавычек формуле Ольги Седаковой⁴, то есть прямолинейных определений, которых сам Ерофеев избегал как мог. «Самый большой грех по отношению к ближнему – говорить ему то, что он поймет с первого раза», – замечает Ерофеев в записной книжке 1964 года⁵. «Меньше всего Венедикт был склонен к открытости, к исповедальным разговорам о своей жизни. Он насмешливо и грубо оборонялся от попыток вызвать его на откровенность, выяснить мнение, мировоззрение и прочее», – пишет Елена Игнатова⁶. «Прямых слов он не любил; пафоса не выносил», – свидетельствует Людмила Евдокимова. «Он любил говорить: “давай только без высокопарщины”», – вспоминает Марк Гринберг. «Нет, ну надо же... Я, конечно, не буду отвечать на этот самый паскудный из всех вопросов...» – с явным раздражением отпарировал Ерофеев, когда интервьюер всего лишь поинтересовался у него: «Считаете ли вы себя интеллигентом?»⁷

¹ Те воспоминания о Ерофееве, которые далее будут цитироваться по книжным, журнальным и интернет-источникам, мы сопроводим библиографическими отсылками. Мемуары, оставленные без отсылок, написаны или надиктованы специально по нашей просьбе.

² Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. М., 2003. С. 573. Одни мемуаристы называют Ерофеева Венечкой, другие – Веничкой. Мы при цитировании сохраняем эту разность.

³ Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева. Дневники. М., 2002, С. 91.

⁴ Седакова О. Несказанная речь на вечере Венедикта Ерофеева // Дружба народов. 1991. № 12. С. 265.

⁵ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. М., 2005. С. 204.

⁶ Игнатова Е. Венедикт // Время и мы (Нью-Йорк). 1993. № 122. С. 188.

⁷ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 519–520. В записной книжке 1973 года Ерофеев сочувственно процитировал: «...у Г. П. Федотова определение понятия “русская интеллигенция”: “Русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» (Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. М., 2007. С. 77).

Хорошее представление о том, насколько Ерофеев в этом смысле был строг, дает следующее его суждение из записной книжки 1973 года: «Не надо говорить о спектаклях “отлично”, “великолепно” и пр. А, например, так: “С самого начала спектакля ужасно хотел попысать, но не сходил до самого конца”»⁸.

Признаемся, что на предварительном этапе работы над этой книгой нас самих дважды одернули за использование «прямых слов». Когда мы спросили у Марка Гринберга, какова была ерофеевская «идейная программа», он ответил: «Если бы я употребил такое выражение, он бы засмеялся или, наверное, что-то злое сказал бы». А Ольга Седакова так отреагировала на наш вопрос, каковы были главные качества Ерофеева: «О, “главные качества”! Вот таких слов и таких идей – взять и выяснить “главные качества” – Венедикт решительно не переносил. Это было одно из его “главных качеств”. У него была свирепая аллергия на тривиальности». «Он очень тяжело, болезненно переваривал стандартность мышления», – отмечает и Сергей Шаров-Делоне.

Вторая причина, которая не дает легко сформулировать, чем в ценностной шкале Ерофеева были заменены «все ступеньки общественной лестницы», на самом деле – первая, потому что главная: внутренний мир Ерофеева был закрыт не только от далеких людей, но и от близких. В записной книжке 1965 года он отметил: «Я в последнее время занят исключительно прослушиванием и продумыванием музыки. Это не обогащает интеллекта и не прибавляет никаких позитивных знаний. Но, возвышая, затемняет “ум и сердце”, делая их непроницаемыми ни снаружи, ни изнутри»⁹.

И мемуаристы рассказывают в унисон: «Он к себе особенно не подпускал» (Ирина Дмитренко); «Ерофеев что-то “излучал”. Доброта? Нет, не могу так сказать. Он был будто чем-то сильно переполнен, “загружен”. Каким-то неизвестным мне контентом, возможно, стихами или воспоминаниями, не знаю. Но он явно старался культурой вокруг не сорить. И тут он был лорд. Все вокруг Венедикта казались чуть проще, грубей, даже тогдашняя Ольга Седакова. Я бы рискнул назвать это нежностью, но необычной. Неброской, неаффектированной, со смещенным центром. Рассеянная нежность, проходящая по касательной, объектом которой, наверное, стать было нелегко»¹⁰ (Глеб Павловский); «... всегда была ощутима некая нестыковка, суверенность, отсутствие в присутствии. Словно какой-то незримый экран находился меж ним и окружающими, даже самыми близкими и преданными. Спорить с ним было бесполезно и не нужно. Просто выдавал очередную порцию саркастических и парадоксальных формулировок. Не убеждал, не навязывал своего мнения. Просто знал истину, зримую лишь ему, пребывающему в ином измерении <...> Никогда он не был ясен. Ни вблизи, ни – тем более – издалече» (Анатолий Иванов)¹¹; «Веня был человек очень закрытый, очень собранный, даже выпив, он таким оставался» (Александр Корноухов)¹²; «... внешним обликом, как ни странно, он немного напоминал пуританина, был застенчив, закрыт, что как-то не вязалось с представлениями о его пьяной жизни» (Наталья Четверикова)¹³; «Он всегда умел очертить магический круг приватности – из двух-трех имен на обложках по тумбочке разложенных книжек, из блокнота с авторучкой наискось» (Пранас Яцкявичус (Моркус))¹⁴; «Веня в быту был человеком по преимуществу молчаливым – я, признаться, не припомню, чтобы когда-нибудь в разговоре слышал от него больше 10–15 слов подряд. Он явно предпочитал слушать дру-

⁸ Там же. С. 415.

⁹ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 249.

¹⁰ В дневниках Ерофеева 1986 года есть выписка из Брюсова: «у Брюс<ова>: “с небрежной нежностью”» (личный архив В. Ерофеева. Материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

¹¹ Иванов А. Как стеклышко: Венедикт Ерофеев вблизи и издалече // Знамя. 1998. № 9. С. 174.

¹² Про Веничку. Книга воспоминаний о Венедикте Ерофееве. М., 2008. С. 110.

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 66–67.

гих, а не говорить сам» (Марк Фрейдкин)¹⁵; «Бенедикт¹⁶, я думаю, открывался редко и очень немногим <...> Я часто ощущала, что он отчужден от людей, даже тех, с кем в хороших отношениях» (Лидия Любчикова¹⁷)¹⁸. Вспомним еще раз определение Ниной Брагинской ерофеевского мира не только как «отвязанного», но и «целомудренного».

На память приходит стихотворение Тютчева «*Silentium!*»:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..¹⁹

В блокноте для записей 1959 года Ерофеев дважды обозначил тютчевским словом «*silentium*» нежелание говорить о тех или иных обстоятельствах своей жизни²⁰. Из этого же «*silentium*», вероятно, выросла и его «антиколлективистская этика»²¹, причем Ерофеев избегал вливаться не только во всяческие советские сообщества (как многие его современники), но и в антисоветские. «В литературном быту, – вспоминает Елена Игнатова, – Венедикт был из числа одиночек – не примыкал ни к какой “школе” или “направлению”, его не заботили соображения групповой тактики. Попытки привлечь его к “общему делу” были заведомо безнадежны: он отлынивал, не соглашался или просто ссорился с остальными»²². «Я вынашиваю в себе тайну. Потому я капризен, меня тянет на кислое, на горькое, я отяжелел в своих душевных движе-

¹⁵ Фрейдкин М. Каша из топора. М., 2009. С. 300.

¹⁶ «Бенедикт» – одна из многочисленных форм шутивого именования Ерофеева, принятая среди друзей. – О. Л., М. С., И. С. В записной книжке 1966 года он сам перечисляет свои прозвища разных лет: «Вот клички: в 1955–57 гг. меня называют попросту “Веничка” (Москва), в 1957–58 гг. по мере поселения и повзрелости – “Венедикт”, в 1959 г. – “Бэн”. в 1960 г. – “Бэн”, “граф”, “сам”, в 1961–62 г. – опять “Венедикт”. и с 1963 г. – снова поголовное “Веничка” (Влад<имир>, Кол<омна>)» (Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 440).

¹⁷ Упоминается как Лида в поэме «Москва – Петушки» (глава «Черное – Купавна»).

¹⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 540.

¹⁹ Тютчев Ф. Лирика: в 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 46.

²⁰ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 14, 16.

²¹ Седакова О. Несказанная речь на вечере Венедикта Ерофеева. С. 265.

²² Игнатова Е. Венедикт. С. 185.

ниях», – полушутливо (уподобляя себя беременной женщине) отметил Ерофеев в записной книжке 1965 года²³.

Однако и тютчевское стихотворение «*Silentium!*» не дает единственного ключа к разгадке всегдашнего молчания Венедикта Ерофеева о главном, поскольку оно слишком определенно и догматично²⁴. Восклицательный знак в заглавии этого стихотворения совсем не случаен, а Ерофеев, как мы уже поняли, пафоса и прямолинейности на дух не переносил. «Больше всего в людях мне нравится половинчатость и непоследовательность», – отметил он в записной книжке 1976 года²⁵. Приведем и очень точное наблюдение Бориса Сорокина: «Всякий раз, касаясь Венедикта, так или иначе вызывая его к жизни, мы вызываем к жизни и одно неотъемлемое его свойство: неопределимость, неуловимость его облика при всей терпкой его очевидности. И всякое более или менее конкретное “да” по его поводу само же возбуждает ответное “нет”, и – наоборот»²⁶. Ерофеев мог бы сказать о себе словами пастернаковского доктора Живаго: «Поймите, поймите, наконец, что все это не для меня <...> “кто сказал а, должен сказать бе” <...> – все эти пошлости, все эти выражения не для меня. Я скажу а, а бе не скажу, хоть разорвитесь и лопните»²⁷. Мог бы, но никогда не сказал бы по той простой причине, что терпеть не мог вступать в идеологические споры²⁸.

Подобный подход к жизни задачу биографов Ерофеева, конечно же, не облегчает. «Поведение – вот такое немножко разное, не всегда последовательное» – эта характеристика Ерофеева из воспоминаний Людмилы Евдокимовой может быть легко проиллюстрирована контр-примерами даже к тем немногочисленным фрагментам из воспоминаний о нем, которые мы успели тут привести.

«Он разрушал благополучную жизнь», – пишет Владимир Муравьев. И он же уточняет: Ерофеев «ничего не имел против бытового комфорта»²⁹. «Благосостояние ему не только шло, но и, внезапно оказалось, всегда было втайне желанно», – вторит Пранас Яцкявичус (Моркус)³⁰. Отсюда – с одной стороны: «...сейчас бы сказали, что похож был Веня на бомжа, но тогда такого слова не употребляли» (из мемуаров Риммы Выговской)³¹. А с другой: «В ладно скроенном, хорошо сидящем на нем москвошвеевском пиджаке <...> Он выглядел как голливудский актер, играющий сильных личностей, героев-одиночек» (из воспоминаний Виктора Баженова)³². Приведем и неожиданный портрет Ерофеева из мемуарного очерка Виктора Иоэльса: «На пришедшем был великолепно сшитый, тогда очень модный, синий клубный пиджак с золотыми пуговицами, явно не московского пошива рубашка, светлые, хорошо отглаженные брюки – мои гости так не одевались»³³.

²³ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 287.

²⁴ Близкий приятель Ерофеева с конца 1960-х годов Андрей Архипов полагает, что тютчевское «*Silentium!*» мы вообще цитируем в этой книге напрасно: «Вы пишете, что даже “и тютчевское стихотворение «*Silentium!*» не дает единственного ключа к разгадке всегдашнего молчания Венедикта Ерофеева о главном”. А по-моему, оно просто никакого ключа не дает. Тютчевский лирический мудрец ни в чем не похож на Ерофеева и *vice versa*. Ерофеевское молчание не вынужденное, не от императива (“молчи”), и не от того, что, мол, “Азия-с, не поймут-с”».

²⁵ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 248.

²⁶ Сорокин Б. «Во что посвящен председатель пира, или Всего лишь реплика по ходу чтения вслух статьи «Пир на 65-м км» // Книжное обозрение. Ex libris НГ. 1998. 22 октября.

²⁷ Пастернак Б. Доктор Живаго // Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 4. М., 2004. С. 337.

²⁸ «Я просто не помню, чтобы он рассуждал или спорил (о Боре Сорокине, у которого была репутация идеалиста-девственника, но и постоянно дискутирующего мыслителя, Ерофеев говорил: “Боря Сорокин размножается спорами”))», – вспоминает тот же Архипов.

²⁹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 583.

³⁰ Про Веничку. С. 67.

³¹ Там же. С. 48.

³² Баженов В. Фотоувеличение. Венедикт Ерофеев и Алексей Зайцев // Знамя. 2016. № 10. С. 133.

³³ Про Веничку. С. 176.

Взгляд на внешний мир и людей «издалека, глазами “Неутешного горя” или чего-то в этом роде» не мешал Ерофееву быть по-детски смешливым. «Один раз мы до того с ним досмеялись, что уже не могли остановиться, – вспоминала Лидия Любчикова, – я ему показала палец, он закатился, перегнулся, прижал руки к животу, уже болевшему от смеха. Для него очень характерно было так смеяться – практически ни от чего, как в детстве – все смешно. Я в нем много видела ребяческого, наивного, нежного»³⁴. «В небольшой группе, пока еще не начиналась попойка, он был очень смешлив. Я сам это видел много раз», – подтверждает Андрей Архипов. И он же свидетельствует: «По “природе” Ерофеев был совершенно здоровый тип, сангвиник. Чисто физически он был намного сильнее и привлекательнее “среднего”. Эта привлекательность впечатляла. Если потом ее забывали ради чего-то “внутреннего”, то это была большая ошибка наблюдателя». «Веня был веселый. Худшее, что он мог сказать о человеке: “Совершенно безулыбчивый” – вспоминает Марк Гринберг. – А сам он как-то замечательно улыбался. Слово “веселый”, надо, конечно, уточнить. Он был совсем не из тех, кто в обществе сыплет анекдотами, хотя вполне мог ценить это в других... Нет, в нем было прекрасное сочетание готовности видеть смешное, улыбаться. Он не так уж много смеялся – скорее именно улыбался, но как бы на грани смеха. Меня эта улыбка завораживала, почти на бессознательном уровне, этого не передать. Какой-то я в ней чувствовал особый знак внутренней музыкальности». С нежностью вспоминал об улыбке Ерофеева и его младший друг Сергей Филиппов: «У него потрясающей была улыбка. Сначала вот тут вот уголки глаз начинали улыбаться, а потом это доходило до губ, и он всегда немножко как-то... Ну, знаете, вот человек, который рот сдерживает, чтобы не расплыться в полной улыбке. Ну, может быть, это была и такая... ну... отрепетированная, я не знаю, модель улыбки. Но всегда она была абсолютно искренна и очень такая, что называется, “лучезарная”. Вот. Всегда такой кусочек солнышка, да, появлялся – разгорался»³⁵.

При всей свойственной ему закрытости и даже некоторой отчужденности, Ерофеев был совсем не прочь поболтать с симпатичными ему людьми. «Мы проговорили несколько часов. Уже и автобусы пошли, и чай заваривался несколько раз, а Венедикт не спешил уходить», – вспоминает Елена Игнатова³⁶. «Когда он чувствовал себя комфортно, он был интересным собеседником, он включался. По моим детским ощущениям у меня нет впечатления, что он был человеком, замкнутым в алкогольном угаре», – рассказывает Алексей Муравьев.

Даже, казалось бы, бесспорное суждение о том, что Ерофеев всячески избегал «хороших слов» и «мыслей» на самом деле нуждается в серьезном уточнении. «Он огорчился не всяким “хорошим словом” (или “мыслью”), – пишет Андрей Архипов, – а только таким, которое не было, как говорится, выстрадано. Серьезному собеседнику (подлинно серьезному) он никогда бы не попенял на “мысли” и “слова”. Как-то раз Ерофеев сказал: “Какая гадость. Был вчера в гостях; там все говорили, и каждый начинал словами “Моя концепция такова...”». Ну конечно, гадость. Но гадко не желание отчетливости (“концепция”), а напыщенность, непережитость слов». «Мне было тогда семнадцать лет – я был молодой совсем. И мы с Веней разговаривали каждый день, – вспоминает Сергей Шаров-Делоне. – Обсуждения литературы, жизни, людей, ситуаций. Я должен сказать, что в силу, видимо, того, кто меня воспитывал – мои бабушка с дедушкой, которые дореволюционные сильно, я был очень сильный консерватор в литературе. И мое понимание литературы более-менее современной – абсурдистов, например, – все это возникло благодаря Вене»³⁷. Когда он просто заставлял: “Подожди, подожди, подожди. Ты,

³⁴ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 540.

³⁵ Интервью Игоря Сорокина с Сергеем Филипповым 9 октября 2015 года. URL: <https://artkommarchive.ru/filippov-s>.

³⁶ Игнатова Е. Венедикт. С. 185.

³⁷ Сравните со свидетельством Бориса Сорокина: «С Заболоцким меня познакомил Венедикт. Естественным с его стороны было бы дать мне “Столбцы”. А он знал, что я не очень люблю подобные вещи, и дал мне очень странную вещь Заболоцкого – кажется, самую странную его вещь – “Лодейников”». – О. Л., М. С., И. С.

прежде чем говорить «нет», посмотри вот на это». Подсовывал чтение и обсуждал со мной. Мое восприятие литературы в огромной степени – от него. От него – не в том смысле, что это его взгляд, а оттого, что он заставил на это посмотреть, убедил на это посмотреть»³⁸.

В больших компаниях Ерофеев почти всегда бывал молчаливым, но окружал он себя людьми с видимым удовольствием и роли немногословного верховного арбитра на античном пиру не чурался. Многие вспоминают о любимой позе Ерофеева во время шумных застолий и возлияний: он, как правило, «возлежал», «подперев голову кулаком» (из воспоминаний Игоря Авдиева³⁹)⁴⁰, и внимательно созерцал происходящее. «Я не лежу, а простираюсь», – отметил Ерофеев в записной книжке 1965 года⁴¹. Он часто отказывался от активных проявлений собственной воли, позволяя жизненному потоку полностью захватить себя, и наблюдал за непосредственно касающимися его событиями с любопытством *постороннего*. «Веня никогда не сопротивлялся тому, что с ним происходило», – говорит Жанна Герасимова.

Так, может быть, и нам не пробовать искать *главного* в Венедикте Ерофееве, а выбрать позицию наблюдателей и в хронологическом порядке перечислить факты, из которых сложилась его биография? Эти факты можно было бы расцветить колоритными фрагментами из мемуаров о Ерофееве и цитатами из самой поэмы. Тогда мы бы почти наверняка избежали упреков в нетактичности и тривиальности умозаключений.

Однако в этом случае наша книга неизбежно сместилась бы от жизнеописания Ерофеева к опыту в несколько ином, хотя и весьма достойном жанре – биографической хроники, которая, между прочим, уже составлена и опубликована⁴². Мы же все-таки попытаемся – бережно и избегая штампов – предложить осторожные варианты ответа на вопрос: какие «чувства и мечты» были по-настоящему важны для Ерофеева?

В этом нам помогут в первую очередь его собственные тексты, в которых все-таки отыскиваются прямые высказывания о *главном*. Так, 6 июля 1966 года Ерофеев отметил в записной книжке: «Великолепное “все равно”. Оно у людей моего пошиба почти постоянно (и потому смешна озабоченность всяким вздором). А у них это – только в самые высокие минуты, т. е. в минуты крайней скорби, под влиянием крупного потрясения, особенной утраты. Это можно было бы развить»⁴³.

Наблюдение из записной книжки Ерофеев «развил» в том монологе повествователя «Москвы – Петушков», на который опирается Ольга Седакова, говоря об авторе поэмы. Вот этот знаменитый монолог: «Помню, еще очень давно, когда при мне заводили речь или спор о каком-нибудь вздоре, я говорил: “Э! И хочется это вам толковать об этом вздоре!” А мне удивлялись и говорили: “Какой же это вздор? Если и это вздор, то что же тогда не вздор?” А я говорил: “О, не знаю, не знаю! Но есть”.

³⁸ О наставничестве со стороны Ерофеева вспоминает и Сергей Филиппов (Интервью Игоря Сорокина с Сергеем Филипповым. Сравните также с фрагментом воспоминаний о Ерофееве племянницы – Елены Даутовой: «Для меня Вена был прежде всего доброжелательным, очень образованным, жизнерадостным человеком. В мои школьные годы <...> Вена составил для меня огромный список знаменитых произведений русских, англичан, французов. Это была своего рода энциклопедия шедевров, которые нужно прочитать, на его взгляд, обязательно <...> Сейчас я хорошо понимаю, что все самое лучшее и важное было прочитано тогда, в последних классах школьной жизни. И благодаря Венедикту я могу себя считать более или менее образованным человеком» (Про Веничку. С. 32–33).

³⁹ Введен в поэме «Москва – Петушки» как Черноусый (Глава «43-й километр – Храпуново» и далее) и министр обороны в главе «Воиново – Усад».

⁴⁰ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 547.

⁴¹ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 291.

⁴² Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева / Сост. В. Э. Берлин // Живая Арктика. 2005. № 1. В своей работе В. Берлин использовал материалы Е. Шталя, дополнив их самостоятельно собранными мемуарами и документами. К сожалению, пользоваться этим источником следует с большой осторожностью, поскольку в нем содержатся многочисленные ошибки и стилистические вольности.

⁴³ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 471.

Я не утверждаю, что мне – теперь – истина уже известна или что я вплотную к ней подошел. Вовсе нет. Но я уже на такое расстояние к ней подошел, с которого ее удобнее всего рассмотреть.

И я смотрю и вижу, и поэтому скорбен. И я не верю, чтобы кто-нибудь еще из вас таскал в себе это горчайшее месиво; из чего это месиво – сказать затруднительно, да вы все равно не поймете, но больше всего в нем “скорби” и “страха”. Назовем хоть так. Вот: “скорби” и “страха” больше всего, и еще немоты. И каждый день, с утра, “мое прекрасное сердце” источает этот настой и купается в нем до вечера. У других, я знаю, у других это случается, если кто-нибудь вдруг умрет, если самое необходимое существо на свете вдруг умрет. Но у меня-то ведь это вечно! – хоть это-то поймите!»⁴⁴.

Мы видим, что текст «Москвы – Петушков» говорит об авторе поэмы едва ли не больше и откровеннее, чем воспоминания о нем, а также дневники, письма и другие документы эпохи. Поэтому биографические главы о жизненном пути Венедикта Ерофеева будут чередоваться в нашей книге с филологическими фрагментами о его поэме, в которой, как известно, рассказывается об одном дне Венички Ерофеева. Точкой схождения биографических и филологических фрагментов станет рассказ о смерти автора и повествователя «Москвы – Петушков»⁴⁵.

Наверное, следует сказать несколько слов о способе подачи и обработки материала в этой книге, опробованном нами при написании биографий Осипа Мандельштама, Сергея Есенина и Николая Олейникова⁴⁶. Далее мы как можно больше места предоставим мемуарным высказываниям современников о Ерофееве, которые в совокупности и должны будут составить его целостный и менявшийся со временем портрет. Себе мы отвели роль отборщиков, тематических классификаторов, а также проверщиков всего этого материала на фактологическую точность. Также свою задачу мы видели в уловлении, подчеркивании и, по возможности, интерпретации противоречий между точками зрения мемуаристов на личность Ерофеева.

Завершим предисловие предупреждением, которое нужно постоянно держать в уме читателям биографии любого публичного человека, и уж тем более автора, обладавшего столь специфической славой, как Ерофеев. Именно для его случая это предупреждение четко сформулировал специалист по творчеству Саши Черного и ерофеевский приятель Анатолий Иванов: «Веня наплодил уйму легенд, “дез” и апокрифов о себе, пестовал их и множил. Всяческого дуракаваляния и фуфлогонства⁴⁷ в его изустных высказываниях хоть отбавляй. Меж тем стараниями апостолов – его приятелей и почитателей – это “Евангелие от Ерофеева” получило широкое хождение. И не завидую тем, кто возьмется за подлинное, немифологизированное жизнеописание Венедикта Васильевича Ерофеева. Отделить истинность от театрализации жизни непросто. Каков он настоящий, видимо, до конца не знает никто»⁴⁸. Конечно же, «до конца» не узнали этого и мы, и нам часто далее придется пользоваться биографическими све-

⁴⁴ Ерофеев В. Москва – Петушки // Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 144. Далее поэма цитируется в нашей книге по этому изданию с указанием в круглых скобках номера страницы.

⁴⁵ Насколько Венедикт Ерофеев был похож на Веничку из «Москвы – Петушков»? Варианты ответа на этот вопрос мы постараемся предложить в книге, пока же лишь обратим внимание на то обстоятельство, что мемуаристы в данном случае не единодушны. «Они почти совпадают», – полагает Ольга Седакова. «Веничка совсем не похож на Венедикта», – считает Елена Игнатова. «Похож. Но не тот же самый», – говорит Жанна Герасимова. – Веничка в “Петушках” все время в закрытом состоянии, в состоянии мышления и анализа. Ерофеев такой и был. Но в “Петушках” он этот анализ описывает, а в реальной жизни он никогда ничего не рассказывал. Я думаю, что в “Петушках” он открывал то, что у него внутри. Дух в “Петушках” – это его. Его аура».

⁴⁶ Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин. Биография. М., 2011; Лекманов О. Осип Мандельштам: ворованный воздух: Биография. М., 2016; Олейников Н. Число неизреченного / Сост., вступ. очерк, подготовка текста и примеч. О. Лекманова и М. Свердлова. М., 2016.

⁴⁷ Сравните с отрывком из письма Ерофеева переводчице Эльжбете Вари: «Вам кажется нелепым “в назидание народам древности”. Так ведь это обыкновеннейшее дуракаваляние и фиглярство» (Неизвестный Веничка // Новая газета. 2006. № 74. 28 сентября). Курсив наш. – О. Л., М. С., И. С.

⁴⁸ Иванов А. Как стеклышко: Венедикт Ерофеев вблизи и издалече. С. 170.

дениями, исходящими от самого Ерофеева и его «апостолов», поскольку иной информации о некоторых этапах его жизни просто не сохранилось. Но иногда подобные факты все же удалось подтвердить или опровергнуть, обращаясь к другим источникам.

Мы хотим сказать большое спасибо Анне Авдиевой, Александру Агапову, Наталье Архиповой, Андрею Архипову, Дмитрию Баку, Наталье Беляевой, Андрею Бильжо, Александре Борисенко, Владимиру Величанскому, Жанне Герасимовой, Андрею Геннадиеву, Янушу Гжелёнке, Елизавете Горжевской, Марку Гринбергу, Ирине Дмитренко, Даниле Дубшину, Людмиле Евдокимовой, Елизавете Епифановой, Шалве Епхошвили, Александру Жолковскому, Андрею Зорину, Елене Игнатовой, Нине Ильиной, Игорю Иртеневу, Дмитрию Ицковичу, Бахыту Кенжееву, Наталии Ким, Юлию Киму, Льву Кобякову, Михаилу Комарову, Николаю Котрелеву, Александру Кравецкому, Юлии Красносельской, Александру Кронику, Александру Кротову, Юрию Кублановскому, Анатолию Кузовкину, Александру Кушнеру, Филиппу Лекманову, Дине Магомедовой, Павлу Матвееву, Михаилу Мейлаху, Надежде Муравьевой, Алексею Муравьеву, Алексею Нейману, Ольге Неклюдовой, Анне Обориной, Марии-Елене Овчинниковой, Глебу Павловскому, Лиле Панн, Анне Петяевой, Галине Погожевой, Евгению Попову, Елене Романовой, Ольге Савенковой, Ольге Седаковой, Борису Сорокину, Ирине Тосунян, Борису Успенскому, Валентине Филипповской, Нине Фроловой, Сергею Хоружему, Валерии Черных, Нине Черкес-Гжелоньской, Сергею Шарову-Делоне, Наталье Шмельковой, Татьяне Щербине и сотрудникам общества «Мемориал» – Алексею Макарову и Александру Черкасову.

Мы благодарим также сотрудников Хибинского литературного музея Венедикта Ерофеева центральной городской библиотеки им. А. М. Горького (г. Кировск), сотрудников Музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие» (г. Коломна) и его директора Екатерину Ойнас.

Отдельно благодарим за всестороннюю помощь исследователя жизни Ерофеева и создателя литературного музея его имени Евгения Шталя.

Особая признательность Галине Анатольевне Ерофеевой – за предоставленные материалы и доброжелательное содействие.

Благодарим за профессионализм Анну Колесникову и всю Редакцию Елены Шубиной.

Книга написана в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

Глава первая

Венедикт:

Кольский полуостров – Москва

24 октября 1938 года в поселке гидростроителей Нива-3, располагавшемся на окраине города Кандалакша (Кольский полуостров, Мурманская область), у начальника станции Чупа Кировской железной дороги Василия Васильевича Ерофеева и домохозяйки Анны Андреевны Ерофеевой (в девичестве Гущиной) родился сын, который стал пятым и последним ребенком в семье. До этого в 1925 году на свет появилась старшая дочь Тамара, в 1928 – старший сын Юрий, в 1931 – дочь Нина, в 1937 – предпоследний сын Борис. «Моя Родина в 1938 г., когда вынашивала меня, была в интересном положении», – отметит Ерофеев в записной книжке 1978 года⁴⁹.

«Младшего сына мама назвала необычно – Венедикт, – вспоминала самая старшая сестра Ерофеева, Тамара Гущина. – Это имя ей давно нравилось и было связано с воспоминаниями молодости: рядом с их селом было большое имение помещика Ерофеева, у которого сына звали Венедиктом. Может, Венедикт и сам по себе ей нравился, были какие-нибудь романтические воспоминания – не знаю. Но мама и мы все – семья, родственники – называли его не Веня, а Вена, потому что Веня, как мама объясняла, это уменьшительное от Вениамина. Вена был всеобщим любимцем: тихий, кроткий, худенький мальчик»⁵⁰. «Вена (мы так его звали в семье) своим именем очень был доволен. Нас с сестрой называли Нина и Тамара. “Мам, – спрашивала я, – ну что же ты нам грузинские имена дала?” Мама отвечала: “А ты хотела бы, чтобы я тебя назвала Искрой?” Я родилась в 1931 году, тогда это имя было модно. Мама шутила, конечно», – рассказывает еще одна старшая сестра Венедикта – Нина Фролова⁵¹.

Она же с понятной обидой говорит о том, что младший брат, став взрослым и сойдя с обычной социальной орбиты, долгое время демонстративно не придавал никакого значения родственным связям и чувствам: «Когда жил у нас в Славянске, без конца моего мужа подкалывал тем, что он партийный человек, а сам при этом был у него на работе подчиненным. Но Юрий, как гостеприимный хозяин, терпеливо все это сносил, а он заявлял: “Я не признаю никаких родственных отношений. Приходится пользоваться, так же как, вот, пользоваться туалетом приходится”»⁵². Досадует Нина Фролова и на то, каким Ерофеев вывел в одном из своих юношеских произведений их отца: «Вена ведь в “Записках психопата” называет подлинные фамилии, а пишет чушь собачью о самых близких людях. Отца изображает там, что он такой был пьяница! Чуть ли прямо не напился и уснул головой в тарелке»⁵³. Речь идет о том, избыточном натуралистических подробностях фрагменте из эпатажной ранней прозы Ерофеева, в котором «отец» «медленно поднимает седую голову из тарелки; физиономия – сморщенная, в усах – лапша». Затем он наливает водки сыну «Веньке» и материт жену⁵⁴. «Папа был

⁴⁹ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 412.

⁵⁰ Ерофеев В. Письма к сестре // Театр. 1992. № 9. С. 122. В неопубликованном варианте своих воспоминаний Тамара Гущина сообщает, что имя Венедикт «было не редким в селе» Елшанка. (Личный архив В. Ерофеева. Материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой.)

⁵¹ Коктейль Ерофеева. Сестра культового писателя Нина Фролова: «От него всего можно было ожидать!» // Московский комсомолец. 2013. 22 октября.

⁵² Телепрограмма «Острова» (автор и режиссер Светлана Быченко) // URL: https://www.youtube.com/watch?v=JvFr_0схоQk. Далее: Острова.

⁵³ Острова.

⁵⁴ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 32. Уже по детали про лапшу, вряд ли случайно напоминающей знаменитую строку из Маяковского: «Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста...» из стихотворения «Нате!», можно предположить, что мы имеем дело с художественной прозой, а не с подлинными воспоминаниями. – О. Л., М. С., И. С.

такой аккуратист, такой был чистюля, чтобы он себе такое позволил... – возмущается Нина Фролова. – Он говорил: “Как это может мужчина упасть? Я в своей жизни не упал ни разу!”»⁵⁵ Однако Тамара Гущина прибавляет: «Когда папа вышел из заключения, это был уже не тот человек. Когда он зарплату получал, ему нужно было обязательно напиться, поплакать»⁵⁶.

В позднем интервью Леониду Прудовскому⁵⁷ Ерофеев, отчасти подначиваемый собеседником, рассказывает о семье и детстве не с надрывно-истерической интонацией, характерной для «Записок психопата», а с шутливо-ернической, как бы руководствуясь собственным рецептом из записной книжки 1972 года («Не самоирония, а самоглумление, самоподтрунивание»⁵⁸): «Родители были грустная мамочка и очень веселый папочка. Он был начальник станции. <... > <П>апеньку в 38-м году, когда я родился, только и видели. И действительно, папеньку мы увидели только в 54-м. Естественно, по 58-й статье. Припомнили ему, что он по пьянке хулил советскую власть, ударяя кулаком об стол»⁵⁹.

Не хочется выступать здесь в роли доморощенных психоаналитиков и множить банальности, но почти невозможно отделаться от ощущения, что, рассказывая это, Ерофеев привычно уходил от серьезного и болезненного для него разговора о своем детстве. А оно было очень тяжелым даже на фоне трудного взросления всего поколения советских людей, родившихся незадолго до начала Великой Отечественной войны. Показательная деталь: в интервью Прудовскому Ерофеев намеренно и весьма сильно исказил реальные факты, ведь на самом деле его отца арестовали не в 1938 году, сразу после рождения младшего сына, а в 1945 году, когда Венедикту было уже почти семь лет. Не для того ли это делалось, чтобы «вычеркнуть» из своего раннего детства отца и, таким образом, избежать дотошных расспросов о нем?⁶⁰ «Сам Веня о Тамаре Васильевне (сестре) говорил, а о родителях – никогда», – пишет Людмила Евдокимова. «Венька никогда не говорил о своей семье и близких», – вспоминает и сосед Ерофеева по общежитию в Орехово-Зуевском педагогическом институте Виктор Евсеев⁶¹. «Не то чтобы Венечка об этом рассказывал, но мы знали, что его отец был репрессирован, что для него это была трагедия. А так чтобы он рассказывал что-нибудь действительно на разрыв аорты о своем детстве, нет, не особо он любил об этом распространяться», – свидетельствует поэт Вячеслав Улитин, познакомившийся с Венедиктом во Владимире в начале 1960-х годов⁶².

Если Ерофеев все-таки заводил с приятелями речь о семье и об отце, то часто украшал эти истории абсолютно фантастическими подробностями. «Он мне рассказывал о детстве, о станции Чупа, – вспоминает прозаик Евгений Попов. – Он же мне сказал, что его отец был начальником станции маленькой около Чупы. А потом, когда пришли фашисты – не то финны, не то немцы, его заставили быть начальником этой же станции, и потом, когда советская власть возвратилась, – финнов выгнали, его посадили за сотрудничество с врагом. Причем Венедикт Васильич мне это рассказывал буквально со слезами на глазах. Я ушел просто на крыльях оттуда – очень был растроган этой историей, пока не оказался в Чупе и не узнал, что ее не

⁵⁵ Острова.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Насколько я могу судить, по-настоящему “разговорить” его смог лишь Леонид Прудовский, а потому в его интервью Венечка дурака валяет свободно и весело», – говорит Анна Муравьева (Про Венечку. С. 256).

⁵⁸ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 36.

⁵⁹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 489. По просьбе сестры Венедикта, Нины Фроловой, мы купировали фрагмент, в котором Ерофеев указывает в качестве причины ареста якобы имевшие место неосторожные любовные связи отца. Никакой подтверждающей эту версию информацией мы не располагаем. «Венедикт был пьян, когда давал это интервью», – комментирует Нина Фролова. – О. Л., М. С., И. С.

⁶⁰ Впрочем, Сергею Куняеву и Светлане Мельниковой Ерофеев в интервью того же 1990 года об аресте отца рассказал, в хронологии не путаясь (Ерофеев В. «Я бы Кагановичу въехал в морду...» // День литературы. 2000. 15 февраля).

⁶¹ Евсеев В. Он был белой вороной // Орехово-Зуево. Орехово-Зуевский литературный альманах. Ежегодное литературное приложение к газете «Ореховские вести». Вып. 2. 2007. С. 466. Далее: Орехово-Зуевский литературный альманах.

⁶² Интервью В. Улитина А. Агапову (телеграм-канал «Слова и буквы») // URL: <https://t.me/wordsandletters/109>.

брали ни немцы, ни финны. Она не была завоевана, это раз, и второе, что отца Венедикта Васильевича Ерофеева посадили не за сотрудничество с врагом».

Попробуем же здесь восстановить подлинную хронологию событий.

«Родители наши из Ульяновской области, с Поволжья», – вспоминает Нина Фролова⁶³. Село, откуда отец и мать были родом, называется Елшанка, состояло оно в 1920-е годы из более чем пятисот дворов. До революции Ерофеевы в селе считались крепкими середняками – в их хозяйстве имелись корова и лошадь. Василий Васильевич Ерофеев родился 22 июля 1900 года (по старому стилю) и был крещен на следующий день. В Метрической книге Симбирской духовной консистории сохранилась запись об этом событии, в которой упомянуты родители младенца: «села Елшанки однодворец» Василий Константинович Ерофеев «и законная жена его» Дарья Афанасьевна⁶⁴, «оба православные»⁶⁵. На Анне Гушиной Василий Ерофеев женился в начале 1920-х годов, а летом 1925 года молодая пара снялась с насиженных мест. «Отец и его братья уехали на Север и все стали железнодорожниками, – рассказывает Нина Фролова, – В общем-то, наше детство на Кольском полуострове было такое нищее, что и вспоминать его не хочется. Но отцу полагались бесплатные билеты, и мы каждый год ездили на родину, в его деревню»⁶⁶.

Нужно сразу же отметить, что никакие тяготы нищего детства не мешали Венедикту Ерофееву уже во взрослой жизни совершать ностальгические поездки на родину. «Что он любил точно и безоговорочно, так это свой Кольский полуостров, – вспоминает Марк Гринберг. – Рассказывал про тамошние чудесные горы и возвышенности, названия которых оканчиваются на – чорр. И какие там прекрасные виды. И в какое-то лето он говорит: “Ну, давай уже, поехали, увидишь, как там...” Мы не смогли по какой-то причине поехать, а сам он поехал – спальник взял у меня и с кем-то поехал». «Он долго <...> вынашивал планы, и хотел опять побывать у себя на родине, – со слов Венедикта объясняет Сергей Филиппов участие Ерофеева в аэрологической экспедиции на Кольском полуострове в 1976 году и свидетельствует, что Ерофеев «перерисовывал себе топографические карты» Кольского полуострова. «Вот так ему хотелось как-то запечатлеть <...> в памяти или где, этот Кольский»⁶⁷. «...Я родом из Мурманска и сказала ему об этом, – делится воспоминаниями о своей первой встрече с Ерофеевым Елена Романова. – Глаза потеплели, мы выпили по рюмочке. “Поехали на родину!” В. Е. говорил о заповедном детстве, о том, что с детства любит загадочные слова, которые произносили местные лопари, но которых нет ни в одном словаре». «С грустью поделился со мной, что каждый день во сне видит Кольский...» – записала в дневнике Наталья Шмелькова впечатления от одной из встреч с Ерофеевым в 1988 году, в палате онкологического центра⁶⁸.

В мемуарах о зрелом Венедикте Ерофееве, написанных Еленой Игнатовой, выразительно воспроизводится атмосфера, царившая на провинциальных железнодорожных станциях времен его раннего детства: «...выяснилось и некоторое сходство в наших родословных. Его родители и моя мама родом из Поволжья; и его отец, и мой служили начальниками железнодорожных станций. Я навсегда полюбила особый пристанционный мирок детства – с запахом мазута, бархотками на клумбе вокруг гипсового памятника вождю, платформами дрезин и ни с чем не сравнимым стуком колес, под который так крепко спалось. Казалось, мы чудесным образом встретились – земляки из провинциальной, сельской России послевоенных лет. В произ-

⁶³ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 529.

⁶⁴ Девичья фамилия – Кузнецова. – О. Л., М. С., И. С.

⁶⁵ Личный архив В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой). Однодворцем называли происходящего из служилых людей владельца небольшого (в один двор) земельного участка.

⁶⁶ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 529.

⁶⁷ Интервью Игоря Сорокина с Сергеем Филипповым 9 октября 2015 года // «Коммунальная Одиссея» / Проект под эгидой музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие». URL: <https://art-kommarchive.ru/filippov-s>.

⁶⁸ Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева. Дневники. С. 120.

вольном, с припоминанием случайных примет того мира разговоре не было сказано о том, как трудно приживаться (а, в общем, и не прижились) в мире, который нас окружал. Жизнь далековато отнесла нас от трагической идиллии детства, но многое было усвоено там накрепко. То, что помню и люблю я, оказалось понятным и Венедикту»⁶⁹.

Идиллического в детстве Ерофеева оставалось чем дальше, тем меньше, однако период его младенчества, кажется, был для всей семьи относительно благополучным. В годы, предшествующие рождению младшего сына (1936 и 1937), Василий Ерофеев получал за «безаварийную работу» Наркомовскую премию, благодаря его должности семья была обеспечена бесплатным жильем в доме железнодорожников всего в нескольких шагах от станции Чупа.

«У нас был патефон, – вспоминает Нина Фролова. – Пластинки покупали всякие, например речи Ленина, “Замучен тяжелой неволей” (любимая песня Ильича), “Фарандола” Бизе, “Песня пьяных монахов” и т. д.»⁷⁰.

«Песню пьяных монахов» из оперы «Монна Марианна» (музыка Ю. Левитина, либретто Н. Толстой), оседлав совок и кочергу, любили исполнять младшие братья – Борис и Венедикт:

Ехал монах на хромом осле.
Задремал на седле.
Рядом красotka гнала овцу
И обратилась так к отцу:

«Отец простой, молю, постой,
На рынок подвези меня с овцой...»

В подражанье «Фарандоле» Жоржа Бизе сочинил для сына собственную «пороссячью фарандолу» главный герой и рассказчик поэмы «Москва – Петушки»: «Там та-ки-е милые, смешные чер-те-нят-ки цапали-царапали-кусали мне жи-во-тик...» (147)

В записной книжке Ерофеева 1977 года приводится еще одно его «любимое стихотворение детства»:

Гром гремит, земля трясется.
Поп на курице несется,
Попадья идет пешком,
Чешет попу гребешком⁷¹.

«Папочка» Венедикта, судя по воспоминаниям Тамары Гущиной, тогда действительно, был «очень веселым»: «...высокий, стройный, с роскошной шевелюрой на голове, он был большим оптимистом и любил напевать революционные песни. Чаще других затягивал “Братишка наш, Буденный” или “Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...”»⁷² «У отца, мне сестры говорили, был замечательный голос», – рассказывала вторая жена Ерофеева, Галина⁷³. Не была в то время «грустной» и «мамочка». Сестра Венедикта Тамара вспоминала: «Чувство юмора у нее было замечательное. Мама всегда была центром внимания в молодости, центром

⁶⁹ Игнатова Е. Венедикт. С. 186.

⁷⁰ Про Веничку. С. 9.

⁷¹ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 302.

⁷² Ерофеев В. Письма к сестре. С. 122.

⁷³ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 603.

притяжения. Вокруг нее всегда крутилась молодежь: “Анюта сейчас что-нибудь такое скажет, что все будут хохотать”»⁷⁴.

В начале войны Василия Васильевича почти сразу же перевели дежурным на станцию Хибин. «Как только началась война, через станцию пошли бесконечные воинские составы с вооружением, солдатами. И сразу же начались налеты немецкой авиации, – вспоминала Тамара Гущина. – Как только загудят самолеты, мама кричит: “Тамара, бери скорее ребятишек, бегите в лес!” Я хватаю Борю и Вену за ручонки, и все бежим в лес. А самолеты над нами разворачиваются и где-то поблизости бросают бомбы. Мама в панике, что нас под бомбежку послала, бежит к нам... Один самолет подбили на наших глазах. Он загорелся и стал падать – вот уж тут мы торжествовали»⁷⁵.

В августе 1941 года мать и дети уехали сначала в село Нижняя Тойма Архангельской области, а потом – в родную для Анны Ерофеевой Елшанку. «Больше месяца мы были в дороге, – свидетельствует Нина Фролова. – Сначала поездом до Кандалакши, потом в трюме грузового парохода до Архангельска, по Северной Двине до Котласа. На какой-то из пересадок мы спали на перроне, а Борю и Вену взяли на ночь в детскую комнату. Когда все дети спали, наши братья собрали всю обувь и сделали из нее железнодорожный состав, играли в поезда, чем очень удивили воспитательницу. Потом мы плыли по Волге в барже из-под соли, нас буксировал пароход. Ночью пароход оставил нас посреди реки. Несколько дней мы плавали, голодали. Потом нас причалили к пристани, и некоторое время мы жили в каком-то колхозе, в Чувашии»⁷⁶.

«Ехали больше месяца, потому что нас везде высаживали, – вторит рассказу сестры Тамара Гущина. – Ночевали на перронах, на тротуарах, расстелив свои домашние постели. Вокзалы были забиты битком. Вначале нам еще давали хлеб – мама предъявляла документы, что у нее пятеро детей. А когда добрались до Горького, начались самые наши неприятные дни. Спали на траве, около Волги. Нигде ни куска хлеба не могли получить. Власти обращались с одной просьбой: “Уезжайте – город забит. Тысячи эвакуированных, кормить нечем. Вас на пароходе или барже покормят”. Но все оказалось не так, просто надо было как-то разгрузить город. Через несколько суток мы, совершенно голодные, погрузились ночью на баржу из-под соли. Утром вспомнили про обещание покормить нас. Люди кричали на пароход, который волочил нашу баржу по Волге: “Когда же нам дадут хлеба?” И вдруг к нам обращается капитан парохода и говорит: “Товарищи! Мы ничем не можем вам помочь – для вас у нас хлеба нет”. Нас на барже примерно с тысячу человек было, все кричат, плачут, есть требуют. Помню, Боря все время канючил: “Хлеб-ца, хлеб-ца”. А Вена – молчал. Пароход оставил нас посреди Волги и ушел. Мы сутки находились посреди реки, пока какой-то буксирный пароходик не подтянул нас к пристани в Чувашии. Из ближнего колхоза, видимо, хлеб привезли – теплый, только что испеченный. Мама принесла буханочку, мы сразу набросились, а она остановила: “Нет-нет! Только по куску! Больше нельзя, а то как бы не было плохо”»⁷⁷.

«В Елшанке нас не ждали, – рассказывает Тамара Гущина. – У дедушки, Василия Константиновича, уже жила семья младшего сына Павла и приехала семья Ивана из Керети. Нам места не было. Мы поселились в пустующем доме младшей маминой сестры Натальи. Дедушка принес нам мешок муки и что-то еще из продуктов, но для такой оравушки это было ненадолго. Своих запасов не было, и продать было нечего»⁷⁸. Дом, в котором мать с детьми поселились в Елшанке, не был приспособлен для жилья: «печь дымила, всегда было холодно» (из воспоминаний).

⁷⁴ Ерофеев В. Письма к сестре. С. 123.

⁷⁵ Мешкова Н. Венедикт Ерофеев – наш земляк // Интернет-журнал Лицей. 2000. № 5. 2 мая. URL: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/588-venedikt-erofeev>.

⁷⁶ Про Веничку. С. 8.

⁷⁷ Мешкова Н. Венедикт Ерофеев – наш земляк.

⁷⁸ Личный архив В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

наний Нины Фроловой)⁷⁹. К этому времени будто бы относятся первые и «самые траурные» воспоминания Венедикта Ерофеева о себе: «Покойная мать сказала всем старшим братьям и сестрам – подойдите к кровати и попрощайтесь с ним. Со мной то есть»⁸⁰. Подлинность этого эпизода опровергает Нина Фролова: «Да нет, это венедиктова фантазия. Такого не было». Однако сгустил краски Ерофеев не очень сильно: «Рахит был у него – животик большой, косолапый стал. Он невзгоды переносил болезненнее всех нас», – поясняла Тамара Гущина⁸¹.

Однако все обошлось. Зимой 1941–1942 годов Ерофеевых, как и многие эвакуированные семьи в то время, спасла мерзлая картошка с неубранных осенью колхозных полей. Так что тогда самые страшные времена для семьи еще не настали. «Керосин берегли, сумерничали: и, чтобы время так не проходило, мама начинала нам что-нибудь рассказывать, – вспоминала Тамара Гущина. – Ребятишки лежали кто на полотах, кто на русской печи. Мама рассказывает-рассказывает, а потом говорит: “Ну, всё. А теперь – спать”. Все мы начинали ныть: “Мама, что дальше?” Но она уж была неумолима и продолжение было на следующий день. Помню, рассказывала нам очень долго, с продолжениями, “Месс Менд” – был такой роман детективного характера Мариэтты Шагинян. Мельникова-Печерского, например, мне впоследствии пришлось читать, и оказалось, что мама так подробно рассказывала “В лесах” и “На горах”, что я читала, как совершенно знакомые вещи. Мама вообще была замечательная рассказчица, ее истории о жизни их села, о семье Архангельских, о разных чудачествах заставляли нас надрываться от хохота»⁸². В записной книжке 1972 года Венедикт Ерофеев со знанием дела отметит, вероятно, вспомнив о том, как слушал пересказы матери: «Из всех пишущих русских К. Победоносцев более всего ценил Мельникова (Печерского). Даже пересылает “В лесах” Александру III и рекомендует прочесть»⁸³.

Со всеми понятными различиями, безмятежное описание Тамары Гущиной смотрится едва ли не как простецкая советская вариация на тему ностальгических строк юной Марины Цветаевой (которая позже станет одним из любимых поэтов Венедикта Ерофеева):

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
– «Уж поздно!» – «Мама, десять строк!»...
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
«Книги в красном переплете», 1910⁸⁴

Во время пребывания Ерофеевых в Елшанке случилась беда – был арестован проживавший там отец Василия Васильевича Ерофеева, Василий Константинович. Евгений Шталь

⁷⁹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 530.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Мешикова Н. Венедикт Ерофеев – наш земляк.

⁸² Ерофеев В. Письма к сестре. С. 123.

⁸³ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 14.

⁸⁴ Цветаева М. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: в 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 40.

в своей статье цитирует судебное дело старшего Ерофеева, в котором приведены такие его упреки завхозу: «Брось трепать языком, по всему Советскому Союзу одно б...ство – довели народ до нищенства»⁸⁵. По утверждению доносчика, в кругу колхозников Василий Константинович говорил: «Вот, ребята, какое правительство нам навязали. Везде хлеб гниет, а крестьяне околевают с голоду. Разве это правители: двадцать лет нас, дураков, морят»⁸⁶. 27 июля 1942 года дед Венедикта Ерофеева был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества в пользу государства. Через некоторое время расстрел был заменен на 10 лет лишения свободы, которые ему отсидеть не пришлось – через несколько дней после «помилования» Василий Константинович скончался в тюрьме. Причина смерти осталась родственникам неизвестной⁸⁷.

Осенью 1943 года в Елшанку неожиданно приехал Ерофеев-отец и забрал жену и детей обратно на Кольский полуостров, на станцию Хибин, где он служил начальником. «Возвращались с приключениями – по причине того, что на пятилетнего Венедикта пропуска почему-то не дали, – вспоминала Тамара Гущина. – А поездá все время проверяли. Идет наряд, и мы Венечку на третью полку забрасываем, накрываем какими-то узлами, чтоб его не видно было. Он там, бедный, еле дышит»⁸⁸. «Мама работала приемщицей рыбы, – рассказывает Нина Фролова о следующем лете. – Я и мои братья Боря и Вена, часто сидя на берегу озера» Имандра, «наблюдали, как рыбаки ловили неводом рыбу. Иногда мы плавали за ягодами на остров в лодке»⁸⁹.

Кончилась война. Казалось бы, теперь жизнь должна стать хоть чуть-чуть более легкой, однако над главой семейства Ерофеевых ступили нешуточные тучи. Еще в 1944 году «за ослабление контроля» над транспортными агентами Василия Васильевича понизили до должности дежурного по станции⁹⁰. А в начале июля 1945 года его арестовали. «Пришли 4 человека в 1945 году», – рассказывал Ерофеев в интервью Светлане Мельниковой и Сергею Куняеву⁹¹. «Пришли с ордером на обыск, – вторила брату Тамара Гущина, – перевернули все, что только было у нас. А кроме барахла в семье, где пять человек детей и один папа работающий, что там могло быть? Конфисковали только сто рублей и хлебную карточку. Это вот они не постеснялись от семьи отобрать»⁹².

«На перегоне был дефект железной дороги, – рассказывает Нина Фролова. – О том, что там следовало сделать ремонт, папа писал начальству, которое руководило этим куском железной дороги до Мурманска. И вот однажды там был сильный толчок, и несколько вагонов с углем упали. Никаких жертв не было, но папу, конечно, сразу арестовали. Вроде как вредительство. Он оправдался! Нашли его обращения к начальству, что следует отремонтировать участок. Но это был 45-й год, время-то какое...»

Отпускать уже арестованного человека было не в принципах сталинской карательной системы, и 25 сентября 1945 года постановлением военного трибунала Кировской железной дороги Василий Васильевич Ерофеев был осужден на пять лет лишения свободы с отбыванием

⁸⁵ Шталь Е. Венедикт Ерофеев // Газета «30 октября». 2005. № 50. С. 13.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Нина Фролова полагает, что реальной причиной ареста деда был рассказанный им анекдот про Ленина. Она же отмечает подозрительную нестыковку дат в деле, где дата смерти получилась ранее даты пересмотра дела. Возможно, Василий Константинович Ерофеев был все-таки расстрелян.

⁸⁸ Мешикова Н. Венедикт Ерофеев – наш земляк.

⁸⁹ Про Венечку. С. 9.

⁹⁰ Эта информация из личного дела Василия Ерофеева была опубликована Е. Шталем (см.: Шталь Е. Венедикт Ерофеев. С. 13).

⁹¹ День литературы. 2000. 15 февраля.

⁹² Телепрограмма «Венедикт Ерофеев. Гении и злодеи». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b1vU8Iz8fm8>. В описи изъятых у Василия Ерофеева при обыске имущества, кроме документов, 100 рублей и хлебной карточки, фигурирует «карточка на жиры, 500 гр.» Копия уголовного дела Василия Ерофеева. Военный трибунал Кировской железной дороги. Дело № 045434. Личный архив В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах сроком на три года и «без конфискации имущества за отсутствием такового»⁹³. В приговоре о его вине говорилось так: «Предварительным и судебным следствием установлено, что Ерофеев, будучи начальником станции Хибины Кировской жел<езной> дор<оги> в период войны Советского Союза с фашистской Германией в 1941–1945 гг., систематически занимался контрреволюционной агитацией среди подчиненных ему работников и других лиц, проживающих на станции Хибины. Так, он восхвалял силу и мощь армии фашистской Германии, одновременно клеветал на силу и мощь Красной Армии и ее полководцев. Высказывал пораженческие настроения Советского Союза в войне с фашистской Германией. Восхвалял жизнь и быт трудящихся при царском строе, высказывал клеветнические измышления на жизнь и быт рабочих Советского Союза и клеветал на ведение колхозной системы хозяйства»⁹⁴. Разумеется, обвинение это было сфабриковано. «Папа мне сам рассказывал, что с ним делали, когда он был под следствием, – говорит Нина Фролова. – Его держали в камере, в которой нельзя было ни встать во весь рост, ни сесть, человек там находился в скрюченном положении. А ночью открывали камеру, папа оттуда выпадал, его обливали ледяной водой и вели на допрос». «Веничка рассказывает, как над отцом издевались на допросах. Сам себя прерывает: “Женщинам рассказывать такое нельзя”. Из глаз его хлынули слезы», – записала в дневнике Наталья Шмелькова⁹⁵. В 1990 году Василий Ерофеев был реабилитирован.

В постановлении о реабилитации было сказано: «Вопреки требованиям уголовно-процессуального закона военный трибунал не привел в приговоре доказательств вины осужденного <...> Обвинительный приговор постановлен военным трибуналом на основании показаний свидетелей Голубева Н. Г., Морозова А. Н., Никонова Г. А., Белотелова и других. Как пока<за>ли эти лица, Ерофеев во время разговоров с ними пояснял, что “при царе крестьяне жили хорошо. Сейчас народ голодает. Нам нечего воевать без толку. У немцев первоклассная техника, у солдат хорошая выучка”. <...> Ерофеев не признал себя виновным <...> и заявил, что антисоветской агитацией он не занимался. Негативно высказывался о колхозе, в котором жила его семья. Они за работу ничего не получали»⁹⁶.

О реабилитации Василия Ерофеева его смертельно больной младший сын еще успел узнать.

В 1945 году Венедикт и Борис Ерофеевы уже учились в первом классе начальной школы на станции Хибины. Туда принимали с восьми лет, но мать уговорила учительницу, чтобы вместе со старшим братом взяли и младшего. «Один портфель, главное, экономия была, не надо было второй портфель покупать, и учебники одни», – объясняет мотивацию Анны Ерофеевой Нина Фролова⁹⁷. Задачу матери значительно облегчило то обстоятельство, что к шести годам Венедикт уже умел читать и писать. «И как он выучился читать? По-моему, никто с ним не занимался, никто и не заметил. У нас в доме, собственно, и книг-то не было. Был громадный, растрепанный том Гоголя», – рассказывала Тамара Гущина⁹⁸. Однажды, еще в 1943 году, она спросила у младшего брата: «“Веночка, что ты там все пишешь и пишешь?” Он посмотрел на меня очень серьезными голубыми глазами и ответил: “Записки сумасшедшего”. Над этим все очень долго смеялись, хотя он не шутил»⁹⁹.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Военный трибунал Кировской железной дороги. Дело № 045434. Личный архив В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

⁹⁵ Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева: Дневники. С. 80.

⁹⁶ Копия постановления президиума Мурманского областного суда № 44у-123 от 22 февраля 1990 г. из личного архива В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

⁹⁷ Острова.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Ерофеев В. Письма к сестре. С. 123.

Очень рано проявились еще три основополагающих свойства личности Венедикта Ерофеева – его стремление к сбережению себя от внешнего мира, его умение хранить в памяти бездну фактов и его страсть к систематизации. «Он был сдержанный, углубленный в свои мысли, память у него была превосходная, – свидетельствует Нина Фролова. – Например, такой эпизод. Книг особых у нас не было, поэтому читали все подряд, что под руку попадает; был у нас маленький отрывной календарь, который вешают на стену и каждый день отрывают по листочку. Венечка этот календарь – все 365 дней – полностью знал наизусть еще до школы; например, скажешь ему: 31 июля – он отвечает: пятница, восход, заход солнца, долгота дня, праздники и все, что на обороте написано. Такая была феноменальная память. Мы, когда хотели кого-нибудь удивить, показывали это»¹⁰⁰.

В марте 1947 года на Анну Ерофееву и на всю семью обрушилась еще одна беда. За кражу хлеба на станции Зашеек арестовали старшего из братьев – Юрия, и вскоре он был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Вдобавок к этой беде Венедикта, Бориса и Нину в мае с цингой положили в больницу. «Когда мы были в больнице, сгорела наша квартира, – вспоминает Нина Фролова. – Ничего там ценного не было, конечно. Только большой портрет на стене – папа с мамой молодые и шкура белого медведя, кем-то подаренная...»

Вот тогда и случилось, пожалуй, самое печальное событие среди всех перечисленных: не выдержав груза навалившейся на нее ответственности, Анна Ерофеева на неопределенное время уехала в Москву к родственникам, искать работу, оставив сыновей и дочерей на произвол судьбы. «Получалось так, что она живет за счет своих детей, – объясняла поступок матери Тамара Гущина. – На них-то продовольственная карточка была, а на нее не было. Она собралась и уехала»¹⁰¹. «Маменька сбежала в Москву», – скупно констатировал в интервью Л. Прудовскому сам Ерофеев. А на последовавший далее вопрос: «И тебя бросила?» – ответил еще короче: «Да»¹⁰². «Однажды к нему приехали телевизионщики из ленинградской программы “Пятое колесо”, – вспоминает актриса Нина Черкес-Гжелоньска случай, произошедший в 1988 году. – А он из своей комнаты не захотел выходить. Я спрашиваю: “Почему ты, Венедикт, не хочешь с ними разговаривать?” А он говорит: “Будут спрашивать, почему меня мама в детдом отдала”».

«Не было у меня с ним разговора на эту тему, – рассказывает Нина Фролова. – С Борисом – да, а Венедикт как этому отнесся я даже не знаю...»¹⁰³ «Я так не люблю это вспоминать... – продолжает она. – Мы не плакали, мы были такие растерянные, к нам сразу на другой день явилась милиция. Мама сказала: “Не рассказывай, куда я уезжаю”. Она к тете Дуне¹⁰⁴ поехала в Москву»¹⁰⁵.

«Я обратилась в горком комсомола, и они сказали: “Привозите ребятишек, устроим в детский дом”», – вспоминает Тамара Гущина¹⁰⁶. В начале мая 1947 года она забрала братьев Бориса и Венедикта Ерофеевых из больницы и отвезла их в детский дом в город Кировск. Здесь Венедикту предстояло пробыть долгие шесть лет.

С братом он в детстве был очень близок. «С Борей они были неразлучны. Их считали двойняшками. У них был какой-то свой, непонятный нам, лексикон, а они хорошо понимали друг друга», – рассказывала Тамара Гущина в неопубликованном варианте своих воспоминаний¹⁰⁷. «Вена зимой потерял шапку, а Боря надел на него свою, а сам с голой головой явился

¹⁰⁰ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 529.

¹⁰¹ Острова.

¹⁰² Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 489.

¹⁰³ Острова.

¹⁰⁴ Авдотье Андреевне Карякиной (1889–1981) – родной сестре Анны Ерофеевой. – О. Л., М. С., И. С.

¹⁰⁵ Острова.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Личный архив В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

домой», – вспоминала она же характерный случай еще из додетдомовской жизни братьев¹⁰⁸. Сходно распределились роли Бориса с Венедиктом и в детском доме – старший брат всячески оберегал и защищал младшего. «У Вени была кличка “Курочка”, потому что он ходил все время следом за мной. Так было до 1951 года, – рассказывал Борис Ерофеев. – У меня было прозвище “Бегемот”, потому что я был задиристый, умел постоять за себя и Веню и защитить от хулиганов. Дрались обычно детдомовцы с мальчишками с улицы Нагорной <...> Однажды мы пошли в лес поесть ягод. Веня с книгой сел и ел ягоды. На него напали мальчишки, стали бить. Я заступился за брата. Меня побили, но Веню оставили в покое»¹⁰⁹. А может быть, кличку «Курочка» Венедикт получил за то, что его любимым детским чтением была знаменитая сказка Антония Погорельского? Во всяком случае, в записной книжке 1977 года он отметил: «Достать, наконец, “Черная курица” Антона Погорельского. Больше всего слез из всех детских слез»¹¹⁰.

Описание Борисом их с братом полутюремной жизни в детском доме, конечно же, было далеко от ностальгического: «Поместили в палату из 26 человек <...> Подъем был в 6 утра, потому я гимн не люблю. Летом собирали ягоды. Норма – 1 литр черники, чтобы заработать на сладкий чай. Черного хлеба до 1949 года была норма 1 кусочек, позднее норму отменили. Но нельзя было зевать – украдут хлеб или колбасу»¹¹¹. Тем не менее, старший брат, в силу своего умения социально адаптироваться к окружающим обстоятельствам, кажется, лучше переносил казарменные порядки, чем младший. «Ничего хорошего о детском доме он не говорил, Вена, – рассказывала Тамара Гущина, – а Борис говорил: “Все было там хорошо!”»¹¹² Она же поделилась с Натальей Шмельковой некоторыми подробностями о жизни братьев в детском доме: «Мать думала, что там сытнее, а им, детям, выдавали подбеленную молоком воду, в которой плавали несколько картошинок и макаронин. А дети считали, сколько макаронин у каждого. У кого больше!»¹¹³ «Венедикт-то макаронины не считал, – замечает на это Нина Фролова. – Он всегда был равнодушен к еде».

Вспоминая о жизни в детдоме в интервью Л. Прудовскому, Ерофеев на некоторое время даже отказался от глумливого тона: «Меня перетащили в детский дом г. Кировска Мурманской области, и там я прозябал <...> Ни одного светлого воспоминания. Сплошное мордобитие и культ физической силы. Ничего больше. А тем более – это гнуснейшие года. 46–47-й»¹¹⁴. Чуть ниже в этом же интервью Ерофеев признался, что уже в детском доме нашел для себя спасительный выход из ситуации коллективной агрессии, да и просто коллективной активности. Прудовский спрашивает его: «Веня, а в детдоме ты был среди тех, кого били или – кто бил?» Ерофеев отвечает: «Я был нейтрален и тщательно наблюдателен». Прудовский задает уточняющий вопрос: «Насколько это было возможно – оставаться нейтральным?» Ерофеев отвечает: «Можно было найти такую позицию, и вполне можно было, удавалось занять вот эту маленькую и очень удобную позицию наблюдателя. И я ее занял. Может быть, эта позиция и не вполне высока, но плевать на высоту»¹¹⁵.

Это признание Ерофеева о себе – ребенке кое-что существенное объясняет в том, как он себя часто вел, будучи уже взрослым человеком: «Он был скорее поощряющим наблюдателем, чем активным участником наших проделок, мог сидеть рядом и уходить в себя» (из воспомин-

¹⁰⁸ Острова.

¹⁰⁹ Про Веничку. С. 24–25.

¹¹⁰ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 313.

¹¹¹ Про Веничку. С. 24.

¹¹² Острова.

¹¹³ Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева. Дневники. С. 138.

¹¹⁴ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 489, 490.

¹¹⁵ Там же. С. 490–491.

наний Натальи Четвериковой)¹¹⁶. А вот еще более красноречивый фрагмент из мемуаров Людмилы Евдокимовой (речь идет о 1978 году): «Помню один из его дней рождений, на которые народу всегда набивалось видимо-невидимо. В тот раз в какой-то момент подвалили осиповцы и кто-то из противоположного лагеря (со стороны Даниэля, что ли, точно не помню). Здесь же начались взаимные обвинения (кто кого посадил), а затем и драка. Веня все это время лежал в позе Воланда на ложе в своей комнате и наблюдал; он был, конечно, уже сильно выпивши, но не суть. Разнимал дравшихся не он, не он кого-то выпроваживал. Ему нравилось “наблюдать” в таких случаях, это вполне в его духе». Важно отметить, что и во взрослой жизни обычно находились люди, которые занимали при наблюдателе-Ерофееве позицию опекунов и защитников. Судя по всему, его обаяние действовало на большинство окружающих просто неотразимо. «Вопервых, дело было в каком-то особом энергетическом поле, которым обладал Ерофеев, – что это за поле и в чем его особенности, объяснить я не сумею – по-моему, это вообще невозможно выразить словами, – вспоминает Жанна Герасимова. – А во-вторых, он буквально очаровывал своим умом – такого феноменального интеллекта я не встречала больше ни у кого». «Он был не просто мыслящим, а быстромыслящим. Там, где другие успевали подумать один раз и в одном направлении, он – раз десять: и туда, и обратно, и по сторонам», – рассказывает Ольга Седакова.

Но, даже зная об очень раннем самоопределении Венедикта Ерофеева по отношению к окружающим его людям, трудно не подивиться ерофеевской стойкости, продемонстрированной во время одного мелкого, но показательного случая в детдоме. Рассказывает Тамара Гущина: «Однажды, помню, вызывает меня заведующая детским домом, я прихожу, она говорит: “Убедите вашего младшего брата, он категорически отказывается вступать в пионеры”. Я говорю: “Венечка, ну почему ты не хочешь-то? Все же в пионеры вступают...” Он – голову вниз и отвечает: “А я не хочу!”»¹¹⁷ Это, конечно, был тихий бунт не против советской пионерской организации, а против коллективизма как такового.

Однообразный быт Кировского детского дома слегка разбавлялся ежегодными летними сменами в пионерских лагерях. В частности, в июне 1950 года Венедикта за отличную учебу направили в пионерский лагерь, располагавшийся в весьма удаленном от Кольского полуострова городе Рыбинске в Ярославской области. В 1976 году, вспоминая этот лагерь и второй куплет популярной пионерской песни про картошку:

Наши бедные желудки
Были вечно голодны,
И считали мы минутки
До обеденной поры... —

Ерофеев с ироническим изумлением отметит в записной книжке: «Удивляюсь, как пропустили и почему не сажают, слышу песню “Наши бедные желудки были вечно голодны”»¹¹⁸.

В том же, 1950 году, из совсем другого лагеря, исправительно-трудового, освобожден Василий Ерофеев. Он устроился на работу в пригороде Кировска, получил там жилье в двухэтажном бараке и вызвал из Москвы в Кировск жену Анну. «Между ними были сложные отношения, папа не мог ей простить, что она нас оставила», – вспоминает Нина Фролова¹¹⁹. «И ты

¹¹⁶ Про Веничку. С. 147.

¹¹⁷ Телепрограмма «Венедикт Ерофеев. Гении и злодеи».

¹¹⁸ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 201. Ср. в его же записной книжке 1977 года: «Постоянно помню о песне “Наша милая картошка” и мой детский гнев: отчего не посадят хормейстера пионерлагеря и пр.» (Там же. С. 304).

¹¹⁹ Острова.

ее принял?» – спрашивает Ерофеева Л. Прудовский в интервью. «Ну что, мать. Иначе она не могла», – отвечает Ерофеев¹²⁰.

При этом жить оба младших брата продолжали в детском доме. Борис покинул его в июне 1952 года; Венедикт – в июне 1953 года, в четырнадцатилетнем возрасте. Еще раз спросим себя: какие воспоминания и впечатления он вынес из детдома? Косвенный ответ на этот вопрос, кажется, дает реплика Ерофеева, прозвучавшая после рассказа Людмилы Евдокимовой о том, как ее тогдашнего мужа, Марка Гринберга, жестоко избили хулиганы, и по возрасту, и по повадкам весьма близкие к юным сожителям Венедикта по детскому дому в Кировске¹²¹. Ерофеев отреагировал неожиданно жестко: «А я бы вообще всех подростков в возрасте от 12 до 16 лет поголовно бы уничтожал, потому что у них нет представления о том, что такое чужая боль» (эта реплика приведена в воспоминаниях Гринберга). «Эпизод из “Москвы – Петушков” с детьми, которые смеялись над человеком, зарезанным поездом, очень красноречив, – полагает Борис Сорокин¹²². – Дети – сволочи... Дети и ангелы. Это у Ерофеева некая зловещая сила»¹²³.

Нужно сказать, что Борис и Венедикт в этот период еще больше отдалились от родителей. «Когда мама уехала, – размышляет Нина Фролова о тогдашнем поведении братьев, – они были совсем маленькие. А потом, когда она вернулась, они были уже независимыми людьми, школьниками, которые выросли в детском доме. Общения почти не было»¹²⁴. Но она же вспоминает: «Он был мамин любимчик. Мама очень надеялась, что Венедикт у нас будет прославленным человеком»¹²⁵.

Для столь радужных надежд у Анны Ерофеевой были некоторые основания. Еще с 1 сентября 1952 года Венедикт начал учиться в средней школе № 1 города Кировска, в которой подобрался по-настоящему сильный состав преподавателей. «У нас были дьявольски требовательные учителя, – рассказывал Ерофеев Л. Прудовскому. – Я таких учителей не встречал более, а тем более на Кольском полуострове. Их, видно, силком туда загнали, а они говорили, что по зову сердца. Мы понимали, что такое зов сердца. Лучшие выпускники Ленинградского университета приехали нас учить на Кольском полуострове. Они, блядуги, из нас вышибали все что возможно. Такой требовательности я не видел ни в одной школе потом»¹²⁶.

Выбор Венедикта в это время был – учиться как можно лучше, чтобы отличаться от сверстников. «Я наблюдал за своими однокашниками – они просто не любят читать, – презрительно констатировал он во все том же интервью, взятом Л. Прудовским. – Ну вот, скажем, есть люди, которые не любят выпивать. Поэтому выделиться там было нетрудно, потому что все были, как бы покороче сказать... ну, мудаки. Даже еще пониже, но – чтобы не оскорблять слуха... Таков был основной контингент»¹²⁷. В итоге Ерофеев, единственный из всего своего выпуска, окончил школу с золотой медалью.

«В школе у него не было того, что потом в университете, когда он прославился тем, что все отрицал, – рассказывала ерофеевская учительница литературы Софья Неустроева (Гордо). – Да и какой была литература в школе в 50-е годы? Маяковский – патриотическая лирика, Горький – с очерком “Ленин”, романом “Мать” и пьесой “На дне”, Фадеев, Николай

¹²⁰ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 490.

¹²¹ В 1977 или 1978 году.

¹²² Упоминается в поэме «Москва – Петушки» как Боря С. (глава «Воиново – Усад») и Боря (главы «Черное – Купавна», «Крутое – Воиново»).

¹²³ Тут можно вспомнить любимого Ерофеевым Даниила Хармса: «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!» (Хармс Д. Цирк Шардам: собрание художественных произведений. СПб., 2001. С. 849).

¹²⁴ Острова.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 492.

¹²⁷ Там же.

Островский, Шолохов – и всё! И давали произведения современной литературы, которые прославились в данный момент»¹²⁸.

«Вспоминаю, как он сдавал за 10 класс экзамены, – рассказывала Тамара Гущина, – я тогда жила в своей девятиметровочке на Хибиногорской, и он каждый раз после экзамена заходил ко мне, у порога становился и улыбался. Я говорю: “Ну что? Какая отметка?” – “Пять!”»¹²⁹. «Пришла в наш почтовый зал какая-то женщина и громко сокрушалась: “Сегодня писали сочинения. Ужасно все переживали. Говорят, какой-то Ерофеев только написал на пять”», – свидетельствовала она же¹³⁰.

По наблюдениям Людмилы Евдокимовой, ряд повадок «прилежного ученика» Ерофеев сохранил и культивировал в себе во взрослом возрасте: «В нем самом (странным образом) сохранилось много детских привычек, можно сказать, какой-то непрожитый, несостоявшийся слой добропорядочной жизни, который при нас проживался игровым образом. Веня ж в школе был отличником, все такое; приехал в Москву с золотой медалью. При нас вся эта жизнь “отличника” продолжилась: заполнялись “Дневники природы”: “В марте к нам прилетели (оставлено пустое место)”»; Веня вписывал. “На деревьях распустились первые (пустое место)”. И т. д. Мы и сами ему дарили такие дневники. Заполнялись бесконечные тетради о сборе грибов: 23 августа было найдено: маслят 123 штуки; лисичек 257 штук и т. д. И так на много дней. А чего стоили эти грядки с редисом “Красный богатырь”. Кажется при этом, что он так и не вырос, редис этот, несмотря на неустанные Венины заботы о нем и отмечание всего в тетрадке (все полевые работы расписаны пунктуальнейшим образом). Уже в 1980-х годах он возобновил изучение немецкого языка, который в школе учил (это, кстати, немножко помогло ему продержаться на плаву, я думаю): последовали опять тетрадки, аккуратно записанные упражнения, спряжения глаголов, выписанные слова. Все это он обожал показывать; любил играть в паймальчика (которым не удалось долго побыть?)»

24 июня 1955 года в Кировской школе № 1 состоялся торжественный выпускной вечер. По воспоминаниям Тамары Гущиной, он ознаменовался двумя событиями, которые, с одной стороны, маркировали вступление Венедикта во взрослую жизнь, а с другой – лишь дополнительно подчеркивали его школьную привычку к «прилежанию» и «примерному поведению»: «Он первый раз закурил папиросу, когда был выпускной вечер, 10 класс он кончил. И впервые выпил какого-то шампанского, или что там у них было»¹³¹.

«Преподавательница литературы Софья Захаровна Гордо советовала ему поступить на филологический факультет, – рассказывала Тамара Гущина. – Венедикт написал заявления и в Ленинградский университет, и в Московский, и еще куда-то, кажется, в Горьковский. Он решил так: кто первый ответит, туда он и поедет. Москва откликнулась первой. Он отправил туда все документы и ждал. Пришла телеграмма: “Вызываем на собеседование”. Медалисты тогда экзаменов не сдавали. А Вене еще 17-ти нет, и он сроду нигде один не бывал. Тогда мама его повезла в Москву к тетушке Дуне. После собеседования профессор сказал Вене: “Приходите, посмотрите в списках, но, я думаю, вы будете зачислены”. На второй или третий день они пошли в университет, увидели его фамилию в списках и тут же дали мне телеграмму, где было только одно слово: “Принят”»¹³².

¹²⁸ Мешкова Н. Венедикт Ерофеев – наш земляк.

¹²⁹ Острова.

¹³⁰ Из неопубликованных воспоминаний Тамары Гущиной. Личный архив В. Ерофеева (материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой). Тамара Гущина долгие годы работала на почте.

¹³¹ Острова.

¹³² Ерофеев В. Письма к сестре. С. 123–124.

Веничка: Утро, до открытия магазина

Биография литературного персонажа не обязательно должна быть равна всей его жизни, от рождения до смерти. В истории литературы, особенно новейшей, вовсе не редкость сюжеты, сокращающие биографическую линию героя до одного дня (как в случае с «Улиссом» Дж. Джойса и «Миссис Дэллоуэй» В. Вульф) или переводящие ее в «литературное путешествие»¹³³ из пункта А в пункт В (как в случае с Джимом Хокинсом и Холденом Колфилдом). Однако в любом контексте биография героя «Москвы – Петушков», Венички, стоит особняком. Дело даже не в том, с какой виртуозностью в ней согласованы условия времени и места – суточный отсчет (с утра до ночи) с отсчетом пути (от Курского вокзала к Петушкам и обратно). Веничкина уникальность в другом: его биографическая логика определяется не чем иным, как «алкогольным» хронотопом; временной мерой и смысловым ритмом его дороги-судьбы является доза – то, сколько выпито.

Стихия пьянства в «Москве – Петушках» поистине вездесуща. Она может обернуться любым означающим или означаемым на любом уровне текста – и приемом, и мотивировкой¹³⁴, и метафорой¹³⁵, и мифом¹³⁶, и религиозно-философской идеей¹³⁷. Но главное – спиртное в ерофеевской поэме становится «принципом композиционной организации»¹³⁸, тем «стержнем, на который нанизан сюжет»¹³⁹; а это значит, что биографические вехи Венички отмериваются граммами и градусами.

В разворачивании Веничкиной биографии под знаком алкоголя линейная формула катастрофически опрокидывается в кольцевую¹⁴⁰: от отвращающей Москвы к чудовищной, от уничижающего подъезда к уничтожающему, от тошноты к ужасу, от телесных недугов к пределу боли, от обесценивания к ликвидации, от подобия небытия к окончательному небытию. Так Веничка, доза за дозой, проходит не просто однодневный, но именно жизненный круг от мучительного рождения заново к мученической «полной гибели всерьез».

Итак, начальным биографическим этапом в этом Веничкином цикле становится утро от блужданий по направлению к Курскому вокзалу до станций Серп и Молот, Карачарово, Чухлинка, то есть от похмелья до первой выпивки. Это время оказывается как бы предбытийным – временем переживания абстинентного «нуля», того отрицательного состояния, из которого ему предстоит символически воскреснуть, вновь родиться с первой четвертинкой.

Состояние героя и мира «с перепоя» раскрывается на трех уровнях текста и подтекста.

На первом уровне происходит погружение в московский ад как пространство тотального отчуждения. Изначально Веничка в городе – «посторонний»; столица словно отторгает его, не пуская в свое «сердце», Кремль, и всякий раз выталкивая к Курскому вокзалу. Ранним похмельным утром в городской пустыне каждый локус или объект воспринимается героем-

¹³³ См.: Гаспаров Б. М., Паперно И. М. «Встань и иди» // *Slavica Hierosolymitana*. Slavic Studies of the Hebrew University. 1981. Vol. 5–6. С. 387. Далее: Гаспаров, Паперно.

¹³⁴ См.: Генис А. Иван Петрович умер. М., 1999. С. 51.

¹³⁵ «Метафора бытия», «синоним письма» (Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. 296). Далее: Липовецкий.

¹³⁶ «Симпосий в царстве мертвых» (Седакова О. Пир любви на «Шестьдесят пятом километре», или Иерусалим без Афин // Книжное обозрение. Ex libris НГ. 1998. № 41, октябрь).

¹³⁷ «Церковь водки» (Найман А. Оксфорд. ЦПКИО. М., 2004. С. 263), пьянство как «трансцендентальный проект» (Липовецкий. С. 296–297).

¹³⁸ Седакова О. Пир любви на «Шестьдесят пятом километре», или Иерусалим без Афин.

¹³⁹ Липовецкий. С. 295.

¹⁴⁰ Параллелизм первых и последних глав «придает композиции форму замкнутого круга» (Гаспаров, Паперно. С. 387).

изгоем как «тупик бытия» (аптека, магазин), препятствие (площадь), место стыда, угрозы, насильственного действия (подъезд, ресторан, снова площадь). Вещи видятся неприязненными (вокзальные часы), отвратительными (чулки официантки) и опасными (ресторанная люстра). Еще более травматичными для Венички становятся столкновения с людьми – в полном соответствии с сартровской известной формулой: «Ад – это другие»; окружающие, встречаемые, даже поющие из динамика, непременно оказываются врагами – или невольными мучителями, как «пидор», скребущий тротуар (124), и Козловский, терзающий слушателя «мерзким» голосом с «песыми» модуляциями (127), или сознательными «палачами» (128), как официантки и охранники ресторана, сначала изводящие несчастного иронией с сарказмом, а затем применяющие к нему прямое насилие. Мало того, что ерофеевский герой до предела съезживается под взглядом обесценивающей власти («вышибала <...> оглядел меня, как дохлую птичку или грязный лютик», 126); он еще и находится в конфликте с собой – и телесном («так дыши, чтобы ноги за коленки не задевали», 124), и мысленном («...отмахнулся я сам от себя», 125), будучи одержимым не только физической, но и духовной, хуже – мистической, «сверхдуховной» тошнотой. «С похмелюги» (123) все в Веничкином мире обманчиво: помимо социума – и собственное естество, помимо естества – и само сверхъестественное; вот и ангелы лживо соблазняют страдающего героя ресторанным хересом, обрекая его на худшие страдания.

На втором уровне утренняя дорога от подъезда до электропоезда становится своего рода травестией крестного пути¹⁴¹. Евангельские ассоциации вызываются то сниженной парафразой из Матфея и Марка в рассуждениях о кориандровой (отсылкой к сомнениям и тревогам в Гефсиманском саду¹⁴²), то метонимической деталью (колонной, к которой прислоняется Веничка, как намеком на бичевание Христа), то многозначительной гиперболой (превращающей официантов и охранника в «палачей» и тем самым перекликающейся с соответствующими эпизодами Евангелия – взятия Христа под стражу, восхождения на Голгофу¹⁴³). Эти ассоциации еще усиливаются метафорическими и стилистическими сдвигами в тексте, акцентирующими мотивы тяжелой ноши («какую тяжесть в сердце пронес...», 124); «какую тяжесть вынес на воздух» (124), «утренняя ноша в сердце», 124), затрудненного шага («я пошел <...> чуть покачиваясь...», 124) и пространственного преодоления («Я пошел через площадь – вернее, не пошел, а повлекся», 126). Обобщая, И. Паперно и Б. Гаспаров последовательно уподобляют каждый отрезок Веничкиной дороги от подъезда до площади Курского вокзала эпизодам страстей Христовых в их евангельской очередности: выход из подъезда – Гефсиманский сад, сцена в ресторане – взятие под стражу и шествие на Голгофу, замирание на площади Курского вокзала – казнь¹⁴⁴.

На третьем уровне разворачивается отчаянная борьба страждущего героя с похмельным хаосом, подобная комическим сценам с пантомимой, в которых пьяница выводится агонистом, пытающимся выправить, выпрямить покосившийся, уходящий из-под ног мир. Веничка оглядывается кругом и видит городской пейзаж как абсурдный, потерявший бытийные начала и концы, – скажем, бессмысленную «блоковскую» аптеку и нелепую фигуру человека, зачем-то скребущего тротуар («пидора в коричневой куртке»). Но волевым усилием Веничка пытается «вправить сустав времени» – вписать эти «полые» явления в мировой порядок и вместе с тем восстановить пространственные координаты: «Ну вот и успокойся. Все идет как следует. Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево <...> Если хочешь идти направо – иди направо» (124).

¹⁴¹ Об этом см.: Гаспаров, Паперно. С. 387–388.

¹⁴² В «Москве – Петушках»: «душа в высшей степени окрепла, а члены ослабели»; у Матфея (26:41) и Марка (14:38): «Дух бодр, плоть же немощна» (см.: Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». Спутник писателя // Ерофеев В. Москва – Петушки; с комментариями Эдуарда Власова. М., 2000. С. 130). Далее: Власов.

¹⁴³ См.: Гаспаров, Паперно. С. 388.

¹⁴⁴ Там же.

Главным делом героя до открытия магазина становится битва с собой и миром за восстановление памяти, за логическое заполнение пространственно-временных зияний и провалов. Веничкино дискретное «вчера» может быть по-прустовски найдено и спасено, разумеется, только по меткам выпитого. Так, маршрут от Савеловского вокзала к Каляевской улице очерчивается по двум точкам, где были выпиты стаканы зубровки и кориандровой; возникает такое впечатление, что та же зубровка тогда в один миг перенесла пьющего на два с половиной километра от одного пункта до другого¹⁴⁵. Но в дальнейшем магия зелья дает сбой: вчерашнее время и пространство, начиная где-то с припоминания двух стаканов охотничьей на улице Чехова, путаются и пропадают. И вот теперь, когда близится решающее время, «кайрос» открытия магазина, Веничка должен совершить решающее усилие памяти, «анамнез»: «...А что и где я пил? и в какой последовательности? во благо ли себе я пил или во зло?» (124); «Так когда же вчера ты купил свои гостинцы? После охотничьей? <...> Между первым и вторым стаканом охотничьей? <...> До кориандровой или между пивом и альб-де-дессертом?» (126). Вопросы эти имеют для ерофеевского персонажа едва ли не судьбоносное значение: проблема последовательности выпитого приравнена к великим загадкам истории («Не знаем же мы до сих пор: царь Борис убил царевича Димитрия или наоборот?», 124), а проблема соотношения благого действия (покупки гостинцев) и выпитого – к великим тайнам мироздания («Боже милостивый, сколько в мире тайн! Непроницаемая завеса тайн!», 126).

Раз за разом срываясь в своих попытках восстановить «связь времен», герой-агонист вместе с тем делает и другую комически-отчаянную ставку против хаоса – на силлогистику, научную систематику и аналитику. Вот он блуждает в лабиринтах математики, разгадывая темное уравнение с шестью рублями и «иксом» литража или высчитывая время, найденное на покупку гостинцев между отменяющими время дозами охотничьей. А вот – упорядочивает «страшный мир» за счет каталогизации и классификации: составляет списки выпитого и купленного для опохмелки, выделяет три типа тошноты, выводит рвотный алгоритм в зависимости от порядкового счета доз. И наконец, – спасается от «звериного оскала бытия» в сфере изысканных дефиниций и силлогизмов: то переворачивает формулу воздействия кориандровой на душу и тело, то указывает на «тонкое» различие между «сблевать» и «стошнит» (130).

Но самое сильное средство против хаоса – риторика. Веничка последовательно переводит невыразимую похмельную ломку на язык «патетической декламации». Жалобы и сетования выстраиваются стройными рядами развернутых параллелизмов: например, за периодом восклицаний-апострофов («О, иллюзорность бедствия. О, непоправимость!», 124; «О, тщета! О, эфемерность!», 125) следует период риторических вопросов («...Разве суeta мне твоя нужна? Люди разве твои нужны?», 125), а за ними вновь наступает черед восклицательного форсажа («О, сколько безобразия и смутности...», 128; «...о, боль такого позора!», 128; «О, пустопорожность! О, звериный оскал бытия!», 128). Энергию для этого спасительного риторического нагнетения ораторствующий страдалец черпает прежде всего в стихии Достоевского. При этом до открытия магазина преобладает диалогизм самооправдания в духе Мармеладова иже с ним: «Отчего они все так грубы? <...> И грубы-то ведь, подчеркнуто грубы в те самые мгновения, когда нельзя быть грубым...» (128)¹⁴⁶; после же того, как Веничкин чемоданчик наполнился спиртным, диалогизм становится наступательным, как у «смешного человека», – с маневрами пролеписа, ложной уступки и других сложных полемических фигур (ср. трехкратное «Пусть примитив!» (130) у Ерофеева и «Ну и пусть сон, и пусть...» у Достоевского).

И все же основным мотивом в риторике Венички становятся сентенции самоуменьшения, смирения, готовности «пострадать»: «Все на свете должно происходить медленно и непра-

¹⁴⁵ См.: Яблоков А. От вокзала до вокзала, или Московская одиссея Венички Ерофеева // Анализ одного произведения: «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева. Тверь, 2001. С. 101.

¹⁴⁶ Согласно классификации Ю. И. Левина, это «стилистическая цитата» из Достоевского (Левин Ю. Классические традиции в «другой» литературе. Венедикт Ерофеев и Федор Достоевский // Литературное обозрение. 1992. № 2. С. 46).

вильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян» (124); «О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, тих и боязлив, и был бы так же ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом – как хорошо бы!» (128). Именно в этих формулах прячется Веничкина надежда на Провидение, ведущее страстотерпца к живой воде опохмелки. Знаки Провидения чудятся и в голосе, «льющим из ниоткуда» (129), который направляет героя в Петушки, и в том чудесном искривлении пространства, которое бережет героя от темной силы Кремля.

Глава вторая

Венедикт:

Москва. Филологический факультет МГУ

С Кольского полуострова в столицу для поступления на филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ерофеев отбыл первого июля 1955 года. «Веня прошел собеседования успешно и приехал домой в Кировск. Осенью мы всей семьей проводили его в Москву», – вспоминал брат Борис¹⁴⁷.

Сам Ерофеев, привычно снижая пафос¹⁴⁸, поделился впечатлениями от той летней поездки в интервью Л. Прудовскому. Ради красного словца он искажил действительность и представил дело так, будто в 1955 году «впервые в жизни пересек Полярный круг, только в направлении с севера на юг»¹⁴⁹, и увидел природу Центральной России, но ведь во время войны Венедикт был в эвакуации, а в 1950 году отдыхал в пионерском лагере под Рыбинском: «...И вот я на 17 году жизни впервые увидел высокие деревья, коров увидел впервые <...> Увидел я корову – и разомлел. Увидел высокую сосну и обомлел всем сердцем <...> Там с медалью было только собеседование¹⁵⁰, и этот мудака так меня доставал, но достать не смог. Я ему ответил на все вопросы, даже которые он не задавал. И он показал мне на выход. А этот выход был входом в университет»¹⁵¹. «Я вышел в Москве на Ленинградском вокзале, увидел это огромное количество людей, машин и эти дома... И я сел – и заплакал» – так Сергей Шаров-Делоне вспоминает рассказ Венедикта о встрече с Москвой и поясняет: «Во всем городе Кировске меньше народу и меньше машин, чем он увидел тут. Он заплакал, потому что почувствовал себя никем. Песчинкой, выброшенной на берег».

В интервью Ирине Тосунян Ерофеев рассказывал о дороге в Москву следующим образом: «Ехал в поезде и про себя пел песню Долматовского “Наш дворец – величаящая крепость науки”»¹⁵². Однако продолжение у этого рассказа было далеко не такое радужное: «Когда я пришел в эту “величаящую крепость”, услышал: “По отделениям! Делай – раз! По отделениям! Делай – три! Руки по швам”. И был немедленно разочарован»¹⁵³.

Это «И был немедленно разочарован», конечно же, заставляет вспомнить о знаменитом «И немедленно выпил» из «Москвы – Петушков» (132). И действительно, разочарование наступило быстро: студентом филологического факультета МГУ Ерофеев числился всего лишь год и четыре с половиной месяца – до середины января 1957 года, а реально проучился в университете и того меньше. Тем не менее значение этого короткого периода для его биографии было очень большим. Университет придал интеллектуальному развитию Ерофеева столь мощное ускорение, что его хватило на всю оставшуюся жизнь. «У него был вполне филологический склад ума, несмотря на то что вокруг клубился самый разный, далеко не гуманитарный

¹⁴⁷ Про Веничку. С. 27.

¹⁴⁸ В записной книжке 1963 года Ерофеев сочувственно отметит о С. Кьеркегоре: «В молодости унаследованную от отца склонность к меланхолии скрывает от себя и других под маской сарказма и иронии» (*Ерофеев В.* Записные книжки 1960-х годов. С. 169–170).

¹⁴⁹ *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. С. 494.

¹⁵⁰ Кроме собеседования, в июле 1955 года Ерофеев прошел еще через освидетельствование врачебной комиссией. – О. Л., М. С., И. С.

¹⁵¹ *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. С. 494.

¹⁵² Там же. С. 510. Ерофеев перепутал: слова «Песни московских студентов» (на музыку А. Новикова) написал не Евгений Долматовский, а Лев Ошанин. Цитируемое Ерофеевым место на самом деле звучит так: «Ведь не зря на простор // Смотрит с Ленинских гор // МГУ – величаящая крепость науки».

¹⁵³ Там же.

и не артистический люд (его, пожалуй, даже нельзя назвать богемным)», – вспоминает Марк Гринберг поздние годы Ерофеева.

Александр Жолковский, так же, как Ерофеев, окончивший школу с золотой медалью (только это было не на Кольском полуострове, а в центре Москвы) и поступивший на филологический факультет МГУ в 1954 году, описывает тогдашнюю околофакультетскую жизнь следующим образом: «Одной из форм нового стала атмосфера турпоходов – и малых загородных, и далеких вплоть до альпинистских. Песни туристов и блатные были предвестием дальнейшей культуры бардов. В моей жизни и на факультете это был Игорь Мельчук (“знавший десять языков, сто песен и тысячу анекдотов”) и Валера Кузьмин. Возникло даже ощущение комсомольской самостоятельности, и какое-то время я был членом комитета комсомола курса, выбранным. Быстро разочаровался и вышел. На курсе я участвовал и в написании капустника. Но была и травля, личные дела, рейды комсомольских дружин по общежитиям (и на Стромынке, и на Ленгорах уже), чтобы застукать парочки».

В списке преподавателей факультета в середине 1950-х годов числились такие видные ученые, как филолог-классик Сергей Иванович Радциг, пушкинист Сергей Михайлович Бонди, специалист по древнерусской литературе Николай Каллиникович Гудзий... Вел занятия на филологическом факультете и молодой тогда ученый-универсал Вячеслав Всеволодович Иванов. «По коридору бочком иногда проходил А. А. Реформатский (он не преподавал), – вспоминает Александр Жолковский. – На нашей английской кафедре вдруг появился настоящий англичанин Алек Уистин (*Alec Wisitin*), один раз курс по поэзии прочел Илья Голенищев-Кутузов, отчасти по-французски (или целиком?). Девочки увлекались В. Н. Турбиным. Среди классиков был А. Н. Попов – древний гимназический учитель и автор учебника. Уважался Н. И. Либан. Презирались партийные В. И. Кулешов, А. Г. Волков, П. Ф. Юшин... Экзотична была О. С. Ахманова. Ужасен и колоритен был – декан факультета Р. М. Самарин». «Нашему поколению сильно повезло», – писал в воспоминаниях о филологическом факультете Александр Чудаков, слушавший в МГУ тех же лекторов, что и первокурсник Ерофеев¹⁵⁴.

Но, в отличие от Жолковского, Чудакова или от своего однокашника Бориса Успенского, Венедикт Ерофеев не стал завсегдатаем самых интересных лекций и семинаров филологического факультета. От преподавателей он, кажется, взял очень мало. В роли главных просветителей Ерофеева предстояло выступить компании его ближайших университетских друзей.

«Это был блистательный курс: Моркус, Муравьев, Успенский, Кобяков... – свидетельствовала Наталья Трауберг. – Непонятно, как их всех приняли в университет: слишком они не совпадали с официальными стереотипами и с официозными представлениями. Вероятно, что-то тогда действительно начало “оттаивать” в общественной жизни. Впрочем, позже по разным причинам многие из этих ярких юношей так же, как и Веня, оказались изгнанными из МГУ. Веня тогда был очень молодым и очень красивым»¹⁵⁵. Сокурсницы вспоминают о Ерофееве так: «Он был самым младшим в группе, а может быть, и на курсе: в начале первого курса ему еще не исполнилось и семнадцати. Высокий, худой, узкоплечий, с яркими голубыми глазами, непокорными густыми темными волосами, спускавшимися на лоб <...> Выглядел он очень юно, по-мальчишески»¹⁵⁶. «Он был младше меня и выглядел совсем еще маленьким. Худенький, длинная шейка...» Таким было начальное впечатление от Ерофеева у Бориса Успенского.

Выразительные штрихи к воспоминаниям о первых днях Ерофеева в университете добавляет Лев Кобяков, познакомившийся с Венедиктом еще летом 1955 года, под Можайском, куда всех только что поступивших в МГУ студентов добровольно-принудительно загнали менять

¹⁵⁴ Чудаков А. Учились, учимся // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. М., 2006. С. 28.

¹⁵⁵ Про Веничку. С. 78.

¹⁵⁶ Жуковская Е., Музыкантова А. и др. Кое-что о 4-й немецкой группе // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 227.

грунт в совхозе («...старый снимали, а новый смешивали с навозом и клали вместо старого»¹⁵⁷): «Веня тогда был типичным провинциальным мальчиком, золотым медалистом с голубенькими глазками, тихим, застенчивым, добрым, милым и очень наивным. Помню, он показал мне роскошную логарифмическую линейку, которую привез в Москву. Я спросил: “Зачем?” Он ответил: “Ну как же, мы же будем в университете учиться”. Почему-то он считал, что раз в университете, то обязательно у нас будет математика. Я, конечно, очень по этому поводу веселился»¹⁵⁸. «Ерофеев на протяжении всего первого семестра был на редкость примерным мальчиком», – писал о себе сам автор «Записок психопата»¹⁵⁹. «Когда Ерофеев приехал с Кольского полуострова, в нем еще не было ничего, кроме через край бьющей талантливости и открытости к словесности», – вспоминал Владимир Муравьев¹⁶⁰.

Встреча с Муравьевым, как представляется, стала самым значительным событием в университетской жизни Ерофеева и многое предопределила в дальнейшей судьбе обоих друзей. «Веня был одним из немногих людей, к которым мой отец относился с настоящей, очень большой нежностью», – свидетельствует Надежда Муравьева. «Муравьев на Венюку огромное влияние оказал, – полагала вторая жена Венедикта, Галина Ерофеева. – Он его духовный отец, хотя и немного моложе. Муравьев, я думаю, даже не подозревал, до какой степени Ерофееву важно было общение с ним, а уж как он дорожил этой дружбой! Конечно, они совершенно разные: академический Муравьев, москвич, библиотеки, книги и т. д., и Ерофеев с его образом жизни, буквально “вышедший из леса”. Но в какое бы время они ни встречались, их разговор был таким, как будто они только вчера расстались. Трудно себе представить, что было бы, если бы не было Муравьева на его пути. Он буквально Венюку родил»¹⁶¹. Если не бояться высоких слов, то можно сказать, что дружбой с Владимиром Муравьевым Венедикт Ерофеев был, цитируя Мандельштама, «как выстрелом, разбужен»¹⁶².

Равновесия и справедливости ради, приведем здесь и свидетельство Григория Померанца, несколько корректирующее эмоциональное высказывание второй ерофеевской жены: «Думаю, что в первый год дружбы с Венедиктом Ерофеевым, приехавшим из северного поселка, ведущим был Володя. Но Венечка – случай особый, не подходящий под общие мерки; и в какой-то миг он из ведомого стал ведущим. Ерофеевский стиль жизни повлиял на Володю, когда Венечка вступил на свой путь в Петушки»¹⁶³.

Сам Ерофеев в интервью И. Большеву, варьируя монолог Хлопуши из есенинского «Пугачева»¹⁶⁴, четко определил границы того периода, в течение которого он был «ведомым» в отношениях с Муравьевым: «В университете мне сказали: “Ерофеев, ты тут пишешь какие-то стишки, а вот у нас на первом курсе филфака человек есть, который тоже пишет стишки”. Я говорю: “О, вот это уже интересно, ну-ка покажите его мне, приведите мне этого человека”. И его, собаку, привели, и он оказался действительно настолько сверхэрудированным, что у меня вначале закружился мой тогда еще юный башечник. Потом я справился с головокружением и стал его слушать. И было чего слушать. И если говорить об учителе нелитературном, то – Владимир Муравьев. Наставничество это длилось всего полтора года, но все равно оно было

¹⁵⁷ Про Венечку. С. 38.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 16.

¹⁶⁰ Там же. С. 574.

¹⁶¹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 605.

¹⁶² «Когда я спал без облика и склада, // Я дружбой был, как выстрелом, разбужен» (Мандельштам О. «К немецкой речи» (1932) // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 70).

¹⁶³ Померанц Г. Портрет на фоне времени // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 402.

¹⁶⁴ «Проведите, проведите меня к нему, // Я хочу видеть этого человека» (Есенин С. Пугачев // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М., 1998. С. 29).

более или менее неизгладимым. С этого все, как говорится, началось»¹⁶⁵. «Мой тогдашний равви В. Муравьев» – так шутливо определил это наставничество Ерофеев в автобиографии, написанной для Светланы Гайсер-Шнитман¹⁶⁶.

Познакомились Ерофеев и Муравьев в университетском общежитии на улице Новые Черемушки, корпус 102, в котором поселили многих первокурсников. «Четыре железные кровати вдоль стен с наивными цветочками на обоях, больничные тумбочки при каждой из них, стол посередине под свисшей с потолка лампочкой, да еще обязательная для тех лет радиоточка <...>, – вспоминает Пранас Яцкявичус (Моркус). – Восточные окна показывали золотившиеся в московских даях башни и колокольни. С той стороны приезжали трамваи и возле барака при начатой стройке вываливали десант; отдохнув, заворачивали назад – в центр. Тут же располагался продуктовый, а за углом – пункт приема стеклотары с неперменной гроздьё мужчин и авосек с бутылками. Ерофееву досталось окно на запад. Там пылали милые сердцу мечтателя закаты и простирались заброшенные колхозные поля, руины ферм и складов, густые заросли на холме. К ним вела романтическая тропинка. По ней, возбуждая всеобщую зависть, водил своих девушек неотразимый Витя Дерягин»¹⁶⁷.

Венедикт никуда «своих девушек» тогда не «водил», но и он, как и положено студенту, обзавелся возлюбленной. Ею стала ерофеевская одноклассница. «На первом же занятии по немецкому Антонина Григ<орьевна> Муз<ыкантова> попала в поле моего зрения, и мне, без преувеличения, сделалось дурно...» – писал Ерофеев в «Записках психопата»¹⁶⁸. «Наконец, вижу, внизу, на лестнице. До вечера привожу дыхание в норму», – отметил он в блокноте 1956 года¹⁶⁹. «...Опрокидывающее действие оказала первая любовь», – вспоминал Венедикт в интервью И. Тосунян¹⁷⁰.

Судя по всему, Антонина Музыкантова принадлежала к тому типу девушек, пристрастие к которым Ерофеева его друг более поздних лет, Вадим Тихонов, объяснял так: «У него был идеал женщины – бывшая “тургеневская женщина”, а в наши времена – кондовая комсомолка. “Тургеневская женщина” в наши дни переродилась в “комсомольскую богиню”»¹⁷¹. «Комсомольской богиней» Музыкантова все-таки не была, и это не с ней в начале 1980-х годов Ерофеев шутливо сравнивал слависта Вальдемара Вебера: «...ты мне напоминаешь одну комсомолку из МГУ розлива 1961 года. Я ей говорю: идеальных людей не бывает, а она в ответ: а Никита Сергеевич Хрущев?»¹⁷² А вот определение «тургеневская девушка розлива 1950-х годов» к тогдашней Антонине Музыкантовой, кажется, приложить можно.

В комнате университетского общежития вместе с Ерофеевым жило еще четыре человека. Кроме уже упомянутого Льва Кобякова, это были Леонид Самосейко из Белоруссии, Валерий Савельев из Казахстана и будущий известный чеховед Владимир Катаев из Челябинска. В мемуарах Катаев раскрывает университетское прозвище Ерофеева – Тухастый (от знаменитой парадигмы Л. В. Щербы: «Глбкая кúздра штéко будланúла бóкра и курдýчит тухáстого бокренка»)¹⁷³, а затем делится трогательными подробностями о его первом семестре в МГУ:

¹⁶⁵ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 522.

¹⁶⁶ Гайсер-Шнитман С. Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки», или «The Rest Is Silence». Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, 1989. С. 20.

¹⁶⁷ Про Веничку. С. 59, 60–61.

¹⁶⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 22.

¹⁶⁹ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 372.

¹⁷⁰ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 508.

¹⁷¹ Телепрограмма: «Вадим Тихонов: “Я – отблеск Венедикта Ерофеева”». URL: https://www.youtube.com/watch?v=_EfI3hjNTUY. «Комсомольская богиня» – образ из знаменитой «Песенки о комсомольской богине» Булата Окуджавы.

¹⁷² Вебер В. Был, в каком-то смысле, знаком лично // Знамя. 2009. № 11. С. 158.

¹⁷³ Катаев В. Как доехать до Петушков? // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 165.

«Добираться от общежития до университета надо было на трамвае и автобусе час с лишним, и, чтобы успеть к первой лекции, мы дружно вставали в семь утра – и Тухастый вместе со всеми. Вообще в первом семестре он выглядел как самый примерный студент. Не курил, ни капли спиртного не употреблял и даже давал по шее тем, у кого в разговоре срывалось непечатное слово. Однажды, получив месячную стипендию, чуть не всю ее потратил на компот из черешни, который привезли в общежитский буфет: ходил и покупал банку за банкой, что для северянина вполне извинительно. Нельзя сказать, чтобы он особенно выделялся. Любили его все – пожалуй, как самого младшего. Его голубые, как небеса, глаза, длинные ресницы и румянец во всю щеку исключали по отношению к нему обычную в подростковых компаниях (а все мы были тогда подростками) грубость»¹⁷⁴.

Юрий Романеев, еще один университетский товарищ Ерофеева и его сосед по общежитию, вспоминает о том, какое большое впечатление на всех окружающих произвела ерофеевская «необыкновенная память»¹⁷⁵. «Например, – рассказывает Романеев, – он помнит наизусть всего Надсона, дореволюционный томик которого носит с собой. А еще Веня может единым духом перечислить все сорок колен Израилевых: Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...»¹⁷⁶ В этом Ерофеев был сходен с Владимиром Муравьевым. «Они устраивали состязания между собой, кто больше прочитает стихов, – это могло длиться часами», – пишет Лев Кобяков¹⁷⁷. Отчим Муравьева, Григорий Померанц, полагал, что свою феноменальную память Владимир Сергеевич получил в наследство от матери, Ирины Игнатьевны Муравьевой: «Ира знала наизусть чуть ли не всю поэзию Серебряного века, а память Володи почти не уступала материнской. Подхватывая стихи на лету, он стал своего рода арбитром в восстановлении культурной традиции после советского погрома»¹⁷⁸.

Понятно, что в поэтическом пантеоне Муравьева центральное место уже в 1955 году занимал не Семен Надсон. И не Владимир Маяковский, которым Ерофеев сильно увлекался в Кировске. Своими представлениями об иерархии имен в русской поэзии Муравьев, конечно же, делился с чрезвычайно восприимчивым и наделенным фантастической памятью другом.

Теперь мы можем конкретизировать разговор о влиянии Муравьева на Ерофеева в начальный период их дружбы. Продолжением этого разговора пусть станет большой отрывок из устного рассказа сына Владимира Муравьева – Алексея: «Насколько я понимаю, для Ерофеева встреча с отцом была фундаментальным событием в жизни, которое перевернуло полностью все его ориентиры. Венедикт Васильевич приехал, как известно, с Хибин прямо на первый курс филологического факультета Московского университета и там, как иногородний, оказался в общежитии. В результате необычайно сложной конstellации разных обстоятельств отец поселился там же. Дело в том, что моя бабушка, Ирина Игнатьевна, тогда развелась с Елизаром Моисеевичем Мелетинским, вышла замуж за Григория Соломоновича Померанца, места (квартиры или комнаты свободной) особенного для детей в Москве не было, тем более что все 1950-е годы она провела в ссылке. Поэтому отец и поселился в университетском общежитии.

И вот в МГУ собралась уникальная компания, в которой некоторым интеллектуальным лидером отчасти был отец, но туда входили Евгений Костюхин, который потом стал фольклористом, а также Борис Успенский, Лев Кобяков и еще несколько разных людей. Ерофеев же, хотя он и был медалист и отличник, насколько я понимаю, тогда был еще не очень развит, и, собственно говоря, отец оказался тем, кто начал ему рассказывать про литературу в более

¹⁷⁴ Там же. С. 167.

¹⁷⁵ Романеев Ю. Мой Радциг, мои Дератани // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 208.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Про Веничку. С. 40.

¹⁷⁸ Померанц Г. Портрет на фоне времени. С. 402.

глубоком смысле, и особенно про поэзию. В частности, из рук отца впервые он получил стихи Игоря Северянина, который стал его любовью на всю жизнь.

Нужно сказать, что в компании отца не было никакого восторга по поводу шестидесятиничества. Что касается Евтушенко, то он воспринимался как символ пошлятины. И Окуджаву тоже никто в серьезные поэты не думал записывать... Отец вообще ранжировал литературу по родам – кто главный, кто неглавный. Скажем, Мандельштаму отводилась высшая ступень, кому-то – чуть пониже и так далее.

Отец производил абсолютно магнетическое действие на многих окружающих, не в последнюю очередь потому, что он всегда говорил максимально жестко и с очень большой уверенностью. Сергей Сергеевич Аверинцев как-то мне сказал: «Я человек сомнения», а отец, даже если в чем-то сомневался, внешне этого никак не выражал. Это было то, что Набоков назвал *strong opinion*. И плюс ко всему отец детство и раннюю юность провел с книгой, он прочел всю библиотеку Мелетинского тогда – в Петрозаводске и в других местах, поэтому он феноменально много знал для молодого человека его поколения».

Учитывая то, какую значительную роль в становлении Ерофеева сыграл не только Муравьев, но и вся его университетская компания, приведем здесь выжимки-характеристики некоторых ее участников из воспоминаний Евгения Костюхина: «Борис Успенский с его умением всему на свете дать трезвую и ироничную оценку <...> Пранас Яцкявичус <...> Наверное, более ироничного, насмешливого человека среди нас не было. Пранас – это всегда спектакль <...> Ерофеев с его подачи стал Веничкой <...> Но любовь моя, мой первый и самый дорогой наставник, дружба с которым прошла сквозь всю мою жизнь, – Володя Муравьев. Он не только ввел меня в мир литературы, но и воспитал меня. Мальчик из подлинно интеллигентной семьи (дядя – филолог и поэт, тетя – редактор Учпедгиза и автор книг о зарубежных классиках, мать – филолог, автор книги об Андерсене, отчим – видный философ и эссеист Григорий Соломонович Померанц), он поражал воображение не только энциклопедическими знаниями, но и смелостью и широтой суждений. Он пришелся не ко двору советской эпохе и в полной мере себя не реализовал. Но пусть толкиенисты будут ему благодарны за открытие Толкиена. Что до его человеческого потенциала, то мне его хватило на всю жизнь»¹⁷⁹.

Сам Венедикт Ерофеев в интервью И. Болычеву рассказывал об этой компании не столь патетически, но тоже с ностальгией и симпатией: «...основное студенчество было настолько плохо, что противно и вспоминать, – но опять же, как всегда, как и в Царскосельском лицее, непременно найдется семь-восемь людей, которые кое-что кое в чем смыслят. Так вот, мне повезло, я на них напал»¹⁸⁰. Л. Прудовскому Ерофеев рассказывал: «Среди них были такие, вроде чуть-чуть видящие, вроде Володи Муравьева – опять же мой однокурсник»¹⁸¹. А дальше Ерофеев снова использовал «лицейскую» метафору и отметил, что компания была похожа «немножко на царскосельскую, на кюхельбекерскую такую, в несколько заниженном варианте. Я там представлял барона Дельвига»¹⁸². Интересно, что в сходную игру в интервью Соломону Волкову с увлечением сыграл младший современник Ерофеева и чтимый им поэт Иосиф Бродский: «В свое время в Ленинграде возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую “плеяду”. То есть примерно то же число лиц: есть признанный глава, признанный ленивец, признанный остроумец. Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушки-

¹⁷⁹ Костюхин Е. Коротко о минувшем // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 219–220. В. С. Муравьев и А. А. Кистяковский стали первыми переводчиками на русский язык «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина.

¹⁸⁰ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 521.

¹⁸¹ Там же. С. 495.

¹⁸² Там же.

ным. Дельвигом, я думаю, скорее всего, был Бобышев. Найман, с его едким остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского»¹⁸³.

Десятым января 1956 года датируется старт первой в студенческой жизни Венедикта Ерофеева сессии. Открывалась она трудным экзаменом по античной литературе. «Не без страха ожидали мы своей участи у Сергея Ивановича Радцига и Николая Алексеевича Федорова (первый читал нам лекции по античке, а второй проводил по ней коллоквиумы), – рассказывает Юрий Романеев. – И вдруг новость: <...> Веня Ерофеев сдал античную литературу на пятерку самому Сергею Ивановичу!»¹⁸⁴ Столь же удачно Ерофеев выдержал остальные экзамены первой сессии (введение в языкознание, устное народное творчество, логику и немецкий язык).

После этого он триумфатором уехал домой, в Кировск, на зимние каникулы.

В конце февраля Ерофеев вернулся в Москву. И сразу же для всех стало очевидным то его «разочарование» в университете, о котором он многие годы спустя говорил в интервью И. Тосунян. «Перемена, и очень резкая, наступила во втором семестре, – вспоминает Владимир Катаев. – Съездив на зимние каникулы к себе домой, Тухастый вдруг превратился в мрачного затворника и целыми днями валялся на постели. Что-то писал, пряча тетрадь под подушку. К весне он уже выкуривал по пачке папирос в день и мог выпить за раз бутылку красного вина. На занятиях теперь почти не бывал. Читал много, но с программой не сверялся»¹⁸⁵. Сам Ерофеев нарочито грубо говорил в интервью Л. Прудовскому: «Я просто перестал ходить на лекции и перестал ходить на семинары. И скучно было, да и незачем. Я приподнимался утром и думал, пойти ли на лекцию или семинар, и думаю: на хуй мне это надо, – и не вставал и не выходил <...> Я, видимо, не вставал, потому что слишком вставали все другие. И мне это дьявольски не нравилось. Ну, идите вы, пиздюки, думал я, а я останусь лежать, потому что у меня мыслей до хуища»¹⁸⁶. «Ему было неинтересно учиться, потому что он понял, что это все такая мура, что это не дает ему такого движения, которого он хотел бы. Сам процесс учебы его не устраивал, это ему было неинтересно. Он явно хотел большего и был о себе более высокого мнения. Причем без какой-то особой гордыни и подчеркивания, но было ясно, что он настолько вникал в литературу сам и настолько ее знал, что его не устраивал обычный процесс формального обучения. Это ему было не нужно. Потому что он знал больше. Потому что он сам работал над собой», – со слов Ерофеева рассказывает Ирина Дмитренко.

Что же произошло? В каких конкретных событиях следует искать если не глубинную причину, то хотя бы внешний повод для столь определенного (и первого в ряду многих) отказа Венедикта Ерофеева от пути, ведущего к успеху в общепринятом смысле этого слова? «Каждая минута моя отравлена неизвестно чем, каждый мой час горек», – отметит 34-летний Ерофеев в записной книжке 1972 года¹⁸⁷. Но чем оказались «отравлены» в 1956 году «минуты и часы» вчерашнего мальчика-медалиста «с голубенькими глазками»?

В семье Ерофеева ответственность за резкую перемену в поведении сына и брата, естественно, возлагали на шумную столицу в целом и на разгульную студенческую жизнь в частности. «Мне кажется, что Москва на него как-то повлияла, – предполагала Тамара Гущина. – Окружение... в МГУ – все дети таких родителей... Там и Маша Марецкая¹⁸⁸ училась, он мне про нее рассказывал... Муравьев – из профессорской, писательской семьи... и затянуло человека»¹⁸⁹. «Проблемы с алкоголем начались в Москве. Раньше Вена был пай-мальчик, – вторит сестре Нина Фролова. – Он не курил, не выпивал, пока не стал студентом МГУ. Там учи-

¹⁸³ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 227.

¹⁸⁴ Романеев Ю. Мой Радциг, мои Дератани. С. 208.

¹⁸⁵ Катаев В. Как доехать до Петушков? С. 168.

¹⁸⁶ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 494.

¹⁸⁷ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 16.

¹⁸⁸ Дочь популярной советской актрисы Веры Марецкой. – О. Л., М. С., И. С.

¹⁸⁹ Острова.

лось много детей известных людей»¹⁹⁰. Недостаточность этого простого объяснения бросается в глаза хотя бы потому, что реакция отторжения от университета у Ерофеева началась не в Москве, а в Кировске или, по крайней мере, сразу же после возвращения в Москву из Кировска.

Объяснение поведения Ерофеева, которое хотим предложить мы, еще проще, чем у Тамары Гущиной и Нины Фроловой, но, как кажется, и правдоподобнее: именно на зимних каникулах в Кировске Венедикт узнал, что его отец смертельно болен и жить ему осталось совсем недолго.

Рассказывая в первой главе этой книги о детстве Венедикта Ерофеева на Кольском полуострове, мы пропустили одно важное событие, о котором самое время сообщить сейчас: еще в конце 1953 года за опоздание на работу его отец Василий Васильевич был вторично осужден на три года лагерей. Однако здоровье заключенного оказалось настолько расшатано первой отсидкой¹⁹¹, что большую часть нового срока он провел в больнице и по настоянию врачей был освобожден из лагеря раньше истечения времени наказания. Как раз в начале января 1956 года Василия Васильевича положили в Мурманскую областную больницу, чтобы определиться с диагнозом, а затем сделать ему операцию на желудке. Но в ходе исследований врачи обнаружили у Ерофеева-отца рак легкого в запущенной, безнадежной стадии и отпустили Василия Васильевича умирать домой.

Вновь (только с сокращениями) процитируем здесь те два микрофрагмента из «Москвы – Петушков» и записной книжки Ерофеева, которые мы уже приводили в предисловии: «У других, я знаю, у других это случается, если кто-нибудь вдруг умрет, если самое необходимое существо на свете вдруг умрет. Но у меня-то ведь это вечно! – хоть это-то поймите!» И: «Великолепное “все равно”. Оно у людей моего пошиба почти постоянно <...> А у них это – только в самые высокие минуты, т. е. в минуты крайней скорби, под влиянием крупного потрясения, особенной утраты». Мы совершенно не собираемся утверждать, что отец в описываемый период был для Ерофеева «самым необходимым существом на свете», – они были уже очень давно далеки друг от друга, а отъезд сына в Москву лишь увеличил дистанцию между ними. Вероятно, Венедикта поразила не столько неизбежная скорая смерть Василия Васильевича, сколько впервые близко увиденная надвигающаяся смерть как таковая. «Веничка постоянно думал о смерти и сильно и болезненно переживал преходящее, – отмечает Ольга Седакова. – Я думаю, что тема смерти, тема необратимого движения времени его не отпускала»¹⁹². «Я думаю, что в какой-то момент жизни Ерофеев столкнулся с опытом смерти, – пишет Андрей Архипов. – И я думаю, что впечатление от этого столкновения действительно изменило психику Ерофеева (или, наоборот, актуализовало ее)».

Допускаем, что самому Ерофееву все эти рассуждения показались бы нестерпимой «высокопарщиной», как, наверное, и следующий концептуальный пассаж из мемуаров Григория Померанца: «Закончив школу с золотым аттестатом, он два года продолжал свое образование, встал в элиту своего времени и вдруг вспомнил, откуда родом, и захотел со всем своим умом вернуться к судьбе товарища по школьной парте, не получившего аттестата с отличием и не попавшего в Московский университет. Его вел демон, велевший довести задуманное до конца, проверить на себе, может ли Святой Дух жить в пропойце»¹⁹³.

¹⁹⁰ Коктейль Ерофеева. Сестра культового писателя Нина Фролова: «От него всего можно было ожидать!»

¹⁹¹ Еще находясь под следствием по первому делу, Василий Ерофеев писал начальнику следственного отдела: «Убедительно прошу ускорить мое дело, болезнь моя обостряется, были случаи кружения головы и я падал на пол <...> у меня туберкулез и порок сердца» (Копия уголовного дела Василия Ерофеева из личного архива В. Ерофеева. Материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

¹⁹² Седакова О. Венедикт Ерофеев – человек страстей // Правмир. ру. Православие и мир. 2013. 24 октября. URL: <http://www.pravmir.ru/venedikt-erofeev-chelovek-strastej2/>.

¹⁹³ Померанц Г. Портрет на фоне времени. С. 403.

Так или иначе, но в частично автобиографическом фрагменте из «Записок психопата», написанном как бы от лица однокурсников Ерофеева, упоминается и о болезни, и о смерти его отца (Василий Васильевич умер 15 июня 1956 года, и Венедикт на его похороны не приехал – не был готов эту смерть принять (?); в дневнике 1986 года он отметит: «Не забыть: 15 июня 30-летие смерти отца»¹⁹⁴).

Приведем здесь полностью этот обширный фрагмент: «Не то суровый зимний климат, не то “алкоголизм семейных условий” убили в нем “примерность”, и к началу второго семестра выкинули нам его с явными признаками начавшейся дегенерации.

Весь февраль Ерофеев спал и во сне намечал незавидные перспективы своего прогрессирования.

С первых же чисел марта предприимчивому от природы Ерофееву явно наскучило бесплодное “намечание перспектив”, и он предпочел приступить к действию.

В середине марта Ерофеев тихо запил.

В конце марта не менее тихо закурил.

Святой апрель Ерофеев встречал тем же ладаном и той же святой водой – правда, уже в увеличенных пропорциях.

В апреле же Ерофеев подумал, что неплохо было бы “отдать должное природе”. Неуместное “отдание” ввергло его в пучину тоски и увеличило угол наклонной плоскости, по которой ему суждено бесшумно скатываться.

В апреле арестовали брата.

В апреле смертельно заболел отец.

Майская жара несколько разморила Ерофеева, и он подумал, что неплохо было бы найти веревку, способную удержать 60 кг мяса.

Майская же жара окутала его благословенной ленью и отбила всякую охоту к поискам каких бы то ни было веревок, одновременно несколько задержав его на вышеупомянутой плоскости.

В июне Ерофееву показалось слишком постыдным для гения поддаваться действию летней жары, к тому же внешние и внутренние события служили своеобразным вентилятором.

В начале июня брат был осужден на 7 лет.

В середине июня умер отец.

И, вероятно, случилось еще что-то в высшей степени неприятное.

С середины июня вплоть до отъезда на летние каникулы Ерофеев катился вниз уже вертикально, выпуская дым, жонглируя четвертинками и проваливая сессию, пока не очутился в июле на освежающем лоне милых его сердцу Хибинских гор.

Июльские и августовские действия Ерофеева протекли на вышеупомянутом лоне вне поля зрения комментатора.

В сентябре Ерофеев вторгся в пределы столицы и, осыпая проклятиями вселенную, лег в постель.

В продолжение сентября Ерофеев лежал в постели почти без движения, обливая грязью членов своей группы и упиваясь глубиной своего падения.

В октябре падение уже не казалось ему таким глубоким, потому что ниже своей постели он физически не смог упасть.

В октябре Ерофеев стал вести себя чрезвычайно подозрительно и с похвальным хладнокровием ожидал отчисления из колыбели своей дегенерации.

К концу октября, похоронив брата, он даже привстал с постели и бешено заходил по улицам, ища ночью под заборами дух вселенной.

¹⁹⁴ Личный архив В. Ерофеева. Материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой.

Ноябрьский холод несколько охладил его пыл и заставил его вновь растянуться на теплой постели в обнимку с мечтами о сумасшествии.

Весь ход ноябрьских событий показал с наглядной убедительностью, что мечты Ерофеева никогда не бывают бесплодными»¹⁹⁵.

Все же абсолютно доверять этому фрагменту не стоит, реальные факты биографии Ерофеева соседствуют в нем с вымышленными. В частности, ни одного из братьев Венедикт тогда не похоронил¹⁹⁶. По «Запискам психопата» можно судить о стиле жизни Ерофеева тех месяцев, его круге чтения и философских поисках, однако в качестве даже и беллетризованного дневника рассматривать их не следует. Отметим, что первый же серьезный литературный опыт Ерофеева в чем-то предвосхитил поэму «Москва – Петушки» – и там и там центральный персонаж заимствует у автора имя и ряд деталей биографии.

Попробуем теперь прояснить некоторые темные места из приведенного отрывка «Записок психопата».

Об апреле 1956 года, в котором Венедикт «отдавал должное природе», сохранились воспоминания ерофеевских одноклассников: «Неотвратимо приближалась сессия, а Веня так и не появлялся в университете. Положение становилось критическим, и к нему в общежитие в Черемушки были направлены “представители общественности” – мы: профорг А. Дунина и комсорг Е. Жуковская с заданием “спасать” Веню. Миссия была невыполнимой, но деваться было некуда. Кто-то из общежитских проводил делегацию к Вениной двери. Вошли. Веня возлежал на кровати с фолиантом (кажется, Гегеля) в руках. Кровать была коротка, и его длинные ноги просовывались сквозь железные прутья спинки. В комнате было накурено, хоть топор вешай, сосед его начал поспешно убирать разбросанные по комнате вещи, подвинул нам стулья. Видно, ему было неловко. Он сказал Вене: “Ты бы хоть встал, к тебе же пришли, неудобно”. На что Веня буркнул: “А я никого не приглашал”. И продолжал читать (или делал вид, что читает). Пока говорили не о его проблеме, а на какие-то нейтральные темы, он что-то даже отвечал. Но когда мы начали уговаривать, точнее, упрашивать его прийти на занятия, говоря, что деканат допустит его к сессии, если он все-таки явится, он перестал отвечать и демонстративно углубился в книгу. Но судя по коротким взглядам, которые он иногда бросал на нас, было видно, что он все-таки слушал. Наконец все доводы иссякли, и мы могли лишь пойти по второму кругу. Ему это, видно, надоело. Он махнул рукой и изрек что-то вроде “Изыдьте!”, что “комиссия” и сделала. Сессию он не сдавал»¹⁹⁷. Последнее не совсем верно. Вторую сессию Ерофеев все же сдал, хотя и «с некоторым скрипом» (вспоминал Владимир Муравьев¹⁹⁸). «Его тогдашняя пассия выгоняла его на экзамены (он ей этого не простил)», – пояснил Муравьев далее¹⁹⁹.

О промежутке в жизни Ерофеева «с середины июня вплоть до отъезда на летние каникулы» кое-что рассказывает Пранас Яцкявичус (Моркус): «Летом 56-го, когда студенты разъехались и Черемушки опустели, Ерофеев оставался один на всю комнату. Откуда-то он притащил ультрамаринового цвета заводимый вручную проигрыватель. Имелась у него одна-единственная пластинка, и он без конца ее ставил. Это было “Болеро” Равеля, нескончаемое кружение по спирали»²⁰⁰.

О том, что Венедикт делал на летних каникулах 1956 года, можно получить некоторое представление из тогдашнего сердитого и ироничного письма Ерофеева Антонине Музыкан-

¹⁹⁵ Ерофеев В. Записки психопата // Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 16–17.

¹⁹⁶ Юрий Ерофеев умрет через четверть века, в 1981 году. Борис Ерофеев переживет Венедикта и напишет о нем мемуары.

¹⁹⁷ Жуковская Е., Музыкантова А. и др. Кое-что о 4-й немецкой группе. С. 227–228.

¹⁹⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 575.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Про Веничку. С. 63.

товой: «Здравствуй, Тоня. Вчера ты обрадовала (!) меня своим крохотным письмом. Приятно-таки получать письма от просвещенных людей, а то, понимаешь ли, здесь дикость, варварство, невежество, зверские холода, апатитовая пыль, повальное пьянство и прочие неинтересные вещи. Приехал совсем недавно. Встретили вызывающе хорошо. Богомольной мамаше сразу же прочел наизусть “Иуду” Надсона, а сестру, скромно наделенную от природы умственными способностями, обозвал гением. И обе, довольные, успокоились. Да и ругать меня бесполезно. Вчера посетил кладбище и созерцал свежую могилу отца. Вчера же ходил через горы к брату Юрику в лагерь... Юрик по-прежнему веселый, длинный, жизнерадостный. Кстати, читал конвоирам Надсона наизусть, и все были безобразно восхищены. Еще раз убедился в том, что самый тупой конвоир чувствительней, чем десять Музыкантовых. (Только, пожалуйста, не злись!) Немецким заниматься не хочется. Я даже не понимаю, зачем забивал чемодан твоими глупыми тетрадями. Каждый день ухожу в горы, жгу костры; завернувшись в плащ, читаю Эдгара По. Просвещаю трехлетнего племянника, убеждаю его следовать по стопам своего остроумного папаши. А в университет мне совсем не хочется, тем более не хочется видеть надоевших членов нашей группы. Вот, кажется, и все. Желаю успеха, процветания и благополучия, а твоей маме скорейшего выздоровления. Да, кстати! У нас в горах ожидается третье, на этот раз шестибалльное землетрясение. Все боятся, а я жду с нетерпением нового горного обвала на дома кировских мещан. Может быть, если тебе не лень, ты меня еще “поистязашь”? Или заставишь хоть кого-нибудь из нашей группы написать мне?»²⁰¹ В этом пронизанном байроновской романтикой письме фантазий тоже едва ли не больше, чем правды. Например, вторичное пребывание брата Юрия в лагерном заключении Ерофеев придумал, видимо, чтобы сильнее поразить адресата.

Что касается упомянутого во все том же отрывке из «Записок психопата» «тихого курения», то отказаться от этой привычки Ерофеева тщетно уговаривал Юрий Романеев в шуточном стихотворении, представлявшем собой портреты-характеристики участников их общей студенческой компании:

Но брось курить, чтоб заблистала
Для всех народов и времен
Твоя заслуженная слава...²⁰²

«24 марта 56 г. – 1-я серьезная папираса», – отметит, как важную дату, Венедикт в записной книжке 1966 года²⁰³.

Однако едва ли не главным открытием «нового» Ерофеева, заложившим основы его будущего времяпрепровождения, стало «тихое пьянство». «Веня жил в общежитии и пил уже тогда сильно очень, знаменит был этим», – вспоминает Борис Успенский. В разговоре с Ольгой Седаковой сам Ерофеев свой алкогольный дебют впоследствии описал следующим образом: «Поступив в МГУ, в Москве, бредя по какой-то улице, он увидел в витрине водку. Зашел, купил четвертинку и пачку “Беломора”. Выпил, закурил – и больше, как он говорил, этого не кончал. Наверное, врачи могут это описать как мгновенный алкоголизм»²⁰⁴. «В студенческие годы Веничка совсем ничего не ел, – вспоминал Владимир Муравьев. – Он говорил: “Идеальный завтрак: полчетвертинки, оставшейся с вечера (нужно, чтобы кто-нибудь оставил), и маленькое пиво. Идеальный обед: четвертинка и две кружки пива. Идеальный ужин: полчет-

²⁰¹ Жуковская Е., Музыкантова А. и др. Кое-что о 4-й немецкой группе. С. 228.

²⁰² Романеев Ю. Мой Радциг, мои Дератани. С. 211. Приведем также отрывок из коллективных воспоминаний одноклассника Ерофеева: «Видимо, чтобы казаться старше и солиднее, он непрерывно курил» (Жуковская Е., Музыкантова А. и др. Кое-что о 4-й немецкой группе. С. 227).

²⁰³ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 390.

²⁰⁴ Седакова О. Венедикт Ерофеев – человек страстей.

вертинки (вот то, что должно остаться на завтрак, но на ужине все время спотыкаюсь, обязательно получается целая четвертинка), большое и маленькое пиво». Но это, конечно, идеал, никогда такого не было. Не те были наши достатки»²⁰⁵. «К сожалению, у Венедикта Васильевича достаточно рано проявилась пагубная русская привычка, причиной которой была некоторая усталость от бытия, от жизни, и вот он стал уходить в алкогольный транс, – рассказывает Алексей Муравьев. – По воспоминаниям старшего поколения (Померанца, Георгия Александровича Лесскиса) в начале 1950-х годов пить водку было не принято. Пили в основном слабоалкогольные напитки, винцо, бутылку на пять-шесть человек. Им хватало того драйва, который был среди них. А вторая половина 1950-х – это было уже совсем другое время».

Легendarную историю об университетском пьянстве Ерофеева со слов «кого-то из Венедикта однокурсников» пересказала в своих воспоминаниях Наталья Логинова: «На первом курсе Венедикт Ерофеев стал чемпионом “выпивки” (не помню, как был обозначен в рассказе этот титул). Происходило это в Ленинской аудитории, рядом с кафедрой, ставился стол, на котором были кастрюля с вареной картошкой, банка с килькой, хлеб и бутылки с водкой. С каждой стороны стола садился представитель какого-то факультета. Мне запомнились историк, математик и от филологов – Венедикт Ерофеев. Зрители, они же и болельщики, располагались амфитеатром. По гонгу участники соревнования выпивали по стакану водки, после чего закусывали и начинали беседовать на заданную тему. Через некоторое время гонг повторялся, как и все остальное, и постепенно участники начинали отваливаться. И вот остались математик и Веня. Но после очередного стакана кто-то из болельщиков очень бурно приветствовал математика, тот обернулся и упал со стула. И так Венечка остался один за столом как Чемпион, хотя тоже был “под завязку”»²⁰⁶. Конечно, многое в этой истории вызывает обоснованные сомнения: например, стол с бутылками водки, накрытый в Ленинской аудитории МГУ. Однако и сам Ерофеев, как бы в память о своем бывшем (или не бывшем) подвиге, отметил в записной книжке 1972 года: «Обязательно вставить соревнование, кто кого перепьет»²⁰⁷.

Анекдоты анекдотами, но в мемуарный рассказ Владимира Муравьева о пьянстве Ерофеева и его расставании с филологическим факультетом МГУ многократно вплетено слово, которое мы предлагаем считать рабочей разгадкой ключевой внутренней загадки Венедикта Ерофеева: «Самым главным в Ерофееве была свобода. Он достиг ее: видимо, одной из акций освобождения и был его уход из университета. Состоянием души свобода быть не может, к ней надо постоянно пробиваться, и он работал в этом направлении всю жизнь. Сколько он пил – видит бог, это был способ поддержания себя то ли в напряжении, то ли в расслаблении – не одурманивающий наркотик, а подкрепление <...> Он не шел, глядя в небо. Он видел границу, через которую переступал, когда другие останавливались»²⁰⁸. «Он был человеком исключительно искренним, не было никакой позы, не старался подладиться ни к кому. Я совершенно не испытывал никаких затруднений с ним при общении и ничего кроме глубокой симпатии к нему не питал. Он не поддерживал разговор для того, чтобы его поддерживать, поэтому мог производить впечатление молчаливого. Вместе с тем свободно вступал в разговор. Он был

²⁰⁵ Несколько монологов о Венедикте Ерофееве // Театр. 1991. № 9. С. 97.

²⁰⁶ Про Венечку. С. 87.

²⁰⁷ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 29. Впрочем, речь в записной книжке могла идти и об одном из многочисленных последующих соревнований подобного рода, до которых Ерофеев был большим охотником. См., например, в мемуарах известного подпольного прозаика Юрия Мамлеева: «...первые наши встречи были... доброжелательные, в обстановке алкогольного экстаза, на квартире Павла, мужа замечательной Светланы Радзиевской <...> Присутствовало еще несколько человек, и они тут же, хором, предложили устроить соревнование – кто из нас больше выпьет водки. Мои алкогольные путешествия тоже были знамениты, но до Венечки мне было далеко. Выпив два стакана, мы уже наливали третий, и тут Маша (жена Мамлеева. – О. Л., М. С., И. С.) запретила это “безобразие”, испугавшись за меня, потому что третий стакан водки – это уже серьезно. Соревнование окончилось ничьей, но если бы оно было продолжено, то Венечка, несомненно, перепил бы меня» (Мамлеев Ю. Воспоминания. М., 2017. С. 101).

²⁰⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 582–583.

очень свободный человек. Искренний и свободный» – так определил главное в своем университетском товарище Борис Успенский. «Он мне очень нравился: статный красавец с обаятельным баритоном. Его ирония и безмятежность говорили об абсолютной свободе его умственного и душевного существования», – таким уже в 1972 году увидит Венедикта Юлий Ким. «У него была вот такая, я бы сказал, свободная жизнь скорбящего человека. Скорбеть он считал самым главным делом», – говорит о Ерофееве один из его «владимирских» знакомцев, поэт Вячеслав Улитин²⁰⁹. «Что в Вене особенно потрясало – абсолютная свобода, умение никак не реагировать на обстоятельства, в которых все тогда жили. Полное невосприятие. Диссиденты – понятно. Коммунисты – понятно. А он был вне этого», – говорит художник Алексей Нейман, познакомившийся с Ерофеевым в последние годы его жизни.

Через три года после ухода из университета Ерофеев в записной книжке сочувственно процитирует высказывание Фридриха Ницше: «Я – человек, <...> который ищет и находит все свое счастье в постепенном, с каждым днем все более полном духовном освобождении. Возможно даже, что я больше хочу быть человеком духовно свободным, чем могу быть им»²¹⁰. К этой цитате он сделает приписку: «Незаменимо»²¹¹. «Было в нем эдакое ницшеанство, скорее всего, книжного происхождения, усвоенное как маска, тоже в порядке игры, но она, так сказать, приросла», – вспоминает о Ерофееве Людмила Евдокимова²¹². А о роли алкоголя в своей жизни он сам в 1966 году высказался в записной книжке так: «Кто создал наше тело? Природа. Она же и разрушает его каждый день. Кто выпестовал наш дух? – Алкоголь выпестовал наш дух, и так же разрушает и живит его, и так же постоянно»²¹³.

Ерофеевский алкогольный радикализм и его способы продвижения к абсолютной свободе, по-видимому, были чрезвычайно соблазнительными. В течение некоторого времени ими был заражен и Владимир Муравьев. Сокурсник обоих друзей, Николай Ермоленко, вспоминает юного Ерофеева: «Наверное, он был замечен, но мне, с моим комсомольским пуризмом, он был замечен только тем, что он был всегда опухшим от пьянства. Он же пил, и я его терпеть не мог, потому что он спаивал Володю Муравьева. Володя с ним очень дружил и находился, как ни странно, под его влиянием, хотя Володя был не очень подвержен другим влияниям, но тут он явно был под Веничкиным влиянием. Когда Веничку поперли из университета, Володя пить так, как он пил с Веничкой, перестал»²¹⁴. Впрочем, некоторое размежевание путей Муравьева и Ерофеева, кажется, произошло еще до отчисления последнего из университета. «Ерофеев начал уходить в астрал, а отец, наоборот, пошел учить санскрит, ходил на мехмат, там занимался математикой... – рассказывает Алексей Муравьев. – А Ерофеев предпочитал лежать на Стромынке, читать книжки в постели и попивать портвейн. И все это кончилось тем, что у него возникли академические задолженности, и он был представлен к отчислению, а отец продолжал отлично учиться и с красным дипломом закончил университет».

Упоминаемая в рассказе Алексея Муравьева «Стромынка» – это название улицы, на которой располагалось еще одно университетское общежитие. Сюда Ерофеева и его сокурсников переселили в конце августа – начале сентября 1956 года. Здесь Венедикт поселился в одной комнате с Муравьевым, здесь он работал над своими «Записками психопата». Здесь же

²⁰⁹ Интервью В. Улитина А. Агапову.

²¹⁰ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 23.

²¹¹ Там же.

²¹² «Скорее всего, он пережил что-то относительно Ницше, – говорит Борис Сорокин. – Эти проблемы его волновали. И довольно долго. Но белокурых бестий, идеал Ницше, он ненавидел. Не в смысле фашиствующих молодчиков, а в смысле несъеденных рефлексией цельных людей. Я помню, Ницше он мне очень долго не давал, очень отговаривал. “Ты не готов к этому”».

²¹³ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 460.

²¹⁴ Ермоленко Н. Мои студенческие годы // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 369.

он весьма экстравагантно встретил новый, 1957 год. «За пару минут до курантов Спасской башни Ерофеев встал и заявил, что лучше зайдет в уборную. Взял бутылочку и ушел», – пишет Пранас Яцкявичус (Моркус)²¹⁵.

Незадолго до этого или вскоре после этого (вспоминал Владимир Муравьев) на лестнице здания МГУ Ерофеева встретил декан филологического факультета Роман Михайлович Самарин. Он поинтересовался: «Ну, Ерофеев, вы когда собираетесь сдавать сессию?» – на что Веничка, проходя, ткнул его в брюхо пальцем и сказал: «Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?» – и пошел вверх»²¹⁶. Но даже после этого чудовищно наглого цитирования стихотворения Игоря Северянина «Мороженое из сирени!»:

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?²¹⁷ —

Ерофеева не изгнали из университета. Мальчики и так во все времена занимали на филологических факультетах привилегированное положение (в частности, численный состав ерофеевской группы один из его однокурсников охарактеризовал так: «Пятнадцать человек, четыре так называемых мужчины и китаец»)²¹⁸. Что уж тут говорить о мальчике, который первую сессию сдал на одни пятерки?

В нескольких своих автобиографиях и интервью Ерофеев утверждал, что из МГУ он был «отчислен за нехождение на занятия по военной подготовке»²¹⁹. «Вышибли за... как раньше говорили в XIX веке “за нехождение в классы”. Дело в том, что я демонстративно отказался от посещения военных занятий. Из принципа», – рассказывал он Нине Черкес-Гжелоньской²²⁰. По-видимому, акцент на бойкоте военной кафедры Ерофеев делал для придания эпизоду с отчислением сюжетности и драматизма. На деле он был отчислен действительно за «нехождение в классы», то есть нехождение на *все* занятия. «Ситуация была совершенно безвыходной, потому что он уже совсем перестал сдавать экзамены, вообще ходить...» – свидетельствовал Владимир Муравьев²²¹.

²¹⁵ Про Веничку. С. 59.

²¹⁶ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 575.

²¹⁷ Северянин И. Стихотворения. Л., 1975. С. 206.

²¹⁸ Эту характеристику приводит в своих воспоминаниях об МГУ Владимир Курников (см.: Курников В. Бедные люди, или Мемуары невольного мучителя // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 67).

²¹⁹ Ерофеев В. Краткая автобиография // Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 7. Ср. еще в интервью Ерофеева Л. Прудовскому: «Вышиблен был в основном военной кафедрой. Я этому подонку майору, который, когда мы стояли более или менее навытяжку, ходил и распинался, что выправка в человеке – это самое главное, сказал: “Это – фраза Германа Геринга: «Самое главное в человеке – это выправка». И между прочим, в 46-м году его повесили”» (Там же. С. 495).

²²⁰ Документальный фильм «Моя Москва», режиссер Ежи Залевски, съемка 1989 года. Из домашнего архива Нины Черкес-Гжелоньской.

²²¹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 575.

Веничка: Утро в электричке

После первой четвертинки, подействовавшей вроде живой воды, Веничка как бы заново рождается – открывается миру и устремляется в мир. Преображается опохмелившийся герой – преображается и все вокруг него. Былой пафос ламентации: «О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа – время от рассвета до открытия магазинов!» (125) – теперь сменяется гимническим энтузиазмом: «О, блаженнейшее время в жизни моего народа – время от открытия и до закрытия магазинов!» (138). Апострофы-вопли, исторгнутые на Курском вокзале, затем, за чертой Карачарова, симметрически оборачиваются восторженными, воспевающими апострофами, восходящими от травестии политических лозунгов («О, свобода и равенство! О, братство и иждивенчество! О, сладость неподотчетности!», 138) к евангельской проповеди («О, беззаботность! О, птицы небесные, не собирающие в житницы! О, краше Соломона одетые полевые лилии!», 138). Приняв дозу, Веничка от полного отчуждения прорывается к приятию всего и вся – природы («Я уважаю природу...»), народа («Мне нравится мой народ»), бригады («принц-аналитик, любовно перебирающий души своих людей», 141), единственной женщины («любимейшей из потаскух», 142), единственного сына («самого пухлого и самого кроткого», 142). При этом сила чувства последовательно нагнетается: к природе возродившийся герой испытывает лишь уважение (132), к народу – еще только приязнь («мне нравится...», 132) и «законную гордость» (133), к соседям-собутыльникам – не более чем симпатию («жили душа в душу», 134); но о бригаде он уже заботится и «любовно» волнуется («...забота о судьбе твоих народов», 139); к своей «белесой» испытывает все возрастающее желание; наконец, сына-младенца любит высшей, невыразимой любовью («...где сливаются небо и земля <...> – там совсем другое...», 142). Особенно показательна в главах от Карачарова до Реутова высокая концентрация личных притяжательных местоимений; Веничка торжественно провозглашает: «мой Бог» (132), «моя страна» (132), «своих людей» (141), «мой младенец» (142) – или еще более торжественно обращается к себе во втором лице: «твои народы» (139).

Если до отправления электрички на Петушки герой был мучеником дискретной памяти и жертвой дезориентации, то на первых перегонах, под воздействием живительной влаги, его обращенное ко всему сущему сознание готово вобрать в себя мир и потому стремительно расширяется. В героя, сподобившемся взглянуть вокруг себя и вдаль через призму «Российской», отныне пробуждается своего рода «всемирная отзывчивость»²²². Это проявляется по ходу трех последующих глав (от Карачарова до Никольского) в невероятном, даже для «Москвы – Петушков», изобилии цитат, парафраз, упоминаний, реминисценций, параллелей, аллюзий, явных и скрытых, всего – более двадцати. Карачарово-Никольская часть ерофеевской поэмы едва ли уступит по сложности и изощренности четырнадцатому эпизоду «Улисса» Дж. Джойса («Быки Гелиоса»), в котором пародически разворачивается история английских литературных стилей. В сценах от дозы «Российской» до дозы «Кубанской» одновременно выстраиваются два плана «упоминательной клавиатуры»²²³ – план русской идеи и план западноевропейской формы.

²²² Знаменитая формула Ф. М. Достоевского из его Пушкинской речи: «Третий пункт, который я хотел отметить в значении Пушкина, есть та особая, характернейшая и не встречаемая, кроме него, нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного» (Достоевский Ф. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 130).

²²³ Формула О. Мандельштама («Разговор о Данте»; см.: Мандельштам О. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 112).

В подтексте первого плана угадывается скрытая отсылка к шестой главе любимых Ерофеевым «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского, в которой «алкогольный» мотив соединяется с «шиллеровским»: «Я бы тотчас же отыскал себе и соответствующую деятельность, – а именно: пить за здоровье всего прекрасного и высокого. Я бы придирался ко всякому случаю, чтоб сначала пролить в свой бокал слезу, а потом выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свете обратил тогда в прекрасное и высокое; в гадчайшей, бесспорной дряни отыскал бы прекрасное и высокое»²²⁴. Развивая до предела подпольного человека, Веничка по очереди посвящает выпитое основным идеям «прекрасного и высокого» в русской литературе и последовательно ищет их во всякой «гадчайшей, бесспорной дряни».

Так по ходу первых шести станций прерывистой линией обозначена программа «положительно прекрасного человека»²²⁵; например, отсылка к трилогии Л. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (134) метонимически намекает на *идеал воспитания в истине и добре*; упоминание И. Тургенева (135) – на *образец душевной красоты, «голубиной нежности»*²²⁶; цитирование известного высказывания Н. Чернышевского о Л. Толстом («диалектика сердца», 139)²²⁷ объединяет такие ценности, как *сочувствие простому человеку и поиск правды в духовном углублении*; наконец, сюжет с внедрением в бригадную жизнь поэмы А. Блока «Соловьиный сад» (138–139) ернически разыгрывает *идею трансцендирующей любви*.

Вместе с тем в начале петушинского маршрута отрывочно классифицированы «благие порывы»²²⁸ отечественной классики: здесь и *мечта о свободном общежитии* (в описании жизни соседей-субутыльников с аллюзией на «Что делать?» Чернышевского, 134²²⁹), и *нагнетение пафоса народолюбия, ответственности за народную судьбу* (в тургеневской цитате: «... во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...», 133), и *готовность к самопожертвованию во имя свободы* (в реплике о «клятве на Воробьевых горах» А. Герцена и Н. Огарева, 135²³⁰), и *причастность героическому энтузиазму* (в градации романтических штампов от Лермонтова до Горького: «биение гордого сердца»²³¹, песня о буревишке и девятый вал», 140).

Но Веничкин диапазон явно не ограничивается веселой игрой в «духовные искания» русской литературы XIX века; по принципу контрапункта на нее накладывается другая, не менее веселая игра – в сжатую историю европейских повествовательных форм. Ерофеевский герой, только что опохмелившийся, как будто начинает заново осваивать мир, перебирая самые разнообразнейшие нарративные жанры, от средневекового примитива до модернистских изощрений. Вслед за ренессансными рассказчиками он должен, предавшись «игре форм, полных жизни», овладеть «земной действительностью», завоевать ее «во всем <...> земном многообразии»²³².

Нарратив Венички вырастает из атомарной формы анекдота, с карнавальным выпячиванием, точно по М. Бахтину, «телесного низа» и выворачиванием морали наизнанку: восхищение героем, который «тем знаменит, что за всю жизнь ни разу не пукнул», обращается в полную противоположность – в ропот возмущения («Он все это делает вслух...», 136). Из похожего

²²⁴ Достоевский Ф. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Л., 1989. С. 464.

²²⁵ Формула Достоевского (из письма С. А. Ивановой от 17 января 1868 года).

²²⁶ Формула из романа И. А. Гончарова «Обломов»; прекраснотушие тургеневских персонажей родственно обломовскому высокому строю души.

²²⁷ У Чернышевского – «диалектика души» (Чернышевский Н. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М., 1947. С. 422. Далее: Чернышевский).

²²⁸ Формула из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час».

²²⁹ См.: Чернышевский. Т. 5. С. 22–23 («И в самом деле они все живут спокойно. Живут ладно и дружно, и тихо и шумно, и весело и дельно <...> Они все четверо еще люди молодые, деятельные; и если их жизнь устроилась ладно и дружно, хорошо и прочно, то от этого она нимало не перестала быть интересною...»). Наблюдение сделано Э. Власовым (Власов. С. 193).

²³⁰ См.: Герцен А. Былое и думы. М., 1979. С. 69. («...Постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу»). См.: Власов. С. 200–201.

²³¹ См. «Измаил-Бей» Лермонтова: «...Хоть сердце гордое и взгляды // Не ждали от небес отрады...».

²³² Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 223, 233.

анекдотического ядра исходит новелла о соседях-субутильниках: фабульный казус (товарищи осуждают героя за то, что он не ходит «до ветру», 135) усложняется риторическими ходами, философскими рассуждениями и психологическими подробностями. Как в иных новеллах «Декамерона» Боккаччо, элементарная история обретает лукаво-загадочное двойное дно: даже по своему сюжету она двоятся – с одной точки зрения представляется рассказом о разоблачении ложных чудес (это только иллюзия, что Веничка не пукает и не ходит до ветру), а с другой – рассказом-сенсацией (о человеке, столь расширившем «сферу интимного», 134, что ему стало незачем пукать и ходить до ветру). Наконец, за новеллистической формулой открывается перспектива романа – в повествовании о Веничкином бригадирстве. Весьма неслучайной здесь оказывается ироническая «наполеоновская» цитата («Один только месяц – от моего Тулона до моей Елены», 140): именно стремительное возвышение и столь же стремительное падение Наполеона становится своего рода архетипом романного сюжета в XIX веке; за «моим Тулоном» угадывается не только князь Андрей («Как же выразится мой Тулон?») и Раскольников («если бы <...> на моем месте случился Наполеон и не было бы у него <...> ни Тулона, ни Египта...»), но и Жюльен Сорель с Растиньяком²³³. В бурлескном мире Венички столь же внезапны и контрастны перипетии, низводящие недавнего бригадира – властителя дум и знаменателя душ – до положения изгоя и козла отпущения, которого теперь положено «п...ть» и «м...ть» (141).

При этом гротескная схема истории повествовательных жанров в первых дорожных главах «Москвы – Петушков» разветвляется за счет попутных аллюзий и намеков-упоминаний. От новеллистической линии соседей-субутильников отделяется пунктирная линия, соединяющая две точки «далековатой» антитезы – комическую идиллию Телемского аббатства из «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле²³⁴ и романтический бунт байроновских драматических поэм – «Манфреда» и «Каина». Свернутый же романский сюжет Веничкиного бригадирства развивается «далековатым» уподоблением комического, игрового романа (в духе Л. Стерна²³⁵) и философской притчи (в духе А. де Сент-Экзюпери²³⁶); общим знаменателем Веничкиного донкихотства, стернианства и мессианизма *à la Petit Prince* становится формула трагикомического героя, любящего людей отщепенца.

Чем же замыкается парадигма повествовательных модусов – выстроенная героем за те примерно 16 минут, что едет электричка от Карачарова до Никольского? Закономерным итогом внесюжетной, лирической прозы, стилизующей соответствующие опыты русского модернизма. Характерно, что позже сам Веничка именно таким образом, в отталкивании от нарратива, определит начальный жанровый маршрут своего путешествия: «Черт знает, в каком жанре я доеду до Петушков... От самой Москвы все были философские эссе и мемуары, все были стихотворения в прозе...» (162); вот и на перегоне «Реутово – Никольское» мелькают тени А. Ремизова и В. Розанова²³⁷; то узнается ремизовский сказ («...там в дымных и вшивых

²³³ См. размышления Жюльена Сореля («Красное и черное» Стендаля): «Вот такая была судьба у Наполеона, может быть, и его ожидает такая же?»; см. также высказывание Вотрена, обращенное к Растиньяку: «Если вы человек высшего порядка, смело идите прямо к цели. Но вам придется выдержать борьбу с посредственностью, завистью и клеветой, идти против всего общества. Наполеон столкнулся с военным министром по имени Обри, который чуть не сослал его в колонии. Проверьте самого себя!»

²³⁴ Ср.: «Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: “Ребята, я хочу пить портвейн”. А все говорили: “Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн”. Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво» («Москва – Петушки», 134); «Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из мужчин или женщин предлагал: “Выпьем!”, – то выпивали все; если кто-нибудь предлагал: “Сыграем!”, – то играли все; если кто-нибудь предлагал: “Пойдемте порезвимся в поле”, – то шли все» («Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле). См.: Власов. С. 193.

²³⁵ На стернианство намекает явное сходство Веничкиных графиков со знаменитыми кривыми из стерновской «Жизни и мнений Тристрама Шенди, джентльмена». См.: Власов. С. 123.

²³⁶ Эти ассоциации вызваны упоминанием «маленького принца» (139).

²³⁷ Именно Розанов назвал Д. Мережковского «певцом “белой дьяволицы”», по названию первой книги II тома трилогии

хоромах»), то розановский прием, парадоксально совмещающий ангелов, Царицу небесную и стакан орехов. Свободное, личное высказывание, столь близкое по духу самому Ерофееву, как бы становится итогом Веничкиного мини-экскурса в историю повествовательных форм и высшим выражением его «всемирной отзывчивости».

Однако есть и еще один секрет в чрезвычайно пестрой интертекстуальной мозаике первых путевых главок: рамой всей этой части «Москвы – Петушков» являются отсылки к великим трагедиям; в ее начале борющийся с тошнотой Веничка разыгрывает шекспировского «Отелло» – ближе к концу, перед самым Реутовым, герой Ерофеева описывает борьбу сердца с рассудком, «как в трагедиях Пьера Корнеля...» (141). И это символично – не только как предвестие предстоящей трагедии, но и как указание на тот неразрешимый конфликт, который раскрывается уже здесь, в начале пути. Веничка распахивает душу в своей «всемирной отзывчивости», а его отталкивают и гонят; он пьет «за здоровье всего прекрасного и высокого», а его приготовились «п...ть по законам добра и красоты» (141). Соседи-собутыльники «отстраняют» Веничку (134), дамы «по всей петушинской ветке» – «понимают» его «строго наоборот» (136), товарищи по бригаде и начальство – распинают («Распятие совершилось – ровно через тридцать дней после Вознесения», 140), ангелы – порицают («Фффу!», 141). Все оборачивается против любящего мир героя – даже философские категории: вот «умный-умный в коверкотовом пальто» профанирует интимный ритуал выпивки, все повторяя «трас-ценден-тально» (133), вот собутыльники используют гегелевскую диалектику, чтобы уличить гордеца («Ты негативно утверждаешь», 135), вот втуне пропадают его «кантовские» оправдания перед дамами («...пукнуть – это ведь так ноуменально...», 136), вот, наконец, «философия истории» того же Гегеля (141) предвещает, что Веничку будут бить.

В какой роли, таким образом, оказывается любовно вышедший в мир герой – в главках между маской Отелло и маской Сиды? Через все комические призмы – главным трагическим героем, в роли Гамлета («вдумчивого принца-аналитика», 141), захваченного к тому же пастернаковской стихией всепрятия. Едва проехав Карачарово, ерофеевский герой уже глядит в глаза своего народа совсем по-пастернаковски, расширительно перифразируя стихи эпохи «Тем и вариаций»:

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья²³⁸.

Когда же Веничка доезжает до Реутова, может быть, как раз ассоциация с другим знаменитым стихотворением Пастернака приводит к соединению «любовного» анализа Гамлета с великой жертвой Христа («Распятие свершилось»). Так Веничка, только опохмелившись, сразу спешит вправить «сустав времени», преодолеть «море бед» и при этом готов принять муки крестного пути. И от чаши, конечно, – не отказывается.

Мережковского «Христос и Антихрист» (Власов. С. 239).

²³⁸ Стихотворение «Весна, я с улицы, где тополь удивлен...», 1918 (Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. М., 2003. С. 199). О том, что совпадение строк неслучайно, свидетельствует пометка от 1964 года в записной книжке Ерофеева: «Глаза бездонные и лишенные выражения» (Б. Пастернак)» (Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 188).

Глава третья

Венедикт: Орехово-Зуево – Владимир

«Я ушел тихонько, без всяких эффектов», – вспоминал Ерофеев в интервью с Л. Прудовским свое расставание с филологическим факультетом МГУ²³⁹. На самом деле, уйти совсем «тихонько» не получилось. Под разнообразными предложениями Венедикт, сколько мог, не выселялся из университетского общежития, ведь жить ему в Москве было решительно негде. Наконец администрации это надоело, и 8 февраля 1957 года Ерофеева со скандалом выдворили со Стрмынки.

С этого выселения начался долгий период его бродяжничества и ночлегов у друзей, подруг, знакомых и родственников, в общежитиях педагогических институтов и рабочих контор, в съемных комнатах, на дачах, в экспедиционных палатках, а то и просто под открытым небом. «Он по природе своей был очень бездомным человеком», – резюмировал Владимир Муравьев²⁴⁰. «“Москва – Петушки” – это то, что вызревало в нем с конца 1950-х», – свидетельствует филолог Николай Котрелев, не в последнюю очередь имея в виду скитальческий опыт Ерофеева²⁴¹.

«Не вино и не бабы сгубили молодость мою. Но подмосковные электропоезда ее сгубили», – отметил Ерофеев в записной книжке 1973 года²⁴². «Лет восемь или десять мы жили в железнодорожных тупиках, – лишь самую малость стущая краски, рассказывал о второй половине 1960-х – начале 1970-х годов и тогдашнем быте Ерофеева и его компании один из ее участников, Игорь Авдиев. – Мы садились в электричку и ехали по старому любимому маршруту, до Петушков. А потом последний поезд загоняли в тупик, и там, в тупиках, приходилось ночевать»²⁴³. Он же вполне убедительно обосновал одну из главных причин, заставлявших Ерофеева в юности постоянно переезжать с места на место и бросать один институт за другим, – нежелание служить в армии: «С 1963 по 1973 гг. Венедикт имел работу в СУС-5 (Специализированное управление связи), пристанище (вагончики, общежития), убежище: на этой работе не требовали прописки и приписки. Последнее место, где гражданин В. В. Ерофеев был прописан, это Павловский Посад, и там же приписан к местному горвоенкомату в 1958 году. После этого “гражданин” (со священной обязанностью перед Родиной) исчез. Можно удивляться, с какой легкостью Венедикт оставляет институты, сам провоцирует изгнание себя из общежитий этих институтов, если только не понимать всей подоплеку этих поступков. Я шел по следам Венедикта и знаю: после исключения из первого института я поступил в следующий, но не мог прописаться в общежитии – уже был объявлен всесоюзный розыск дезертира»²⁴⁴. Относительно «всесоюзного розыска» Авдиев несколько погорячился, однако прикрепление к военкомату действительно было обязательным условием прописки для любого гражданина СССР. А с военкоматами и в те времена шутки были плохи.

Однако в феврале 1957 года до житья в вагончиках еще не доходило. Тогда Ерофеев коротал ночи у своей тети Авдотьи Карякиной, а также у друзей из университета и их знако-

²³⁹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 495.

²⁴⁰ Там же. С. 583.

²⁴¹ См.: Россия – Russia. Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.; Венеция, 1998. С. 14.

²⁴² Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 44.

²⁴³ Документальный фильм «Москва – Петушки» (режиссер П. Павликовский). URL: https://www.youtube.com/watch?v=WHvNN0r_A8w.

²⁴⁴ Авдиев И. Предисловие // Ерофеев В. Последний дневник (сентябрь 1989 г. – март 1990 г.) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 164.

мых. Тот же Николай Котрелев вспоминает, как Венедикт несколько раз оставался на ночь в коммуналке на Трубной улице, в комнате младшего брата Владимира Муравьева, Леонида (Ледика²⁴⁵), и сосед Ледика по квартире потом ворчал: «Опять мурманский ночевал».

В начале марта Ерофеев устроился разнорабочим во второе строительное управление «Ремстройтреста» Краснопресненского района и получил комнату в общежитии этого треста. На инерционной волне студенческой дружбы сюда к нему несколько раз заглядывали прежние товарищи. «Была осень 1957 года, наш курс жил еще на Стромынке, – вспоминает Юрий Романеев. – Леня Самосейко сказал мне, что у Вени день рождения, и я смог бы его поздравить, только непременно с бутылкой водки. Дал мне Леня адрес, по которому я в вечерней Москве легко нашел новое Венино обиталище. Именинник оказался дома. В комнате было несколько кроватей с тумбочками при них. На Вениной тумбочке возвышалась стопка книг. Это было дореволюционное издание Фета. Кажется, в комнате были и другие жильцы, но в общение с нами они не вступали. И сам я долго не засиделся, поздравил Веню посредством бутылки и вскоре ретировался на Стромынку»²⁴⁶.

Упоминание про «стопку книг» на тумбочке Ерофеева – это деталь характерная и весьма значимая. Где бы он ни жил, в каких бы трудных условиях ни оказывался, его всегда сопровождало множество книг. «У Ерофеева была удивительная способность русского человека к самообразованию, то есть – способность без учителей начитать огромное количество материала, – рассказывает Алексей Муравьев. – Я думаю, что первоначальный разгон у него был такой сильный, что на этом разгоне он много чего освоил. Читал он постоянно». «Ерофеев не был систематически образованным человеком, однако знал очень много и этим знанием не подавлял. Цену себе знал, но держался с непоказной скромностью», – вспоминает Николай Котрелев. «Чаще всего, когда все были на лекциях, он читал лежа. И все свои знания он приобретал именно так – самоподготовкой и запойным чтением», – рассказывает Виктор Евсеев²⁴⁷. «Он всю жизнь читал, читал очень много, – свидетельствовал Владимир Муравьев. – Мог месяцами просиживать в Исторической библиотеке, а восприимчивость у него была великолепная»²⁴⁸. «У него были большие амбарные тетради, в которые он записывал то, что ему было неизвестно и что он хотел бы узнать, например, списки композиторов, музыку которых он еще не слушал», – рассказывает пианист Януш Гжелёнзка.

Посетила Ерофеева в общежитии «Ремстройтреста» и сестра Нина Фролова: «Я поехала к Венедикту, его проведать. Какой-то мужичок все мне пытался что-то о Венедикте сказать, а Венедикт ему не давал, потому что мама еще была жива тогда и Венедикт скрывал, что в университете уже не учится. И я помню, вид у него, конечно, был не очень-то... Я помню, я ему еще брюки отглаживала»²⁴⁹.

Совсем по-другому описывает встречу с Ерофеевым и его новыми соседями Владимир Муравьев: «...общежитие его было возле Красной Пресни. Когда я туда пришел, все простые рабочие на задних лапках перед ним танцевали, а главное – все они принялись писать стихи, читать, разговаривать о том, что им несвойственно. (Веничка эти стихи обрабатывал, а потом сделал совершенно потрясающую “Антологию стихов рабочего общежития”. Кое-что, конечно, сам написал.) Я спрашивал у Венички, как удалось так на них повлиять, но в этом не было ничего намеренного. Он просто заражал совершенно неподдельным, настоящим и внутренним интересом к литературе. Он действительно был человеком литературы, слова. Рожденным сло-

²⁴⁵ Упоминается вместе с братом Владимиром в главе «Черное – Купавна» поэмы «Москва – Петушки».

²⁴⁶ Романеев Ю. Мой Радциг, мои Дератани. С. 215.

²⁴⁷ Евсеев В. Он был белой вороной // Орехово-Зуевский литературный альманах. С. 466.

²⁴⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 574.

²⁴⁹ Острова.

вом, существующим со словесностью»²⁵⁰. Проблема истинного вклада рабочих в «Антологию» остается открытой. Например, Пранасу Яцквичусу (Моркусу) на вопрос «Там все стихи написал ты?» Ерофеев ответил: «Да, все сам»²⁵¹.

Некоторые из стихотворений, вошедших в «Антологию стихов рабочего общежития», сохранились. Приведем здесь три из них, впервые опубликованные Борисом Успенским.

Автором первого значится Василий Павлович Пион:

Граждане! Целиком обратитесь в слух!
Я прочитаю замечательный стих!
Если вы скажете: «Я оглох!»,
Я вам скажу: «Ах!»

Если кто-нибудь от болезни слёх,
Немедленно поезжайте на юх!
Правда, туда не берут простых,
Ну, да ладно, останемся! Эх!²⁵²

Второе стихотворение с заголовком «Инфаркт миокарда», подписано псевдонимом «Огненно рыжий завсегдатай», который сразу же и раскрывается – автором числится А. А. Осенко:

Сегодня я должен О. З. <очень заболеть>
Чтобы завтра до вечера Л., <лежать>
Мне очень не хочется С. <спать>
Но больше не хочется Р. <работать>

С утра надо выпить К. Д. <кило денатурата>
Потом пробежать К. Э. Т. <километров этак триста>
И то, что П. З. М. Ц. Д.
З. С. У. Б. В. С. А. Т.²⁵³

Жанр третьего стихотворения обозначен как эпиграмма, авторы Ряховский и Волкович, а обращена эта эпиграмма к самому Ерофееву:

Ты, в дни безденежья глотающий цистернами,
В дни ликования – мрачней свиньи,
Перед расстрелом справишься, наверное,
В каком году родился де Виньи!²⁵⁴

Чтобы у читателя не возникало иллюзий относительно достигнутого в случае Ерофеева духовного единения интеллигента и простого народа, приведем здесь откровенный фрагмент

²⁵⁰ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 578.

²⁵¹ Про Веничку. С. 68.

²⁵² Материалы к биографии и творчеству Венедикта Ерофеева // Varietas Et Concordia: No. 31: Essays in Honour of Pekka Pesonen. Slavica Helsingiensia Paperback. October, 2007. Helsinki, 2007. P. 503–504.

²⁵³ Материалы к биографии и творчеству Венедикта Ерофеева. С. 504. «П. З. М. Ц. Д.» Пранас Яцквичус (Моркус) предлагает расшифровывать как «придется зверски мучиться целый день»), а «З. С. У. Б. В. С. А. Т.» как «зато с утра буду в состоянии абсолютной трезвости» (Про Веничку. С. 75).

²⁵⁴ Материалы к биографии и творчеству Венедикта Ерофеева. С. 503.

из ерофеевской записной книжки 1966 года: «...мне ненавистен “простой человек”, т. е. ненавистен постоянно и глубоко, противен и в занятости, и в досуге, в радости и в слезах, в привязанностях и в злости, и все его вкусы, и манеры, и вся его “простота”, наконец»²⁵⁵. Очевидно, Ерофееву были абсолютно чужды как толстовская последовательная программа просвещения «простого человека», так и страстное толстовское желание опроститься самому. Может быть, поэтому он и не испытывал никаких трудностей при общении с «простыми рабочими»? Тон и стиль этого общения попытался передать в своих, к сожалению, чуть беллетризованных воспоминаниях о Ерофееве и Вадиме Тихонове Игорь Авдиев: «Не успели мы шлепнуть по маленькой, в комнату к нам стали всовываться коллеги Вени, работяги. Они были стыдливы. В них не было наглости и панибратства.

– Ну-ну, заходите, суки, – нехотя разрешил Веня. – Нальем им чуток? – Мы с Вадей согласились.

В комнату напозло человек пять-шесть. Что это были за люди? С ревнивым интересом я вглядывался в этих людей. Тихонов всех знал, он работал с ними. С Тихоновым они были на равных. А к Вене они относились с почтением.

Один из работяг, выпив, начал спрашивать у Вени что-то “умное”.

– О дурак! Откуда ты это взял? – отмахнулся Веня.

– Да ты же, Веничка, сам советовал почитать... – виновато промямлил пожилой оборот... – Вот я и взял в библиотеке книгу. – Вот – “Давид Строитель”...»²⁵⁶

11 ноября 1957 года Ерофеева уволили из «Ремстройтреста» за систематические прогулы. При этом «Стройтрестовское начальство настроило на Ерофеева несколько доносов в местную милицию с требованием “принять меры” <...> И милицейское начальство запретило ему покидать место обитания – общагу строительных рабочих в Новопресненском переулке – до рассмотрения заведенных на него дел в местном райсуде. Узнав об этом, Ерофеев из общаги спешно бежал и перешел на нелегальное положение»²⁵⁷.

Тем не менее в Москве Ерофеев прожил до лета 1958 года, успев поработать кочегаром и подсобным рабочим в пункте приема стеклотары²⁵⁸. Лето он провел в Кировске, а осенью 1958 года уехал в украинский город Славянск, где его сестра Нина работала с июня 1951 года в геолого-разведочной партии.

С Ниной Фроловой и ее мужем Юрием Ерофеев 24 октября 1958 года встретил в Славянске тот свой день рождения, который описан в «Москве – Петушках»: «...когда мне стукнуло 20 лет, – тогда я был безнадежно одинок. И день рождения был уныл. Пришел ко мне Юрий Петрович, пришла Нина Васильевна, принесли мне бутылку столичной и банку овощных голубцов, – и таким одиноким, таким невозможно одиноким показался я сам себе от этих голубцов, от этой столичной – что, не желая плакать, заплакал» (152). В декабре по протекции Юрия Фролова Ерофеев устроился грузчиком в отдел снабжения местного ремонтного завода, а в апреле перешел в Славянский отряд Артемовской комплексной геолого-разведочной партии. «Он был рабочим на глинистой станции, – рассказывает Нина Фролова. – Поскольку мы разведку делали на соляном месторождении, при бурении велась промывка глинистым раствором. И он там работал. Венедикт пишет в краткой автобиографии, что работал бурильщиком, но никогда он бурильщиком не был. Просто бурильщик – это звучит более романтично, чем просто рабочий. Там работали в основном женщины и он, в окружении женщин, молодой,

²⁵⁵ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 479.

²⁵⁶ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 549.

²⁵⁷ Матвеев П. Венедикт Ерофеев и КГБ // Colta.ru. 2014. 4 июня. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3459>.

²⁵⁸ Об этой работе Ерофеев позднее рассказывал Пранасу Яцквичусу (Моркусу): «Вот сидим мы с приятелем в вагончике для приема стеклотары, в темноте, разговариваем себе, ночь, тишина... Как вдруг – бабах по ставням! Они снаружи обиты жестью, грохот адский, крики. Мы притихли, молчим, слушаем. А оттуда: “Пора открывать, вам говорят! На часы посмотрите! Вешать таких мало!”» (Про Веничку. С. 70).

красивый, вечно с записными книжками... Конечно, он там не особенно работал, а просто общался. И женщины от него были в восторге. Венедикт, он ни в чем не знал меры. Хотя тогда совсем еще был юный мальчик. Он безбоянно много курил... Он даже ночью курил, как старики делают». «В эту пору он составлял “Антологию русской поэзии”, – вспоминает она же. – <...> Любил петь романсы. Научил мою пятилетнюю дочь Лену петь “На заре ты ее не буди”. К моей младшей дочери Марине относился с нежностью. При прощании поцеловал ее, а она заплакала. Хотя, по его словам, он не признавал родственных отношений»²⁵⁹.

Страсть Венедикта Ерофеева к составлению всевозможных антологий (например, «стихов рабочего общежития» в Москве или «русской поэзии» в Славянске) вытекала из того основополагающего свойства его личности, которое позднее отразилось и в знаменитых графиках из «Москвы – Петушков». Ерофеев был одержим идеей систематизации всего, что он по настоящему любил и ценил в жизни, будь то стихотворения русских поэтов, или количество выпитых каждый день граммов²⁶⁰, или найденные в течение лета и осени грибы, или свидания с любимой девушкой. Причем желание все описать и систематизировать не противостояло в сознании Ерофеева хаосу его беспорядочной жизни, а мирно уживалось с ним.

Вероятно, как раз стремление все-таки продолжить регулярное, систематическое образование (и конечно, необходимость обрести постоянный кров) побудили Ерофеева 14 июля 1959 года подать документы на филологический факультет Орехово-Зуевского педагогического института. Он «сразу обратил на себя внимание необыкновенной эрудицией. В конце августа прошел слух, что в институт поступил молодой человек необыкновенных способностей. Это сообщил моей жене ее отец – заведующий кафедрой педагогики и психологии А. В. Осоков»²⁶¹. «Его появление произвело некий фурор – о нем говорили все»²⁶² – так описывают яркий дебют Ерофеева в ОЗПИ его сокурсники Виктор Евсеев и Лидия Жарова.

Выбор именно этого института, если верить самому Ерофееву, был осуществлен наобум, куда бог пошлет: «...я бы так и исцвел на Украине в 59-м году, если бы мне один подвыпивший приятель не предложил: вот перед тобой глобус, ты его раскрути, Ерофеев, зажмуриь глаза, раскрути и ткни пальцем. Я его взял, я его раскрутил, я зажмурил глаза и ткнул пальцем – и попал в город Петушки <...> Потом я посмотрел, чего поблизости есть из высших учебных заведений, а поблизости из высших учебных заведений был Владимирский пединститут»²⁶³. Что и говорить, история замечательная, прямо из «Москвы – Петушков», но и откровенно завиральная. А что если Ерофеев ткнул бы пальцем в какую-нибудь Бельгию или Аргентину? На каком это глобусе он нашел город Петушки или хотя бы Владимир? А главное, если нашел Владимир и узнал, что там есть педагогический институт (откуда, кстати, узнал?), почему тогда документы подал в Орехово-Зуево, а во Владимирский пединститут поступил только в июне 1961 года?

«Когда было Орехово-Зуево, когда – Владимир и все остальное, я уже не разбирал, – рассказывал в своих мемуарах о Ерофееве друг Муравьев. – Он приезжал ко мне и высыпал, как из рога изобилия: “Давай я тебе составлю списки русских городов. Ты их читай по-разному: сначала по алфавиту, потом – в обратном направлении”. Из него сыпало все что угодно: Коломенское, Павлово-Посад, Владимир-на-Клязьме. Он говорил: “Я люблю двойные имена”. Приезжая, сообщал: “Я привез тебе рапорт о достижениях”»²⁶⁴.

²⁵⁹ Про Веничку. С. 10.

²⁶⁰ И не только им самим. Борис Сорокин рассказывал нам, как Венедикт читал Хемингуэя, подсчитывая, «сколько он выпил martinis за один день».

²⁶¹ Евсеев В. Он был белой вороной // Орехово-Зуевский литературный альманах. С. 465.

²⁶² Жарова Л. Веничка, или Речь в защиту... // Орехово-Зуевский литературный альманах. С. 468.

²⁶³ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 496.

²⁶⁴ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 575.

Что происходило в жизни Ерофеева в орехово-зуевский, а что во владимирский период перепутать, действительно, немудрено. Например, знанием Библии Ерофеев поражал своих товарищей не только по Владимирскому, но и по Орехово-Зуевскому пединституту. «Его аргументами в споре, как правило, были цитаты из Евангелия, о котором мы, полностью погруженные в коммунистическую атмосферу, тогда и не слыхивали», – вспоминает Виктор Евсеев²⁶⁵. И посещать действующие церкви Венедикт подбивал своих институтских приятелей и приятельниц и во Владимире, и в Орехово-Зуеве. «Как-то по приглашению Веньки мы группкой – трое ребят, две девчонки – тайком отправились на ночную службу в церковь (Рождество? Пасха?), а затем на кладбище, – пишет Лидия Жарова. – Это был поступок, – посещение церковных служб тогда не поощрялось. Венька рассказывал о сути христианства, о его исторических корнях, и то, о чем он говорил, поражало нас своей новизной и неадекватностью господствовавшим тогда взглядам»²⁶⁶. «Единственное, что для нас было важно, что он светился, а мы рядышком с ним были как маленькие свечечки. Мы тогда впервые вошли в церковь, чувствовали себя первохристианами», – рассказывает владимирский друг Ерофеева Вячеслав Улитин²⁶⁷.

Стремясь избежать путаницы, условимся орехово-зуевский отрезок ерофеевской биографии считать прошедшим в первую очередь под знаком любви, а владимирский – под знаком дружбы²⁶⁸.

Прежде чем речь пойдет о взаимоотношениях Ерофеева с орехово-зуевскими девушками, коротко расскажем об условиях быта в ОЗПИ и, собственно, отношении Ерофеева к учебе. «Лекции он не посещал принципиально, считал это пустой тратой времени, – свидетельствует Виктор Евсеев и рассказывает, как Ерофеев поспорил, что «первым перед началом сессии пойдет и сдаст самый трудный тогда экзамен по старославянскому языку на “отлично”». Зная, что Венька вообще не посещал никаких занятий, ребята смело поспорили с ним на бутылку коньяка. Каково же было их изумление, когда суровый преподаватель поставил ему “отлично”»²⁶⁹. «Ходил он избирательно – только на лекции по зарубежной литературе, – уточняет студентка ОЗПИ Лидия Жарова. – У нас в ту пору считалось признаком дурного тона не ходить “на Савицкого” – он был любимейшим из любимейших преподавателей наших. Как он читал Вергилия – на латыни! <...> Когда Ерофеев появлялся на галерке нашей просторной аудитории, всем нам нестерпимо хотелось обернуться, но останавливал риск нарваться на спокойный, насмешливый взгляд. Нам казалось, что Савицкий был польщен тем, что неординарный Ерофеев оказывал предпочтение только ему. Мы несколько раз видели их за оживленной беседой»²⁷⁰.

Среди причин, по которым Ерофеев редко посещал занятия, его сокурсники называют и чисто материальные. «Порой ему было просто не в чем идти на занятия – институт находился на окраине города», – свидетельствует Лидия Жарова²⁷¹. Вторит ей Виктор Евсеев: «Жил он, как и многие из нас, крайне скромно и бедно, ограничиваясь минимумом как в еде, так и в одежде. Зимой ему было просто не в чем ходить в институт (не было зимнего пальто,

²⁶⁵ Евсеев В. Он был белой вороной. С. 466.

²⁶⁶ Жарова Л. Веничка, или Речь в защиту... С. 470.

²⁶⁷ Интервью В. Улитина А. Агапову.

²⁶⁸ Сразу же отметим, что в Орехово-Зуеве Ерофеев продолжал литературные опыты. «Своих рукописей в руки он не давал, но я знаю, что он начинал работу (пьесу? повесть?) под названием “Тушинский вор, или Второе воскресение”. Время действия – начало 17 века, герой – второй Лжедмитрий. <...> Что-то мне удалось подсмотреть в его тетради <...> Помню, поразил не только почерк (как одиноки были несоединенные друг с другом буквы!), но и манера изложения – для каждого персонажа своя. Помню, как Дмитрий (в отчаянии?) пытался отравить себя водкой, с каким убийственным презрением была подана изменившая первому Дмитрию Марина Мнишек...» – вспоминает Лидия Жарова о не дошедшей до нас повести или пьесе Ерофеева этого времени (Жарова Л. Веничка, или Речь в защиту... С. 470–471).

²⁶⁹ Евсеев В. Он был белой вороной. С. 466.

²⁷⁰ Жарова Л. Веничка, или Речь в защиту... С. 468–469.

²⁷¹ Там же. С. 468.

шапки, сапог), а, возможно, он просто стеснялся появляться среди студентов в своем затрапезном виде. На девушек он совсем не обращал внимания, тогда как многим он нравился, а некоторые были даже влюблены в него»²⁷².

Тут нужно заметить, что мемуаристики по-разному оценивают как степень увлеченности Ерофеева противоположным полом, так и степень его собственной привлекательности. Скажем, Ирина Нагишкина считает, что у Ерофеева не было «эротического куража»²⁷³. «Я никогда не воспринимала Веничку как эротический объект. Он какой-то андрогинный был, казалось странным, что у него могут быть отношения с женщинами», – вспоминает Наталья Архипова. Наталье Бабасян тоже запомнилось, что «человек он был милый и совершенно асексуальный». А вот ерофеевская племянница Елена Даутова (та, которую он научил петь «На заре ты ее не буди...») рассказывает, что с дядей в пору его молодости «невозможно было идти по улице: проходящие дамы всегда обращали на него внимание»²⁷⁴. «Женщины сами проявляли инициативу. Чтобы он сам кого-то добивался – не помню такого», – вторит дочери Нина Фролова²⁷⁵. «Красивым он, вообще говоря, не был, черты лица у него были неправильные, нос курносый, который он любил подпирать пальцем, – вспоминает Людмила Евдокимова. – Но у женского пола он пользовался успехом». «Силу своего мужского обаяния Веня намеренно гасил, дабы нечаянно не ранить кого-нибудь напрасно. Он щадил женщин. Он берег людей от самого себя», – как бы примиряет эти полярные оценки Наталья Четверикова²⁷⁶. В записной книжке 1966 года Ерофеев признался, что «еще не встречал человека, которого эротическое до такой степени поглощало бы всего»²⁷⁷.

Как мы помним, в МГУ его поглощало чувство к Антонине Музыкантовой. В Орехово-Зуеве в жизнь Ерофеева на долгие годы вошла тогдашняя студентка биологического факультета педагогического института Юлия Рунова.

«Рунова у них была “комсомольская богиня”, – рассказывала Лидия Любчикова. – Она была, кажется, секретарь комсомольской организации, девица с волевым характером, ездила на мотоцикле, стреляла и так далее»²⁷⁸. Как «румяную пышную красавицу-комсомолку» определил Рунову Игорь Авдиев. Сам Ерофеев в записной книжке 1976 года назовет ее «белокаменной девушкой»²⁷⁹.

По-видимому, именно свою первую встречу с будущей возлюбленной Ерофеев преобразил в «сладостную легенду» (пользуясь формулой Федора Сологуба)²⁸⁰ в сочинении 1962 года под названием «Благая весть», которое, по его собственным словам, «знатоки в столице расценили как вздорную попытку дать “Евангелие русского экзистенциализма” и “Ницше, наизнанку вывернутого”»²⁸¹:

«...и вот явилась мне дева, достигшая в красоте пределов фантазии,
и подступила ко мне, и взгляд ее выражал желание и кроткую решимость;
и – я улыбнулся ей;
она – в ответ улыбнулась,
я – взглянул на нее с тупым обожанием,

²⁷² Ерофеев В. Он был белой вороной. С. 466.

²⁷³ Про Веничку. С. 91.

²⁷⁴ Про Веничку. С. 30.

²⁷⁵ Коктейль Ерофеева. Сестра культового писателя Нина Фролова: «От него всего можно было ожидать!»

²⁷⁶ Про Веничку. С. 151.

²⁷⁷ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 452.

²⁷⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 536.

²⁷⁹ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 203.

²⁸⁰ «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт» (Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 1. М., 1991. С. 7).

²⁸¹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 8. В другой редакции – «Благовествование». – О. Л., М. С., И. С.

она – польщенно хихикнула,
я – не спросил ее имени,
она – моего не спросила,
я – в трех словах выразил ей гамму своих желаний,
она – вздохнула,
я – выразительно опустил глаза,
она – посмотрела на небо,
я – посмотрел на небо,
она – выразительно опустила глаза,
и – оба мы, как водится, испускали сладостное дыхание, и нам обоим плотоядно мигали звезды,

и аромат расцветающей флоры кутал наши зыбкие очертания в мистический ореол,
и лениво журчали в канализационных трубах отходы бесплотных организмов, и классики мировой литературы уныло ворочались в гробах,

и – я смеялся утробным баритоном,
она – мне вторила сверхъестественно-звонким контральто,
я – дерзкой рукой измерил ее плотность, объем и рельеф,
она – упоительно вращала глазами,
я – по-буденновски насакивал,
она – самозабвенно кудахтала,
я – воспламенял ее трением,
она – похотливо вздрагивая, сдавалась,
я – изнывал от бешеной истомы,
она – задыхалась от слабости,
я – млел,
она – изнемогала,
я – трепетал,
она – содрогалась,
и – через мгновение – все тайники распахнулись и отверзлись все бездны, и в запредельных высотах стонали от счастья глупые херувимы

и Вселенная застыла в блаженном оцепенении»²⁸².

Свои последующие встречи с Юлией Руновой Ерофеев тщательно зафиксировал в записной книжке декабря 1959 – мая 1960 гг., не забывая о мельчайших деталях, до которых он вообще был большой охотник. На наш взгляд, сегодня эта хроника читается как проза куда более увлекательная, чем претенциозная «Благая весть».

Процитируем здесь записи за декабрь 1959 года: «4 дек<абря> – первое столк<новение> В 20-й.

5 дек. – Толки. Вижу, спуск<ается> по лестнице, в оранжевой лыжной куртке.

6 дек. – Вижу. Потупила глаза. Прохожу мимо с подсвистом.

7 дек. – Вижу: у комендантши меняет белье. Исподтишка смотрит.

8 дек. – В какой-то белой штучке с хохлацким вышитым воротничком. С Сопачевым.

9 дек. – Вижу. Промелькнула в 10-ю комн<ату>.

10 дек. – Сталкивались по пути из буфета. В той же малороссийской кофте.

11 дек. – Р<унова> в составе студкомиссии.

12 дек. – У нас с Оболенским сидит два часа. С какими-то глупыми салфетками.

13 дек. – Вижу, прогуливаясь с пьяной А. Захаровой.

14 дек. – Обозреваю с подоконника, в составе комиссии.

²⁸² Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 300.

15 дек. – В глупом спортивном костюме. Вероятно, на каток. Вечером с Красовским проявляем ее портрет.

16 дек. – Не вижу.

17 дек. – Вижу, прогуливаясь с Коргиным по 2-му этажу.

18 дек. – Не вижу.

19 дек. – Р<унова> с Тимофеевой у нас в комнате. Пьяно с ней дебатую.

20 дек. – С дивана 2-го этажа созерцаю ее хождения.

21 дек. – Вижу ее с А. Захаровой, студобход. Подклеила Евангелие.

22 дек. – Вызывает А. Сопачева.

23 дек. – Вижу дважды. В пальто, с Красовским. И столкн<новение> на лестнице.

24 дек. – Не вижу.

25 дек. – С Красовским на лыжах едут за елкой, я отказываюсь. Встречаю их по возвращении. В 22-ю. Неужели забыли? Вечером обзираю ее внизу, сидя с Окуневой.

26 дек. – Серж и Лев у них в комнате. Встречи. Письмо к Синичен<ковой>. Р<унова>: “А мне записки нет?”.

27 дек. – Обзираю Р<унову> и К^о, сидя в вестибюле 2-го этажа. Подходит Р<унова> и просит убрать от них постылого Коргина. Отказываюсь. Встаю и иду к Окуневой.

28 дек. – Встретившись на лестнице, не здороваемся.

29 дек. – С Тимофеевой вторгается в нашу комнату в поисках Сопачева.

30 дек. – По сообщению Оболен<ского>, была у нас в комнате около часу, откуда я слушал музыку у Захаровой.

31 дек. – Новый год. Моралина, Окунева *etc.*»²⁸³

Нужно иметь в виду, что Ерофеев «был чудовищно застенчив» (как отмечает, например, Алексей Муравьев). Ему, наверное, было куда легче эпатировать возлюбленную, чем нормально, «по-взрослому» с ней общаться. Однако еще важнее указать, что именно в свой ерофеевский период Венедикт пришел к пониманию жизни как большого эксперимента, в котором роль главного экспериментатора отведена ему самому. «Возлюбленным его университетским не позавидуешь никак. Тут включались разрушительные силы, – прямо сформулировал Владимир Муравьев. – Близко подошедшие становились объектами почти издевательских экспериментов. А вокруг него всегда был хоровод. Много он провоцировал. Жизнь его была непрерывным действием, которое он режиссировал, – отчасти сочинял, отчасти был непредсказуем, и все становились соучастниками этого действия»²⁸⁴. «Он был ужасный экспериментатор, Ерофеев», – вторил Муравьеву Вадим Тихонов²⁸⁵. «Однажды он сказал мне, что хочет собрать в своей деревне мужей, жен, любовниц мужей и любовников жен, – рассказывала о гораздо более позднем периоде ерофеевской жизни Лидия Любчикова. – Я его идеи не оценила и даже рассердилась, что он хочет всех “наколоть на булавку и разглядывать”. А он улыбался, мечтательно прищурился и приятным голосом говорил: “Нет, это было бы очень интересно”. Я сейчас вспоминаю его милое лицо, и мне смешно и грустно. И я понимаю, что у него, очевидно, была потребность встать в сторонку или над и посмотреть. И это нисколько не исключает, что он смотрел из своего “над” с любовью, нежностью. А большинству, наверное, кажется, что со злостью, тяжестью, ерничеством»²⁸⁶.

Впрочем, с декабря 1959 по октябрь 1960 года Венедикт не столько ставил «издевательские эксперименты» с участием Юлии Руновой, сколько как мог и умел за ней ухаживал. То он

²⁸³ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 11–12.

²⁸⁴ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 583.

²⁸⁵ Вадим Тихонов: «Я – отблеск Венедикта Ерофеева». «<И>нога он экспериментировал над собой и окружающими: ну, посмотрим, что из этого получится...» – вспоминает и Людмила Чернышева, познакомившаяся с Ерофеевым в 1965 году (Чернышева Л. Венедикт Ерофеев глазами друзей // Молва. 1997. № 129 (1031). 28 октября).

²⁸⁶ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 541.

вступал с Юлией в несколько утомительную игру многих влюбленных на первом этапе отношений – кто кого молча пересидит на общежитском диване (победа осталась за Юлией; Венедикт в час ночи отправился спать). То преподносил Руновой в подарок на день рождения плакат «Ударница Паша Ангелина на своем тракторе устанавливает рекорд по вспашке». То бросал на балкон комнаты, где жила Юлия, букет черемухи вместе с запиской, в которой предлагал вместе ехать на Кольский полуостров на все лето. Ответом Руновой тоже была записка с коротким текстом: «Я не понимаю твоих действий и намерений»²⁸⁷.

Однако завершилась институтская стадия взаимоотношений Ерофеева и Руновой как раз скандальным экспериментом. Юлия заранее предупредила Венедикта, что 14 октября 1960 года в комнату, где он жил со своими товарищами, наведается внеплановая комиссия. Она состояла из проректора педагогического института по учебной части Сергея Васильевича Назарьева, парторга Камкова, коменданта общежития и нее самой. Вот для этих-то незваных гостей Ерофеев и срежиссировал целое коллективное представление, включавшее в себя прослушивание по радио запрещенного «Голоса Америки», молитвы на коленях перед иконами и другие эпатажные выходы²⁸⁸.

Понятно, что этот спектакль положил конец пребыванию Венедикта Ерофеева в Орехово-Зуевском педагогическом институте и его общежитии: приказом ректората от 19 октября «за академическую задолженность и систематическое нарушение трудовой дисциплины» Ерофеев был исключен из числа студентов. Однако с Юлией Руновой он общаться продолжал. Более того, новый, 1961 год Ерофеев и Рунова встречали вместе.

В конце апреля этого года Венедикт устроился грузчиком на строительстве дорожной трассы во Владимире, а 25 мая написал заявление ректору Владимирского педагогического института с просьбой допустить его к вступительным экзаменам на заочное отделение филологического факультета. При этом Ерофеев сознательно умолчал, что учился в МГУ. Не стал он пользоваться и своей золотой медалью, а просто взял и сдал (все – на «отлично») четыре вступительных экзамена в институт, причем сделал это всего за 10 дней²⁸⁹.

Чтобы легче было понять, каким человеком Венедикт Ерофеев предстал в глазах начальства Владимирского пединститута, приведем здесь его автобиографию, сохранившуюся в числе других вступительных документов.

Автобиография

Я, Ерофеев Венедикт Васильевич, родился 24/X 1938 года в ст. Чупа Карельской АССР. Мой отец – станционный служащий, мать – домохозяйка. В 1945 году я начал учиться в школе и в 1955 году закончил 10 классов в 1-й Средней школе города Кировска Мурманской области. Затем работал грузчиком на железнодорожной станции, каменщиком на строительстве в

²⁸⁷ Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева. С. 36.

²⁸⁸ См.: Там же. С. 37. Ерофеев с товарищами и до этого уже не раз испытывали пределы терпения институтского начальства. «В Орехово-Зуевском пединституте Ерофеев и Бармичев были редакторами стенгазеты, – рассказывает Андрей Архипов. – Первый номер был такой. Большими буквами было написано: КТО МЧИТСЯ, КТО СКАЧЕТ ПО ТЕМНЫМ АЛЛЕЯМ? ЭТО: Цедринский, Оболенский, Бармичев и т. д., СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕ ЖАЛЕЯ. Второй номер выглядел примерно так же: КТО МЧИТСЯ, КТО СКАЧЕТ и т. д. Это: Ерофеев, Оболенский, Цедринский и т. д., СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕ ЖАЛЕЯ. Когда приблизились октябрьские праздники, декан призвал Ерофеева и Бармичева и попросил сделать что-нибудь праздничное, разнообразное. И они сделали. В газете было помещено два стихотворения, одно: “Врывайся, октябрьский ветер, // В посадки хлопка-сырца...” и другое: “Врывайся, октябрьский ветер, // В посадки льна-долгунца...” Продолжения у этих стихов, кажется, не было». С Валерием Бармичевым и его женой Валентиной Ерофеев сохранил дружеские связи на всю жизнь. 10 июля 1986 года датируется его шуточный инскрипт на книге ортодоксального советского поэта Николая Грибачева: «Ненавистным Бармичевым от любимого ими В. Ерофеева».

²⁸⁹ За предоставленную информацию об этом периоде жизни Венедикта Ерофеева мы благодарим Евгения Шталя.

Москве, кочегаром в ЖКО Ремстройтреста Советского района г. Москвы, буровым рабочим в геологоразведочной партии в Донбассе. Летом 1959 г. я поступил на филологический ф-т Орехово-Зуевского педагогического института. Но, вынужденный совмещать учебу с работой на товарной станции, я допустил много пропусков и был отчислен в октябре 1960 года. С апреля этого года я работаю на строительстве трассы ДСР-4 города Владимира.

В. Ерофеев

«Что касается начальства – Веню приняли они с распростертыми сначала объятьями, – рассказывал Борис Сорокин журналисту Евгению Викулову. – Они увидели, что это человек со стройки. Они его посчитали за самородка. Он работал на стройке во Владимире. Вдруг подал заявление в пединститут. На первом же экзамене он их совершенно ошеломил. И вместо того, чтобы, как теперешний, скажем, человек подумает: ага! а не учился ли он где-нибудь? И не является ли он каким-нибудь сыном лейтенанта Шмидта, который случайно здесь работает? <...> Шаблоны тогда в головах были: “Человек из народа, сверходаренный, на стройке... Его надо поднять. Гений, самородок”. Вот они его взяли, <...> дали ему сразу повышенную стипендию»²⁹⁰.

Сам Ерофеев рассказал о подробностях своего поступления в институт в коротком мемуарном тексте, написанном в 1988 году по просьбе Натальи Шмельковой («за страницу рукописного текста – бутылка шампанского» – такое условие он поставил подруге)²⁹¹: «Июль 61-го. Город Владимир. Приемные испытания во Владимирский педагогический институт имени Лебедева-Полянского. Подхожу к столу и вытягиваю билет: 1. Синтаксические конструкции в прямой речи и связанная с ней пунктуация. 2. Критика 1860-х гг. о романе Н. Г. Чернышевского “Что делать?”. Трое за экзаменационным столом смотрят на меня с повышенным аппетитом. Декан филологического факультета Раиса Лазаревна с хронической улыбкой: “Вам, судя по вашему сочинению о Маяковском, которое все мы расценили по самому высшему баллу, – вам, наверное, и не надо готовиться к ответу. Присаживайтесь”.

Само собой, ни о каких синтаксических конструкциях речь не идет.

– Кем вы сейчас работаете? Тяжело ли вам?

– Не слишком, – говорю, – хоть работа из самых беспрестижных и препаскуднейших: грузчик на главном цементном складе.

– Вы каждый день в цементе?

– Да, – говорю, – каждый день в цементе.

– А почему вы поступаете на заочное отделение? Вот мы все, и сидящие здесь, и некоторые отсутствующие, решили единогласно: вам место в стационаре, мы все убеждены, что экзамены у вас пройдут без единого “хор.”, об этом не беспокойтесь, да вы вроде и не беспокоитесь. Честное слово, плюйте на ваш цемент, идите к нам на стационар. Мы обещаем вам самую почетную стипендию института, стипендию имени Лебедева-Полянского. Вы прирожденный филолог. Мы обеспечим вас научной работой. Вы сможете публиковаться в наших “Ученых записках” с тем, чтобы подкрепить себя материально. Все-таки вам 22, у вас есть определенная сумма определенных потребностей.

– Да, да, да, вот эта сумма у меня, пожалуй, есть.

В кольцо ободряющих улыбок: “Так будет ко мне хоть какой-нибудь пустячный вопрос, ну, хоть о литературных критиках 60-х годов?”

– Будет. Так. Кто, по вашему разумению, оценил роман Николая Гавриловича самым точным образом?

²⁹⁰ Радиопрограмма «Говорит Владимир». 2018. 31. 03. URL: https://vk.com/wall-66573084_3673.

²⁹¹ Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева. Дневники. С. 152.

– По-моему, Асоченский и чуть-чуть Скабичевский. Все остальные валяли дурака более или менее, от Афанасия Фета до Боткина.

– Позвольте, но как вам может нравиться мнение Асоченского, злостного ретрограда тех времен?

Раиса Лазаревна: “О, на сегодня достаточно. Я, с согласия сидящего перед нами уникального абитуриента, считаю его зачисленным на дневное отделение под номером один, поскольку экзамены на дневное отделение еще не начались. У вас осталась история и *Sprechen Sie Deutsch?* Ну, это для вас безделки. Уже с первого сентября мы должны становиться друзьями”.

Сентябрь 61-го года. Уже четвертая палата общежития института и редчайшая для первокурсника честь – стипендия имени Лебедева-Полянского»²⁹².

Пройдет всего лишь несколько месяцев, и декан филологического факультета Раиса Засма вместе с другими преподавателями пединститута горько пожалеет о принятом в июле скоропалительном решении. «Раиса Лазаревна говорила, что поступление Ерофеева в пединститут было ее главной педагогической ошибкой», – рассказывает Борис Сорокин. Позволим себе личное воспоминание: когда один из авторов этой биографии в 1995 году, во Владимире, будучи в гостях у прекрасного ученого, либерала и любимца студентов Александра Борисовича Пеньковского, спросил: «А какие воспоминания у вас остались о студенте Ерофееве?» – тот в ужасе схватился за голову.

В интервью Л. Прудовскому о своем обычном времяпрепровождении во владимирском студенческом общежитии Ерофеев рассказывал так: «Я лежал себе тихонько, попивал. Народ ко мне... в конце концов получилось так, что весь народ раскололся на две части. Вот так, если покороче, <...> весь институт раскололся на попов и на... Там было много вариаций, но в основном на попов и комсомольцев. Этак я оказался во главе попов, а там глав-зам-трампа-пам оказался во главе комсомольцев моим противником. <...> За мной стоит линия, за ними тоже линия. Мы садимся, это я предлагаю садиться за стол переговоров, чтобы избежать рукоприкладства и все такое. Они говорят: давай, садимся. И вот мы сели и пили сначала сто грамм, потом по пятьдесят, потом по сто пятьдесят, потом... и понемногу, ну, набирали <...> Попы с комсомольцами сели тихонько... Ну, одним словом, они занимались делом. А я сидел и чувствовал себя человеком, который предотвратил кровопролитие»²⁹³.

А вот как вспоминал о буднях Венедикта в общежитии Владимирского пединститута его тогдашний сосед по комнате Г. Зоткин: «Выпивал (много об этом говорили, говорят и поныне досужие языки). Выпивали и мы, но отнюдь не во вред делу. Имею в виду самообразование в самом хорошем смысле. Но я никогда не видел Ерофеева пьяным. Наоборот, в такие минуты каждая клеточка его мозга и сердца была словно обнажена, очищена от временного налета, каждая сияла, как начищенная монета, источая перлы великого смысла и незаурядного чувства. В такие минуты он был неотразим. Конечно, по утрам чувствовал себя плохо. Подолгу сидя в постели в позе “больного Некрасова” – привалясь к подушке, подложенной к спинке кровати, много курил. Развертывал сигаретные окурки, сыпал в газетную заготовку (обертку) и закуривал “цигарку”. Обыкновенную “мужицкую”, держа ее двумя пальцами. Бумажная пепельница – освободившаяся из-под сигарет пачка – постоянно переполнялась. Пепел сыпался на тумбочку, где она стояла, потом – на пол. Недруги видели это, заходя в нашу комнату, судачили по углам и прилюдно. Создавалось общественное мнение. К декабрю <19>61-го оно определилось и вылилось в собрание жильцов общежития, головной проблемой которого был вопрос, поставленный на ребро: быть или не быть В. Ерофееву в студобщежитии»²⁹⁴.

²⁹² Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева. С. 152–154.

²⁹³ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 497–498.

²⁹⁴ Зоткин Г. «Москва – Петушки», далее без остановок // Комсомольская правда. 1991. 28 мая.

Нужно, тем не менее, отметить, что именно числясь студентом Владимирского пединститута, Ерофеев предпринял единственную в жизни попытку написания и опубликования научных филологических статей. В интервью Л. Прудовскому он позднее рассказывал: «Когда поступил во Владимирский пединститут, мне сказали: “Венедикт Васильевич, если вам не на что будет жить, то у нас есть «Ученый вестник» Владимирского пединститута, и мы вам охотно предоставим страницы”. Но я, как только охотно сунул им в эти страницы всего две статьи о Генрике Ибсене, они заявили, что они методологически никуда не годятся <...> Я был тогда ослеплен вот этой скандинавской моей литературой. И только о ней писал <...> Потому что они – мои земляки»²⁹⁵.

Некоторые подробности об истории *непубликации* этих ерофеевских статей можно найти в радиоинтервью Бориса Сорокина: «Аксенова Евдокия Максимовна решила Веню как-то легализовать. “Ну что, Ерофеев... Ну напишите... Мы вас включим... Мы вас сделаем членом научного общества. Неужели вы не напишете. Ну, что вам интересно? Я вас не ограничиваю в этом выборе...” И он выбрал. Его тогда очень занимал Ибсен. <...> И он написал две вещи. Одна из них – “Хилая совесть”. Как тогда он говорил для нас, грешных, упрощенно, что это как бы антифашистские вещи. Или это заранее был такой ход, чтобы он пошел у Аксеновой <...> Несмотря на такой демократизм Аксеновой, она сказала, что это возмутительно невыдержанные методологически вещи. И они никуда не пошли. Где эти вещи сейчас – неизвестно»²⁹⁶.

Во время учебы во Владимирском пединституте Венедикт обзавелся целым эскортом, как он сам их называл, «оруженосцев»²⁹⁷. Это определение достаточно точно характеризует тип отношений, установившийся между Ерофеевым и его новыми друзьями. Уже в Орехово-Зуеве он с успехом примерил на себя то амплу, которое в их московской университетской компании было устойчиво закреплено за Владимиром Муравьевым, – амплу всеобщего наставника и признанного арбитра вкуса, насмешливого и категоричного. Во Владимире орехово-зуевский опыт был не просто повторен, а усовершенствован – постоянно мучившийся от собственной застенчивости Венедикт в глазах своих «оруженосцев» превратился в непререкаемый авторитет. «Муравьев на него оказывал такое же влияние в университете, как Ерофеев на меня», – прямо говорит Борис Сорокин.

Вот как он описывает обстоятельства своего знакомства с Ерофеевым в общежитии Владимирского пединститута: «Я постучался. За столом за книгой сидел молодой человек в пиджаке и рубашке»²⁹⁸. На нем были узенькие, модные тогда, брюки-дудочки, а на ногах – белые спортивные тапочки. Он производил странное впечатление – с одной стороны, в нем была некоторая претензия на моду, с другой – поношенность. Глядя на кок на его голове, я подумал, что, может быть, Венедикт в свое время стилижничал. При этом слово “модный” не относилось к нему никак. Около него стоял большой казенный чайник с кипятком, рядом лежали полбуханки черного хлеба и крошечный кулечек с сахарным песком. И во всем облике сидевшего чувствовались одновременно и бедность, и интеллигентность.

Оторвав глаза от “Философских этюдов” Мечникова, Венедикт вопрошающе посмотрел на меня своими маленькими, медвежьими и очень пронизательными глазками. Мы познакомились. Я к тому времени считал себя умненьким мальчиком и взахлеб стал делиться с Еро-

²⁹⁵ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 498.

²⁹⁶ Радиопрограмма «Говорит Владимир».

²⁹⁷ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 163.

²⁹⁸ «Я помню, как он стирал эту рубашку, – приводит Борис Сорокин другие подробности владимирского быта Ерофеева. – Он ее стирал по частям. Сначала он стирал воротник, потом стирал рукава... Я ему: “Веня, но почему же не всю?” – “Да нет, не надо...” И можно представить, что это за рубашка и какая она была белоснежная. Но почему-то это, да, производило такое впечатление. Так же говорила Любчикова, что на нем была всегда белая и чистая рубашка... Не знаю, не знаю, каким образом она сохранялась во всех поездках... Нет, у него, конечно, были некие запасы. Кроме тапочек, про которые я говорил, у него под кроватью стояли ботинки. А ботинки тогдашние... Я всегда носил ботинки за 10 рублей. А эти были за 20 с чем-то. Некоторый шик. Но он надевал их, видимо, очень редко».

феевым своими ощущениями от “Диалектики природы” и недавно прочитанной диссертации Чернышевского об эстетике. Я только начал говорить, как Венедикт меня раздраженно прервал:

– Да что же ты, Сорокин, все мне энгельсовщину да чернышевщину порешь (он сразу узнал, что я цитирую из Чернышевского).

– Ну а что вы можете возразить, – не унимался я, – на то, что “прекрасное есть жизнь”?

– Что могу возразить? – Венедикт интересно пошевелил губами. (В первые минуты знакомства он еще не осмелился меня вслух обматерить.) – А вот что, – непринужденно продолжал он. – Иконы византийские, с их многочисленными сценами страшного суда, видел, надеюсь? А ведь это скорее образцы человеческого уродства, где же здесь красота и полнота жизни? Но любой искусствовед тебе скажет, что они прекрасны.

Никаких византийских икон я не видел, но принял это к сведению. Потом мне пришлось принять к сведению почти все, что говорил мне Веня. Многие вещи, о которых я даже не подозревал... философия, литература, религия – все это я взял у Вени. Почти все. И до сих пор этим пользуюсь. Можно сказать, что своим образованием я обязан ему.

Во Владимире совсем недавно (в 1960 г.) вышел сборник Андрея Вознесенского “Мозаика”, и я начал было читать понравившиеся мне стихи, но снова попал под охлаждающий душ ерофеевского негодования.

– Не там ты ищешь, Сорокин, ты же совсем не знаешь предшественников его.

Потом, когда я стал часто заходить к Ерофееву, он знакомил меня с поэзией Серебряного века, каждый раз чем-то ошарашивая. Помню, например, из Брюсова: “Тень несозданных созданий // Колыхается во сне, // Словно лопасти латаний // На эмалевой стене”.

Тогда же (а может быть, и в одну из последующих встреч) Венедикт вынул из тумбочки Библию и сказал: “Вот, Сорокин, единственная книга, которую еще стоит читать”. Я ужаснулся и подумал: “Как же так, он читает Мечникова и так говорит про Библию?” Уходил я от него сильно озадаченный, одновременно с симпатией и страхом²⁹⁹. «Сначала я прочитал что-то из Ветхого завета, принес ему и сказал: “Веня, но это же все сказки!” – дополняет этот свой рассказ Сорокин. – А он был, возможно, с похмелья, несколько мрачный, и сказал мне: “Слушай, Сорокин. Может быть, ты когда-нибудь поумнееешь. Но запомни, что такого-то числа такого-то года ты был круглый дурак”». Сильно забегая вперед, приведем здесь и итоговую сорокинскую реплику о его взаимоотношениях с Ерофеевым: «Веня ко мне относился иногда хамовато. И, по-моему, не очень меня любил. Но это общение мне было необходимо как глоток свежего воздуха среди советской паскудности»³⁰⁰.

Сперва «озадаченный», а впоследствии безоглядно увлекшийся Венедиктом Борис Сорокин со временем ввел в его орбиту почти всех своих друзей: Валерия Маслова, Андрея Петяева, Игоря Авдиева³⁰¹ и будущего «любимого первенца» из «Москвы – Петушков» – Вадима Тихонова³⁰². Они-то и сформировали ерофеевскую свиту. Далее мы вслед за Лидией Любчиковой будем называть друзей Венедикта из этой компании «владимирцами». Отметим, что она

²⁹⁹ Этот мемуар основан на «Летописи жизни и творчества Венедикта Ерофеева» (С. 40–41) и наших разговорах с Борисом Сорокиным, в которых он внес в текст из «Летописи» некоторые поправки и дополнения.

³⁰⁰ «Для меня это было как взрыв. Я абсолютно изменился. И моя жизнь изменилась на 180 градусов», – рассказывает Борис Сорокин в интервью Евгению Викулову (радиопрограмма «Говорит Владимир»).

³⁰¹ Александр Кравецкий вспоминает об Игоре Авдееве так: «Этот заводной двухметровый человек с огромной бородой страшно пугал моих дочерей, церемонно обращаясь к ним, как к маленьким леди. Сейчас его имя в основном встречается в комментариях к “Петушкам”. А вот о чем совсем не вспоминают, так это о составленной Игорем книге “Всенощное бдение. Литургия”, выпущенной в 1982 году. Тогда это была единственная доступная книга про устройство богослужения. 60 тысяч экземпляров тиража разлетелись мгновенно. Книгу переснимали при помощи фотоаппарата, печатали на ксероксе (у меня она была в ксерокопии), репринт сделали на Западе, а с началом перестройки эта книга была переиздана бесчисленное число раз. При этом об авторстве Игоря никто не знал».

³⁰² «Вадик Тихонов был хулиган, – рассказывает о нем Сорокин. – Мы учились в одной школе, и он однажды директрису шлепнул по задку и что-то еще добавил такое».

не была однородной, а ее состав – постоянным, поэтому иные рассказы о «владимирцах» не следует распространять на всех перечисленных нами людей.

«Человек не успевал оглянуться, как становился его почитателем и рабом, – вспоминал Вадим Тихонов. – Рабом его мысли, его обаяния»³⁰³. А ведь начинал Тихонов не с почитания Ерофеева, а, по своему обыкновению, с глумления над ним, правда, глумления заглазного. «У меня есть такой друг, Боря Сорокин, – рассказывал “любимый первенец”. – Он поступил во Владимирский пединститут. И когда Ерофеева погнали из общежития за аморалку и пьянку, Сорокин ко мне пришел и сказал: “У меня есть сокурсник, совершенно гениальный, колосс и так далее...” Я, конечно, тут же сострил: “Небось, колосс на глиняных ногах?”»³⁰⁴ Тем не менее Тихонов явился к Ерофееву с великодушным и самоотверженным предложением. «Вадим надел розовое пальто, синюю шляпу, появился там и сказал Ерофееву: “Я готов вам предоставить политическое убежище!”» – рассказывает Борис Сорокин. А сам Венедикт вспоминал в интервью Л. Прудовскому: «Во Владимире <...> мне сказали: “Ерофеев, больше ты не жилец в общежитии”. И приходит абсолютно незнакомый человек и говорит: “Ерофейчик. Ты Ерофейчик?” Я говорю: “Как, то есть, Ерофейчик?” – “Нет, я спрашиваю: ты Ерофейчик?” Я говорю: “Ну, в конце концов, Ерофейчик”. – “Прошу покорно в мою квартиру. Она без вас пустует. Я предоставляю вам политическое убежище”»³⁰⁵. «Во Владимире он жил в деревянной двухэтажной развалюхе, улица Фрунзе. Там, недалеко от лесной линии, стоят мрачные старые постройки, сто лет им. Это была коммуналка, зловещая и вонючая. Клоповник такой», – вспоминал Владислав Цедринский³⁰⁶ о тихоновском жилье³⁰⁷. «Владимирцу» Алексею Чернявскому Тихонов рассказывал, что он тогда же предложил Венедикту вместе работать: «Он не знал, что делать. Я сказал ему: а хуй с ним, Ерофеев. Живи пока у меня. Пойдем на станцию цемента разгружать».

С этого момента Вадим Тихонов сделался при Ерофееве весьма нужным человеком, его добровольным «продюсером и менеджером» (по определению злоязычного Славы Лёна)³⁰⁸. В записной книжке 1973 года, обыгрывая название одноименного советского телесериала, Ерофеев назовет Тихонова «адъютантом его превосходительства»³⁰⁹. «У Вади Тихонова первый глоток водки немедленно выливался через нос в стакан, – пишет Андрей Архипов. – Этот “любимый первенец” – довольно важная фигура для понимания Ерофеева. Он устраивал балаган вокруг или около Ерофеева, говорил от лица благосклонно помалкивавшего Ерофеева, задирался, шутил как будто бы вместо него, и часто довольно забавно». «По-моему, Тихонов только среднюю школу закончил, – вспоминает Ольга Седакова. – Он был как бы сниженной тенью Венечки, вроде шута при короле у Шекспира. Но он тоже был совсем не простой человек! Работал он всегда в самых “негодных” местах: сторожил кладбище, работал истопником в психбольнице... И вот однажды он мне звонит с одной такой работы и говорит: “Прочитал Джойса, «Портрет художника в юности». Вот белиберда! (я смягчаю его отзыв) Совсем писать не умеет, балбес. Лучше бы «Детство» Толстого прочитал»»³¹⁰.

³⁰³ Вадим Тихонов: «Я – отблеск Венедикта Ерофеева».

³⁰⁴ Там же. «Я написала ему стишок – я его уже забыла совершенно. Помню, что в содержании было, что он колосс на глиняных ногах. Что-то такое», – вспоминает о Ерофееве Ирина Дмитренко.

³⁰⁵ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 505.

³⁰⁶ Упоминается в поэме «Москва – Петушки», глава «Орехово-Зуево – Крутое».

³⁰⁷ Про Венечку. С. 152.

³⁰⁸ Слава Лён рассказывает о Венедикте Ерофееве. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9xQaMcMZEUY>.

³⁰⁹ Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. С. 184.

³¹⁰ Седакова О. Венедикт Ерофеев – человек страстей. Характерную историю о Тихонове времен его работы на московском Новодевичьем кладбище вспоминает Ольга Савенкова (Азарх): «Много-много лет тому назад мой друг Вадя Тихонов, будучи сам родом из Владимира, не мог никак устроиться на работу в Москве. Он попросил меня взять у себя на работе справку о совместительстве. Была тогда такая практика. Я взяла, но дело не в этом. Справка была мне выдана для работы по совместительству могильщиком на Новодевичьем кладбище. Работал, естественно, Вадя. А когда я уезжала в Крым, Вадя принес мне

Вот как свиту Ерофеева характеризует Ольга Савенкова (Азарх), познакомившаяся с Венедиктом и его друзьями уже в 1970-х годах: «Очень длинный, в рыжем клетчатом пиджаке, с черной бородой, горящим взором, Игорь Авдиев был ярким персонажем. Он был умным, талантливым и очень необычным человеком, недаром в “Петушках” ему поручено озвучить столько парадоксов. Игорь с душой пел русские народные песни: “Среди долины ровныя”, “Лучина”, “Вдоль да по речке”. Андрей Петяев прекрасно пел Окуджаву, я потом уже не могла воспринимать оригинальное исполнение, так хорошо Андрей пел. Боря Сорокин всегда был религиозен. Над ним безобидно подтрунивали, но он был тверд. Когда было совсем голодно, из его кармана волшебным образом появлялся мятый кулек: “Ольга, будем пить чай с прениками”. Уютно жить, зная, что есть человек, у которого в кармане – “преники”. Боря был и, надеюсь, остался поэтом. Самый, пожалуй, светлый человек в моей жизни. Вадя Тихонов был мелкий бес. Язвительный, остроумный, но очень жуликоватый. Его постоянно отовсюду выгоняли, но он был такой обаятельный, что его тут же принимали обратно. А Веня, несомненно, был гением и мог стать кем угодно, но всему мешало “неутешное горе”, эта постоянная душевная боль. Я очень благодарна этой компании. Потому что даже Вадя Тихонов открывал нам такие горизонты, о которых мы, конечно, не слышали тогда. А когда говорили Игорь или Веня, я просто тихо сидела в уголке и слушала».

Ерофеевские блокноты самого начала 1960-х годов пестрят цитатами не только из Библии и Ильи Ильича Мечникова, но и из Ницше, а также из Достоевского. «Я постоянно считал себя умнее всех, которые меня окружают, и иногда, поверите ли, даже этого совестился», – сочувственно выписывает Венедикт признание парадоксалиста из «Записок из подполья»³¹¹. Как о заветном для их владимирской компании авторе вспоминал о Достоевском Вадим Тихонов³¹². «В нем была достоевщина, – констатировал Владимир Муравьев. – У каждого человека есть подполье в душе, чтобы было что преодолевать. И Веничка играл с темными силами, которые выходят из подполья души. Людям, которые подходили к нему на очень близкое расстояние, было нелегко»³¹³.

Встречаются на страницах записной книжки Ерофеева 1961 года и цитаты из «Бесов». Трудно отделаться от ощущения, что свои взаимоотношения с «владимирцами» Ерофеев едва ли не сознательно строил по модели «Ставрогин – участники “пятерки” Петра Верховенского». Во всяком случае, такие ассоциации приходили в голову мемуаристам. «В самом Вене мерещилось иногда что-то версильское, иногда – ставрогинское», – пишет Ольга Седакова³¹⁴. «А по манере – ну, чистые бесы, по Достоевскому», – рассказывал о «владимирцах» Феликс Бух³¹⁵, а Марк Фрейдкин даже сравнил Вадима Тихонова с участником «пятерки» из «Бесов» – Липутиным³¹⁶. «Бесу» из произведения другого великого писателя Тихонов был уподоблен в мемуарной зарисовке Людмилы Евдокимовой: «Вадим этот вообще состоял при нем шутком, эдаким Коровьевым, и думал только о том, как угодить своим балагурством. У Седаковой. Сидит Никита Ильич Толстой, рядом с ним Вадя, щупает его за рукав: “Никита Ильич, а сукнецо-то какое добротное”, – все покатываются. Что Толстой ответил, уж не помню. А ведь останься Вадя в своем Владимире, жил бы, кто знает, обычной жизнью, может, и пил бы не так шибко»³¹⁷.

на вокзал огромный букет цветов, стыдливо лепеча: “Не думай, не с могилок”. Да кто ж ему поверил».

³¹¹ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 33.

³¹² Вадим Тихонов: «Я – отблеск Венедикта Ерофеева».

³¹³ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 583.

³¹⁴ Там же. С. 598.

³¹⁵ Про Веничку. С. 101.

³¹⁶ Фрейдкин М. Каша из топора. С. 305.

³¹⁷ Ольга Савенкова (Азарх) сравнивает Тихонова с другим бесом из воландовской свиты: «Вадя явно был Бегемотом». О том, как Ерофеев с друзьями однажды посетил семинар лингвиста и фольклориста Никиты Ильича Толстого вспоминает Ольга

Неудивительно, что в мемуарах участников московской университетской компании Ерофеев, как правило, предстает совсем другим человеком, чем в воспоминаниях тех, кто общался с ним во Владимире. Он абсолютно по-разному относился к «москвичам» и «владимирцам» и, по-видимому, дорожил дружбой с первыми гораздо больше, чем со вторыми. Так, приглашая в 1974 году Валентину Филипповскую вместе встречать православное Рождество, он специально оговорил, что «никакой “швали” не будет, а будут только его друг Муравьев и еще кто-то, но кто именно, не помню», по всей вероятности, Лев Кобяков.

«Я думаю, настоящих друзей у него было мало, – рассказывала Лидия Любчикова, бывшая долгое время женой Вадима Тихонова. – Когда он был молодым, я знала, что его самым близким другом был Муравьев. Очевидно, это так и осталось до конца. А все эти “владимирцы”, которые были в молодости, скорее сами дружили с ним, чем Бен с ними. И Тихонов, которому он посвятил “Москву – Петушки”, в общем, другом его, конечно, не был, тут было что-то иное»³¹⁸. А ведь Тихонова Ерофеев, «кажется, по-настоящему любил» (свидетельствовал Марк Фрейдкин)³¹⁹.

Чем конкретно в 1961 году так сильно прогневали администрацию и преподавателей Владимирского педагогического института Венедикт Ерофеев и его приятели? Покойный Александр Пеньковский в давнем разговоре с нами не слишком внятно изложил зловещую историю о некоем клубе студенток-самоубийц, якобы организованном Венедиктом со товарищи³²⁰. Ольге Седаковой Ерофеев говорил, что «из владимирского педа» «его выгнали за венок сонетов, посвященный Зое Космодемьянской». В интервью И. Тосунян он сообщил, что его исключили «за чтение Библии»³²¹: «Я Библию тихонечко держал в тумбочке общежития ВПГИ, а те, кто убрали в комнате, ее обнаружили. С этого началось! Мне этот ужас был непонятен, ну подумаешь, у студента Библия в тумбочке!»³²² «За Библию его и вышибли. Узнали, что у него Библия есть, – подтверждает рассказ Ерофеева Борис Сорокин. – Кто-то непрошенный сунулся в комнату, а Веня в него швырнул Библией. И вот увидели: Библия. Это ужасное дело было тогда. Пединститут. Идеологический вуз. И – Библия...» «Про Венедикта ходили разные слухи, – продолжает он. – Например, что он заслан во Владимир из семинарии, чтобы разлагать советское студенчество».

Седакова: «Вероятно, это был 1972 год. И, вероятно, весна. На семинаре Н. И. Толстого по славянским древностям я делала доклад о погребальном обряде (это была тема моего диплома). Совсем в конце моей речи дверь аудитории открылась – и вошла страннейшая группа людей. Двухметровый черный, как смоль, Игорь Авдиев. Рядом – маленький горбатый В. Цедринский. Любимый первенец Тихонов. Еще кто-то не совсем форматный. Веничка с плетеной авоськой (пластиковых пакетов тогда не знали), в которой звенели две-три бутылки портвейна и батон за 13 копеек. Никиту Ильича это ничуть не смутило. Он приветливо пригласил их сесть и сказал мне: “Ну, Оля, теперь для вновь пришедших расскажите все с самого начала, хотя бы вкратце”. Н. И. Толстому нравились “Петушки”. Потом я привела Веничку к нему в гости, и Н. И. достал для дорогого гостя семейную посуду с гербом (нечасто он ее доставал!)».

³¹⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 544.

³¹⁹ Фрейдкин М. Каша из топора. С. 305.

³²⁰ Реакция Бориса Сорокина на этот рассказ о Ерофееве такова: «По-моему, это чушь совершенная про клуб самоубийц. У него был клуб женщин, но это никакие не самоубийцы. Они все назывались по цвету: Оранжевая, Серая, Зеленая, Белая, Розовая... Зимакова была Черная, она всегда ходила в черном...» Процитируем также фрагмент из мемуаров Игоря Авдиева, в котором речь явно идет о Пеньковском: «Один преподаватель как-то остановил меня и спросил: “Вы, кажется, знакомы с Ерофеевым?” Сознаться значило стать изгоем и изгнанным из института. Я сказал: “Знаком”. Он, улыбаясь: “А вам не страшно? Ведь Ерофеев поставил себе в жизни цель: привести к самоубийству сто человек?!” – “Почему сто?” – глупо удивился я». Анна Авдиева, вдова Игоря Авдиева, рассказала нам: «Насчет клуба самоубийц – Игорь об этом говорил. Сам он, как я понимаю, в момент знакомства с Ерофеевым был молодым человеком с раздраем в голове и, возможно, находился в том периоде своей жизни, который у некоторых сопровождается мыслями о самоубийстве. Собственно, он об этом мне так и рассказывал. Что когда ехал в поезде-электричке, бес ему нашептывал, что – отличный выход, шагнуть на ходу. Возможно, Игорь свои мысли и чувства поведал Вене, на что тот ему сказал (наверное) что-то вроде “э-э-э... дурак” и дал почитать Евангелие. Это факт – и Игорь не раз это вспоминал, что, наоборот, Веня его спас от шага в пустоту. Этот эпизод он рассказывал как раз в опровержение слухов о “клубе самоубийц”. И возможно, это было одной из причин, почему он так обожал Веню».

³²¹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 512.

³²² Ерофеев В. Мой очень жизненный путь.

Судя по всему, конкретного проступка, послужившего поводом к изгнанию из Владимирского педагогического института Ерофеева, а затем и части его окружения, не было. «Веню выгонять было, в общем, не за что, – рассказывает Борис Сорокин. – Он хорошо учился еще и потому, что так же на первом курсе учился в МГУ, а после этого в Орехово-Зуеве». Однако вызывающее поведение Венедикта и его влияние на других студентов, многие из которых стремительно вовлекались в ерофеевскую орбиту, подтолкнули руководство ВПГИ к решению избавить институт от Ерофеева под любым предлогом.

Владислав Цедринский, учившийся вместе с Ерофеевым во Владимире и живший с ним в общежитии, рассказывает о причинах изгнания Венедикта из института так: «Он не был одиозной личностью и начальство ничем не донимал – просто он был абсолютно свободен и поэтому непонятен. А все непонятное угрожает. Его постоянно принимали за некую абсолютную угрозу и формулировали ее для себя всякий по-разному. То это был агент иностранной державы, то это был агент черных демонических сил, то еще кто-то»³²³. Между прочим, Цедринского и еще нескольких студентов отчислили из Владимирского педагогического института за один только факт приятельства с Ерофеевым. «Они узнали, что он знаком со мной и с Венедиктом... – рассказывает Борис Сорокин. – А Владик, он был такой прямой – прямая душа. Сказал, что Венедикт – замечательный человек, очень умный. А эти ему: “Как можно так говорить?! Нельзя...” А я ушел сам и сказал, почему ухожу: в знак протеста. Потому что Венедикта выгнали ни за что. Потом Засьма стала говорить, что меня тоже выгнали...»

Окончательно проясняет ситуацию с исключением Ерофеева из Владимирского педагогического института содержательная статья Евгения Шталя. В ней, в частности, приводится текст «объективки» на Ерофеева, написанной по просьбе Раисы Засьмы заведующим институтским кабинетом марксизма-ленинизма и преподавателем Игорем Ивановичем Дудкиным: «Мне пришлось случайно беседовать со студентом 1-го курса т. Ерофеевым. Разговор шел на философские темы. Формальным поводом для беседы был вопрос о возможности его участия в философском кружке. Надо заметить, что с самого начала Ерофеев отбросил все претензии диалектического материализма на возможность познания истины. Он заявил, что истина якобы не одна. И на мои доводы он отвечал не иначе как усмешкой. В разговоре он показал полную политическую и методологическую незрелость. Он бездоказательно отвергает коренные, принципиальные положения марксизма: основной вопрос философии, партийность философии и т. д. Кроме того, его хвастливо-петушинный и весьма нескромный тон очень неприятно действовал на окружающих. Ерофеев, несмотря на болтовню, является абсолютным профаном в вопросах идеалистической философии. Он что-то слышал о Ф. Аквинском и Беркли, о Канте и Юме, но отнюдь не разобрался в их учениях по существу. Я, как преподаватель философии, считаю, что Ерофеев не может быть в числе наших студентов по следующим причинам:

1. Он самым вреднейшим образом воздействует на окружающих, пытаясь посеять неверие в правоту нашего мировоззрения.

2. Мне представляется, что он не просто заблуждается, а действует как вполне убежденный человек, чего, впрочем, он и сам не скрывает»³²⁴.

«Я его немного помню, – рассказывает о Дудкине Алексей Чернявский. – Он был человеком совершенно не вредным. Бывало, принимал у студентов зачет в ближайшей пивной. Но: честный верующий марксист. И тут к нему приходит Ерофеев! Я думаю, уже после пары ерофеевских вопросов, подъялдыкиваний, *etc.* (тапочки тоже не забудем!), Дудкин почувствовал себя как простой честный патер рядом с ересиархом»³²⁵.

³²³ Про Веничку. С. 154.

³²⁴ Шталь Е. Москва – Владимир – Петушки: Университеты Венедикта Ерофеева // Независимая газета. 2004. 12 августа.

³²⁵ «Заключались пари: придет ли он в тапочках на первое занятие?» – вспоминает Борис Сорокин (радиопрограмма «Говорит Владимир»).

27 января 1962 года Раиса Засьма подала на имя ректора пединститута специальную докладную записку о Ерофееве, которую тоже впервые опубликовал Евгений Шталь. Эта докладная содержит три пункта обвинения: «1. В октябре месяце Ерофеев был выселен из общежития решением общего собр<ания> и профкома ин<ститу>та за систематическое нарушение правил внутреннего распорядка: выпивки, отказы от работы по самообслуживанию, неуважение к товарищам, чтение и распространение среди студентов Библии, привезенной им в общежитие якобы “для изучения источников средневековой литературы”, грубость по отношению к студентам и преподавателям. 2. Ерофеев неоднократно пропускал занятия по неуважительным причинам. Всего им пропущено по н<астоящее> вр<емя> 32 часа. И хотя после выговора, полученного в деканате, и неоднократных предупреждений он последующее время <не> пропускал лекции, но занятия по уч<ебному> кино³²⁶ и физвоспитанию не посещал до конца. 3. Ерофеев оказывает самое отрицательное влияние на ряд студентов I-го и старших курсов (на Модина, Сорокина, отчасти Лизюкова, Авдошина, Зимакову, Ивашкину и т. д.) благодаря систематическим разговорам на “религиозно-философские” (так он их называет) темы. Скептическое, отрицательное отношение Ерофеева к проблемам воспитания детей, к ряду моральных проблем, связанных со взаимоотношениями людей, извращенные, методологически неправильные, несостоятельные взгляды Ерофеева на литературу (его будущую специальность), искусство, анархические, индивидуалистические взгляды на смысл и цель собственной жизни, некрасивое поведение в быту, бесконечная ложь в объяснениях причин того или иного поступка, все это делает невозможным дальнейшее пребывание Ерофеева в ин<сти>ту>те»³²⁷.

Приказ ректора об отчислении Ерофеева с филологического факультета института датирован 30 января 1962 года. В объяснительной своей части этот приказ варьировал докладную записку декана. Ерофеев исключался из состава студентов как человек, «моральный облик которого не соответствует требованиям, предъявляемым уставом вуза к будущему учителю и воспитателю молодого поколения»³²⁸.

«Серия комсомольских собраний на всех пяти факультетах, – записал Венедикт в блокноте. – Запрещено не только навещать меня, но даже заговаривать со мной на улице. Всякий заговоривший подлежит немедленному исключению из ВГПИ. Неслыханно»³²⁹. В этой же записной книжке Ерофеев пометил себе для памяти: «С 30 авг<уста> <19>61 г. – начало непреднамеренного и тихого разложения Владимирского пединститута»³³⁰. А в его блокноте 1966 года появилась такая запись, касающаяся и Владимира, и Орехово-Зуева: «Стоило только поправить кирпич над входом – рушится весь фасад пединститута»³³¹. В этой записи была вывернута наизнанку и «осовременена» евангельская метафора: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Матфей 21:42).

³²⁶ Ср. в воспоминаниях Бориса Сорокина: «У нас были дикие тогда некоторые экзамены. Например, “кинодело”. И его выгнали из-за кинодела». – О. Л., М. С., И. С.

³²⁷ Шталь Е. Москва – Владимир – Петушки: Университеты Венедикта Ерофеева.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 166.

³³⁰ Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 159.

³³¹ Там же. С. 457.

Веничка: Утро. Между Черным и Купавной

Следующая доза Венички, принятая в два приема – перед Никольским и перед Салтыковской, – сопровождается особенным нагнетением патетики. Одно за другим следуют высокие слова: при первом заходе – «порыв» и «величие» (143), при втором – «демон», «вздыхался» и «с небес» (145). С пафосом, по мысли Ф. Шиллера, неизбежно связано душевное страдание («Существо чувственное должно страдать жестоко и глубоко...»); вот и опустошение «Кубанской» вызывает в душе героя что-то вроде благоговейного ужаса. Счет выпитому ведет нарастающая тревога; мрачные предчувствия («Не в радость обратятся тебе эти тринадцать глотков», 143) сменяются намеками трагического фатума («Зачем ты все допил, Веня? Это слишком много...», 145). Значит, начинается новый, героический этап Веничкиной биографии: после Реутова он, в полном соответствии с шиллеровской эстетикой, «одним-единственным волевым актом» возвышается «до высшей степени человеческого достоинства», поскольку отваживается сначала устремиться к чрезмерному³³², а затем – открыться таинственному и страшному.

³³² «...Во всей земле, от самой Москвы и до самых Петушков – нет ничего такого, что было бы для меня слишком много...» (145).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.